

Филип К.
ДИК

КУЛЬТОВЫЙ РАЗРУШИТЕЛЬ РЕАЛЬНОСТИ
И ВЕЛИЧАЙШИЙ ПИСАТЕЛЬ XX ВЕКА!

ВСПОМНИТЬ ВСЕ

Четыре авторских сборника рассказов под одной обложкой!

Филип Дик

Вспомнить всё (сборник)

«ЭКСМО»

Дик Ф. К.

Вспомнить всё (сборник) / Ф. К. Дик — «Эксмо»,

ISBN 978-5-699-64424-7

В книгу вошли рассказы признанного мастера. Несмотря на то что они были написаны почти полвека назад, истории, рассказанные «разрушителем Вселенных», не потеряли своей актуальности и в наше время. Многие произведения Филипа Дика неоднократно экранизировались, среди самых известных – фильм «Бегущий по лезвию бритвы» с Харрисоном Фордом в главной роли. А по рассказу «Воспоминания оптом и в розницу» в 2012 г. был выпущен фильм «Вспомнить все» с Колином Фаррелом в главной роли.

ISBN 978-5-699-64424-7

© Дик Ф. К.

© Эксмо

Содержание

Унылый незнакомец	5
Вращающееся колесо	16
Странный Эдем	31
Тони и жуки	41
Обнуленные	51
На службе у хозяина	59
Экспонат с выставки	68
Неприсоединившийся	79
Нестыковка	92
Мир таланта	106
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Филип Дик Вспомнить всё (сборник)

УНЫЛЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Ровно в пять Эд Лойс привел себя в порядок, набросил пальто, надел шляпу, вывел из гаража машину и поехал в свой магазин (Эд торговал телевизорами). Он чувствовал себя порядочно уставшим: шутка сказать, сколько земли в подвале перекопано! А сколько он вывез на тачке за задний двор! Спина и руки болели. Но для такого возраста – Эду уже перевалило за сорок – нагрузка приличная, что и говорить. Дженет на сэкономленные деньги купит новую вазу. Плюс ему нравилось заниматься ремонтом фундамента.

Темнело. В длинных лучах заходящего солнца мельтешили прохожие – все как один усталые и мрачные: нагруженные пакетами и сумками женщины, перетекающие из университета домой толпы студентов, служащие, бизнесмены и легкомысленно одетые секретарши. Эд остановился на красный, потом повел свой «Паккард» дальше. Магазин прекрасно работал и без него – стоило приехать лишь для того, чтобы подменить кого-нибудь на время ужина, просмотреть отчетность. Возможно, он сам закроет пару сделок. Машина катилась мимо маленького островка зелени посреди улицы – местный парк. Напротив «Телевизоры Лойса: продажа и сервис-центр» не нашлось ни одного свободного места, Эд выругался и развернулся. И снова проехал мимо крохотного безлюдного скверика, оставляя за спиной питьевой фонтанчик, пустую скамейку и торчащий надо всем фонарь.

С фонаря, кстати, что-то свисало. Что-то такое темное, бесформенное. Какой-то тюк, что ли? Штука легонько покачивалась на ветру. Манекен?.. Лойс опустил окно и высунулся, чтобы рассмотреть загадочный предмет. Да что это, черт побери? Реклама какая-то? Торговая палата время от времени что-нибудь вывешивала в сквере...

Он снова развернулся и снова проехал мимо – сейчас он непременно разглядит эту непонятную штуку. Нет, не манекен. Да и на рекламу не очень-то похоже. Эд почувствовал, как волосы на загривке встают дыбом и с трудом сглотнул. По рукам и по шее потек пот.

С фонаря свисало тело. Человеческое тело.

* * *

– Ты только посмотри на это! – гаркнул Лойс. – А ну-ка, давай, давай, выходи!

Дон Фергюссон медленно и с достоинством выплыл из магазина, на ходу застегивая пиджак в полосочку.

– Эд, что-то важное? Действительно важное? Я не могу оставить магазин на помощника.

– Ты это видел? – и Эд ткнул пальцем в сгущающуюся темноту. Фонарь отчетливо вырисовывался на фоне закатного неба – столб, перекаладина и болтающийся на ней тюк. – Вон там вон. Какого... вы что, с ума все посходили? Сколько оно там уже висит? И все преспокойно мимо идут, как будто так и надо!

Дон Фергюссон медленно раскурил сигарету.

– Слушай, ну чего ты всполошился? Оно ж не без причины висит. Я уверен в этом, сто процентов.

– Не без причины? Да какая тут может быть причина, Дон?!

Фергюссон пожал плечами:

– Ну, помнишь, как Комитет по безопасности движения битый «Бьюик» выставил? Типа как предупреждение гражданам? Может, это в том же духе штука, мне откуда знать...

К ним подошел Джек Поттер из обувного магазина:

– Что случилось?

– Да вон там тело на фонаре висит, – сказал Лойс. – Пойду полицию вызову.

– Да они наверняка уже в курсе, – заметил Поттер. – Иначе бы уже давно сняли.

– Так, мне пора за прилавок, – строго сказал Фергюссон и направился обратно в магазин. – Сначала дело, потом удовольствие.

Лойса затрясло:

– Нет, ты это видел? Смотри! Там – висит – тело! Человек там мертвый висит на столбе!

– Конечно, видел, Эд! Я его еще после обеда первый раз увидел – как раз когда выходил кофейку попить.

– Так он что, с самого обеда там болтается?

– Ну да. А что такого? – Поттер коротко взглянул на часы. – Ладно, Эд, извини, мне пора. До скорого.

И Поттер быстро зашагал прочь, мгновенно замешавшись в толпу людей, вяло текущую по тротуару. Мужчины, женщины – все они шли мимо сквера. Некоторые с любопытством взглядывали на раскачивающийся тюк – и уходили дальше. Никто не остановился. Никто ничего не говорил, не обращал никакого внимания.

– Я, наверное, рехнусь сейчас, – пробормотал Лойс.

Быстро соскочил с бордюра и пошел прямо через проезжую часть, лавируя между сердито гудящих машин. Добрался до противоположного тротуара и ступил на зеленую травку сквера.

Тело принадлежало мужчине среднего возраста. Серый строгий костюм разорван в нескольких местах, на ткани пятна засохшей грязи. Лицо незнакомое. Лойс никогда его не видел. Не местный. Труп висел спиной к Лойсу, но вечерний ветерок качнул тело, и оно тихонько развернулось. Кожу словно когтями полосовали – в глубоких царапинах запеклась кровь. С уха жалостно болтались изломанные очки в стальной оправе. Глаза вылезли из орбит, язык, посиневший и распухший, вывалился изо рта.

– Силы небесные, – пробормотал Лойс, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Он сглотнул, потом сглотнул снова – и пошел обратно к тротуару.

Его трясло от отвращения – и страха.

Почему?! Как так вышло? Кто этот человек? Почему он висит здесь? Что все это значит?

И почему никому до этого нет ровно никакого дела?

Эд нечаянно налетел на бежавшего по тротуару человечка:

– Смотрите, куда идете! – проскрипел тот. И тут же охнул: – Батюшки, Эд, а я тебя так сразу и не узнал!

Эд кивнул – в голове стоял туман, мысли путались.

– Привет, Дженкинс.

– Что-то случилось? – Дженкинс служил в соседнем писчебумажном магазине. Он заботливо подхватил Эда под руку. – Ты неважно выглядишь...

– Там тело. В парке.

– Конечно-конечно, Эд. – Дженкинс бережно отвел его под вывеску «Телевизоры Лойса». – Ты, главное, не волнуйся.

Из ювелирного вышла Маргарет Хендерсон и присоединилась к ним:

– Помощь нужна?

– Да вот, Эду стало плохо.

Лойс вырвался из их рук:

– Да как вы... как вы можете вот так стоять и смотреть? Вы что, ничего не видите? Боже правый...

– О чем это он? – опасливо поинтересовалась Маргарет.

– Да о теле! – заорал Эд. – Там тело висит! На фонаре!

Вокруг них уже собралась небольшая толпа.

– Ему что, плохо? Да это же Эд Лойс! Эд, ты как?

– Те-ло! – заорал Эд на пределе легких и стал проталкиваться сквозь толпу.

Его хватали за локти, он вырывался.

– Да пустите же вы меня! Полиция! Вызовите полицию!

– Эд...

– Доктору, доктору звоните, ему срочно нужен доктор!

– Заболел?

– Какое, напился небось...

Лойс выдрался из круга гомонящих людей. Споткнулся и едва удержался на ногах. Перед глазами все плыло, каруселью вертелись лица – любопытные, озабоченные, встревоженные. Мужчины и женщины останавливались посмотреть, что случилось. Он принялся проталкиваться ко входу в свой магазин – за стеклом Фергюссон спокойно разговаривал с каким-то джентльменом, демонстрируя возможности телевизора марки «Эмерсон». Пит Фоли за стойкой сервис-центра подключал новый «Филко». Лойс заорал из последних сил, но его голос потонул в реве машин и гомоне толпы вокруг.

– Да сделайте же что-нибудь! – вопил он. – Не стойте просто так! Сделайте что-нибудь, говорю вам! Тут несчастье! Беда! Беда надвигается, вы что, не видите?!

Люди мгновенно расступились – к Лойсу четко и быстро продвигались двое высоких широкоплечих полицейских.

– Имя-фамилия? – буркнул полицейский с блокнотом.

– Лойс, – устало ответил он, промакивая лоб платком. – Эдвард С. Лойс. Послушайте. Вон там...

– Адрес постоянного проживания? – строго спросил полицейский.

Полицейский автомобиль быстро продвигался в потоке машин, то и дело кого-то обгоняя. Лойс бессильно откинулся на сиденье. Ему было как-то не по себе. Он сделал глубокий вдох и почувствовал, что все еще дрожит.

– Херст-роуд, 1368.

– Это где-то здесь, в Пайквилле?

– Да, сэр, – и Лойс с отчаянным усилием заставил себя выпрямиться. – выслушайте меня!

Там. В парке. На фонаре. Висит...

– Могу я знать, где вы сегодня были? – спросил полицейский, который вел машину.

– Где я был?.. – эхом отозвался Лойс.

– Вас же не было в магазине, правда?

– Нет, – он покачал головой. – Я был дома. В подвале.

– В подвале?!

– Ну... я... копал. Копал яму для нового фундамента. Землю копал и вывозил наружу. Чтобы потом залить контур цементом. А что? И какое это имеет отношение к...

– Кто-нибудь находился в доме вместе с вами?

– Нет. Жена поехала в город. Дети в школе, – Лойс посмотрел сначала на одного здоровяка в полицейской форме, потом на другого. И тут в его взгляде зажглась надежда – почти безумная. – Так вот оно что... Вы хотите сказать, что поскольку я сидел дома, то пропустил... объяснение? Что его все уже узнали, а я все пропустил?

Помолчав, полицейский с блокнотом наконец проговорил:

– Именно так. Вы пропустили объяснение.

– В таком случае, это... официально? В смысле, тело должно висеть там, где висит?

– Да, сэр, оно должно висеть там, где висит. Оно выставлено на всеобщее обозрение.

Эд Лойс вымученно улыбнулся:

– Ну слава тебе господи. А я-то, наверное, наворотил дел. Поддался, как говорится, влиянию момента, не имея полной информации. Просто я подумал – ну мало ли что случилось. Знаете, может, это ку-клукс-клан сделал. Или там кто-то кого-то убил. Коммунисты там или фашисты – ну вы меня понимаете. – И он еще раз промокнул лицо платочком из нагрудного кармана. Руки все еще заметно дрожали. – Я рад, что здесь нет никакого подвоха.

– Нет, сэр, никакого подвоха здесь нет, – полицейская машина подъезжала к зданию суда. Солнце уже село. Улицы затапливали темнота и мрак.

Фонари еще не зажглись.

– Мне уже получше, – сказал Лойс. – Я там немного разволновался. Переполошил всех, одним словом. Ну а теперь-то все разъяснилось, правда? Может, не будем ехать в участок?

Полицейские молчали.

– Мне вообще-то нужно обратно в магазин. Да и дети еще не ужинали. Я все понял. Кричать, шуметь больше не буду. Так зачем, спрашивается, нам...

– Это ненадолго, – перебил его полицейский, который вел машину. – Быстро управимся. Раз, два – и готово.

– Ну, быстро так быстро, – пробормотал Лойс.

Машина притормозила перед светофором.

– Я, наверное, много шуму поднял и все такое. Глупо, конечно, и чего это на меня нашло...

Лойс резко распахнул дверь, рыбкой бросился на мостовую и перекатился на ноги. Машины трогались с места – зажегся зеленый. Лойс сиганул на тротуар и помчался прочь, уворачиваясь от встречных прохожих. За спиной слышались вопли и топот ног.

Это не полицейские! Он это сразу понял. Местных пайквильских полицейских он знал наперечет – двадцать пять лет держал в городе магазинчик, часто приходилось пересекаться. Поэтому полицейских он знал в лицо – всех до единого.

А эти – не полицейские. И никакого объяснения случившемуся в сквере нет! Поттер, Фергюссон, Дженкинс – они не знали, почему оно там. Не знали – и знать не хотели. А вот это странно. Очень странно!

Лойс нырнул в скобяной магазин, пронесся мимо ошалевших продавцов и покупателей, влетел в складское помещение и вылетел с черного хода. Чуть не перекинувшись через мусорный контейнер, он взбежал вверх по бетонной лестнице, перелез через забор, спрыгнул с другой стороны и прислушался, задыхаясь и держась за грудь.

За спиной не кричали и не бежали. Отлично – ему удалось оторваться.

Он стоял в устье переулка – темного, замусоренного. Под ногами валялись доски, обрывки картона, брошенные шины. Переулок вел к улице – там как раз замигали и включились фонари. По тротуару шли люди. Мужчины и женщины. Горели неоновыми вывески магазинов. Проезжали, библика, машины.

Пойдешь направо – выйдешь к полицейскому участку.

Участок совсем рядом. До жути близко. Прямо за грузовым подъездом бакалейной лавки белела цементная стена здания суда. Окна забраны решетками, над крышей – антенна. В густеющей тьме громада стены казалась еще выше. Опасное, опасное место, нельзя здесь стоять, надо уходить, бежать, надо убраться от них подальше.

От... *них*? А кто такие *они*?..

Лойс крадучись пошел по переулку. За внушительным зданием участка уместилась мэрия – старинная, деревянная, поблескивающая позолоченной бронзой дверных оковок. Лестница широкая, цементная. Окна кабинетов темные, света нигде нет. По обеим сторонам от ступенек – клумбы и невысокие туи.

Все как обычно.

Нет.

Что-то не так. Что-то не так...

Над мэрией росло пятно тьмы. Черный конус мрака, темнее, чем окружающая ночь. Чернота над крышей устремлялась в непроглядное небо и расплзалась в ночи.

Он прислушался. О боже. Боже правый. Звук. Ему не чудится. В уши вползал звук, и Лойсу нестерпимо захотелось зажать уши, ничего не слышать, и не помнить, и не знать. Над мэрией гудело. Тихонько, приглушенно – как большой растревоженный улей.

Оцепенев от ужаса, Лойс поднял взгляд. Над зданием нависла клякса густой тьмы. Такой густой, что тьма казалась плотной. *В черной воронке что-то двигалось.* Что-то мелькало. С неба пикировали... твари. На мгновение зависали над зданием мэрии – и беззвучно шлепались на крышу.

Твари. Мелькающие, мельтешащие, спускающиеся с небес. Прямо из черной расщелины над его головой.

Они. Он их все-таки увидел.

Лойс пригнулся, прячась за покосившийся заборчик. Не обращая внимания на грязную лужу под ногами, он неотрывно глядел в небо.

Они высаживались. Спускались группами, приземлялись на крышу мэрии и исчезали внутри. У них были крылья – прозрачные, как у гигантских насекомых. Они подлетали, зависали – а потом садились на крышу. И по-крабьи, бочком, переползали к карнизу и скрывались в здании.

Отвратительное – и одновременно завораживающее – зрелище. Задул холодный ночной ветер, Лойс поежился. Он устал и едва держался на ногах после всего пережитого. На лестнице мэрии стояли люди. Небольшими группками, а кто-то и по отдельности. А вот выходили они сразу по несколько человек. Останавливались, словно пережидая, а потом спускались по ступеням – и шли себе дальше.

Сколько же их всего?

Это невозможно, невозможно. Такого не может быть! Из открывшейся в небе черной расселины спускались вовсе не люди. Оттуда появлялись пришельцы, жители иного мира, обитатели другого измерения. В оболочке мира открылась щель, она треснула, и оттуда поползло. В открывшуюся дыру полезли крылатые насекомые, совершенно чуждая форма жизни...

Группка людей на ступенях пришла в движение. Несколько человек пошли вниз, к ждущей у подножия лестницы машине. Один развернулся и зашагал обратно к дверям. А потом передумал и спустился вслед за остальными.

Нет. Не спустился. Лойс в ужасе прикрыл глаза. Перед глазами все завертелось, и он крепче ухватился за хлипкую ограду. То, что только что выглядело как человек, в одно мгновение отрастило крылья, забило ими, как бабочка, и невесомо слетело с лестницы вслед за остальными. Опустилось на тротуар и смешалось с толпой.

Подделка. Подделка под людей, хитрая имитация. Это насекомые, способные принимать образ человека. Прямо как их земные сородичи – те тоже отличаются способностью к мимикрии. Ну да, защитный окрас, вот что это такое.

Лойс с трудом отцепился от забора. Заставил себя подняться на ноги. Вокруг окончательно стемнело. В переулке стояла чернильная ночь. Возможно, у них есть ночное зрение. Возможно, время суток им безразлично – они равно хорошо видят и при свете, и в темноте.

Он осторожно выбрался из переулка и пошел по улице. Мимо все так же текла толпа, шагали мужчины и женщины. Правда, прохожих стало не так много. На остановках ждали автобуса люди. А вот и он – огромный, взблескивающий во мраке огнями фар, неуклюже ползет к ним.

Лойс ускорил шаг. Решительно растолкав остальных, он влез внутрь и уселся на заднее сиденье – поближе к двери. Через мгновение автобус рыкнул двигателем и покатился вниз по улице.

Лойс позволил себе немного расслабиться. И принялся рассматривать людей вокруг себя. Уставшие, оцепеневшие после длинного трудового дня лица. Люди возвращаются домой после работы. Ничего необычного, самые обыкновенные люди. На него тоже никто не обращал внимания. Все сидели молча, сгорбившись, легонько покачиваясь в такт движению автобуса.

Человек рядом с ним достал и развернул газету. И принялся изучать спортивный раздел. Губы его шевелились. Обычный человек. Синий костюм. Галстук. Наверное, бизнесмен. Или продавец чего-нибудь. Едет домой, к жене и детям.

Через проход сидела женщина лет двадцати. Темные глаза, темные волосы, на коленях сверток. В тонких чулках, на каблуках. Плащ красный, под ним белый ангорский свитер. Она сидела и смотрела вперед с отсутствующим видом.

Старшеклассник в джинсах и черной куртке.

Огромная женщина с тройным подбородком, нагруженная чудовищных размеров хозяйственной сумкой. Сумка набита пакетами и свертками. На толстом лице выражение тупой усталости.

Обычные люди. Такие каждый вечер ездят вот в таких автобусах. Возвращаются домой. К семье. Едут ужинать в тепле и уюте.

Они едут домой, а мозги у них умерли. Их держат под контролем насекомоподобные пришельцы, которые натянули на себя их облик и захватили их разум. Какое разум – захватили их город. Их жизни. И его бы захватили тоже, но он ковырялся в подвале и не поехал в магазин. Его каким-то образом пропустили и не обработали. Значит, у них не все предусмотрено. В их плане есть бреши, недостатки.

Возможно, найдутся и другие – такие, как он, Лойс.

Это вселяло надежду – значит, они не всеильны. Они совершили ошибку, не залезли ему в голову. Их сеть, их поле контроля каким-то образом его не затронули. Он вылез из подвала и сразу поехал в город. Значит, зона излучения не такая уж и обширная...

Через проход в паре сиденьев от него сидел человек. И смотрел на Лойса. Тот резко встрепенулся. Худоватый мужчина, с темными волосами и усиками. Хорошо одетый – добротный коричневый костюм, начищенные ботинки. В тонких пальцах книга. И он смотрел, пристально смотрел на Лойса. А потом быстро отвел взгляд.

Лойс замер. Кто это? Один из *них*? Или... или такой же, как он? Человек, которого пропустили при обработке?

Человек с книгой снова уставился на него. Глазки живые и умные. И хитрые такие. Либо этот хитрец перехитрил пришельцев – либо это сам пришелец. Насекомое из другого измерения в чужом обличье.

Автобус остановился. Вошел пожилой мужчина, неторопливо опустил жетон в ящик. Медленно прошел по проходу и сел напротив Лойса.

Пожилой мужчина встретился взглядом с тем, хитрым и усатеньким. Они смотрели друг на друга менее секунды, но какой это был многозначительный обмен взглядами!

Лойс вскочил. Автобус уже трогался с места. Он бросился к двери. Прыгнул на ступеньку, дернул аварийный тормоз. Дверь послушно сложилась в гармошку и отъехала в сторону.

– Эй! – заорал водитель – ему пришлось со всей силы дать по тормозам. – Какого черта...

Лойс протиснулся наружу, автобус замедлял ход. Кругом стояли дома. Обычный пригород – лужайки, высокие многоквартирные здания. За спиной вскочил с сиденья усатый мужчина со слишком умным взглядом. Пожилой тоже поднялся на ноги. Они не собирались его упускать.

Лойс прыгнул. Удар о мостовую сотряс тело, он откатился к бордюру, задыхаясь в волне боли. В сознание хлынула чернота беспамятства. Нет, нет, он не может сейчас потерять сознание! Лойс с трудом встал на колени – и снова обвалился на землю. Автобус остановился, из него выскакивали люди.

Лойс вслепую шарил вокруг себя. Пальцы что-то нащупали – камень, в водосточной канаве лежал камень. Он, постанывая от боли, все-таки вскарабкался на ноги. Перед ним что-то темнело, чья-то фигура. Ну да, тот самый мужчина с умными глазами и книгой.

Лойс с размаху поддал ногой. Мужчина с усиками охнул и осел наземь. Тогда Лойс со всей силы ударил его камнем. Тот заорал благим матом, пытаясь откатиться:

– Нет! Бога ради, не надо!

Лойс ударил снова. Раздался отвратительный хруст. Крик мужчины оборвался, потонул в нарастающем подвывании. Лойс, пошатываясь, шагнул сначала вперед, потом назад. Вокруг стояли люди. Окружали его плотным кольцом. Эд, неуклюже переваливаясь, потрусил по тротуару – прочь, прочь. Никто за ним не гнался. Они стояли над безвольно распростертым телом мужчины с книжкой. Мужчины со слишком умными глазами, который за ним погнался.

А вдруг он ошибся?

Уже слишком поздно думать о таких вещах. Надо убираться отсюда. Убираться прочь из Пайквилля, прочь от истекающей тьмой щели, которая пропустила их мир в наш.

– Эд!

Дженет Лойс опасливо попятилась.

– Что такое? Что слу...

Эд Лойс захлопнул за собой дверь и прошагал в гостиную.

– Опустит жалюзи. Быстро!

Дженет осторожно двинулась к окну:

– Но...

– Быстро, я сказал! Кто еще дома?

– Да никого тут нет! Только дети! Они у себя в комнате, наверху. А что случилось? Ты так странно выглядишь... Почему ты вернулся?

Эд запер входную дверь. И крадучись обошел дом. Кухня. Ящик под мойкой. Он выдвинул его и вытащил большой разделочный нож. Провел пальцем по лезвию. Острый. Это хорошо. И вернулся в гостиную.

– Значит, так, – сказал он. – У нас мало времени. Они знают, что я сбежал, и станут меня искать.

– Сбежал?.. – Дженет не знала, пугаться ей до смерти или умирать от изумления. – От кого?

– Город захвачен. Они контролируют все. Я это сразу понял. Захватили грамотно, начали с администрации – мэрию взяли, полицейский участок. Интересно, что они сделали с настоящими людьми, которых...

– Эд, ты о чем?..

– Дженет, я – о вторжении. На нас напали существа из другой вселенной. Возможно, из другого измерения. Они насекомые. Они умеют мимикрировать под среду. И много чего еще умеют. Разум захватывать, например. Вот твой разум могут захватить – ментально.

– Мой разум?

– Они начали вторжение отсюда. Из Пайквилля. И захватили всех вас! Весь город! Всех, кроме меня. Против нас – невероятно сильный враг. Но даже они не всемогущи. В этом наша надежда. Они могут ошибаться! Они не всеведущи!

Дженет потрясла головой:

– Я все равно ничего не понимаю, Эд. Да ты с ума сошел, ты только послушай себя!

– Сошел с ума? Нет. Мне повезло – вот в чем дело! Если бы я не рыл яму в подвале, я бы стал таким же, как все вы! – И Лойс настороженно поглядел в окно. – Так, хватит стоять и болтать. Одевайся.

– Одеваться?

– Да. Мы уезжаем. Уезжаем из Пайквилля. Нам нужно вызвать подкрепление. Сразиться с этими тварями. Их можно победить. Они не непогрешимы. Они идут за мной по пятам – но мы оторвемся. Надо спешить. Давай, давай! – И он схватил и дернул ее за руку. – Надевай пальто, зови детей! Мы уезжаем! Собираться некогда! Некогда собираться, слышишь!

Побелев, жена подошла к шкафу и сняла с вешалки пальто.

– Куда мы поедем?

Эд выдрал из письменного стола выдвижной ящик и вывалил содержимое на пол. Схватил карту, разложил на ковре.

– Так, шоссе наверняка у них под контролем. Но есть и объездная дорога. Через Оук-Гроув. Я по ней как-то проезжал. Туда мало кто сворачивает. Возможно, они про нее забудут.

– Старая дорога через Ранчо? Ее давно перекрыли! По ней никто не ездит!

– Я знаю, – и Эд мрачно запихал карту в карман пальто. – Это наш шанс. Возможно, последний. Давай, зови детей и поехали. Твоя машина заправлена?

Дженет ошарашенно помотала головой:

– «Шевроле»? Ну да, я вчера вечером полный бак залила... – и направилась к лестнице на второй этаж. – Эд, я...

– Я тебе сказал – зови детей!

Эд отпер входную дверь и высунулся наружу. Тишина. Никого. Похоже, погоня отстала.

– Спускайтесь вниз, – дрожащим голосом позвала Дженет. – Мы... мы поедем... на прогулку. Ненадолго поедем...

– На ночь глядя? – послышался недоуменный голос Томми.

– А ну быстро вниз! – рявкнул Эд. – Оба двое – вниз, я сказал!

Томми тут же нарисовался на верху лестницы.

– Да я домашку делаю, мы дробы проходим! Мисс Паркер сказала, что если мы с этими...

– Забудь про дробы, – отрезал Эд, схватил сына за локоть и подтолкнул к двери. – Где Джим?

– Да идет он, идет...

Джим показался наверху и принялся медленно спускаться по ступеням:

– Пап, а что случилось-то?

– Поедем, прокатимся.

– Прокатимся? Куда?

Эд развернулся к Дженет:

– Свет пусть горит. Телевизор пусть тоже работает. Иди, включи его. – И он подтолкнул ее к тумбе с аппаратурой. – Надо, чтобы они думали, что мы все еще...

И тут он услышал жужжание. В одно мгновение Лойс оказался на полу, с ножом на изготовку. Сглатывая тошноту, он смотрел, как оно слетает на него по лестнице. Крылья били быстро-быстро, стрекоча и сливаясь в сплошную хитиновую дымку. Тварь примеривалась к жертве. Обликом оно все еще немного походило на Джимми. Маленькое – видимо, еще не достигшая взрослых размеров особь. Перед глазами мелькнули холодные, вытарщенные тысячами фасеток мушиные зенки. Крылышки стрекотали, на тельце все еще болтались желтая футболка и джинсы, личико кривилось в подобии человеческой мимики. Оно налетало, странно изогнув тело, что это оно намерено...

Оно хочет ужалить!

Лойс ударил ножом – еще и еще. Оно отлетело в сторону, недовольно жужжа. Лойс перекатился на бок и пополз к двери. Томми с Дженет стояли, как изваяния, с ничего не выража-

ющими лицами. Бесстрастными, пустыми лицами. Лойс снова пырнул тварь ножом. На этот раз попал – нож вошел во что-то твердое, тварь заверещала, замедлилась, влетела в стену и, стрекоча и взмахивая крылышками, спланировала на пол.

Что-то плеснулось и лизнуло, как волна, его разум. Поток силы, энергии – чуждое сознание искало брешь, чтобы втиснуться, пробиться внутрь. Лойс стоял, не в силах двинуться с места. Чужой разум проник в сознание, оставив после себя краткое, но мерзостное ощущение прикосновения. Беспременно чуждое присутствие накрыло – а потом упорхнуло, как мотылек. Тварь обрушилась на пол и застыла бесформенной кучей.

Оно умерло. Лойс пошевелил и перевернул тварь ногой. Насекомое. Точнее, какая-то муха. Желтая футболка, джинсы. Одежда его сына, Джимми. Он наглухо захлопнул эту дверь в своем разуме. Все, поздно об этом думать. Мрачно подхватив с пола нож, пошел к двери. Дженет и Томми стояли неподвижно, словно окаменев.

А машина-то снаружи. Нет, бесполезно. Ничего не выйдет. Они наверняка уже поджидают. А до цели – десять миль. Пешком. Десять долгих миль по пересеченной местности, через овраги и открытые поля и заросшие девственным лесом холмы. Нужно идти одному.

Лойс открыл дверь. Обернулся – на мгновение. Посмотрел на жену и сына. А потом захлопнул за собой дверь и быстро сбежал по ступеням крыльца.

И помчался вперед, во тьму, прочь из города.

Утро выдалось ослепительно солнечным. Лойс остановился, загнанно дыша. Его пошатывало. Пот заливал глаза. Одежда висела лохмотьями – изодрал о ветки и колючки, пока полз через подлесок. Десять миль – на четвереньках. Полз, продираясь через кусты, всю ночь. Ботинки облепила присохшая грязь. Царапины саднили. Эд хромал, сил не осталось ни на что.

Зато впереди лежал Оук-Гроув.

Он сделал глубокий вдох и пошел вниз по склону. Дважды спотыкался и падал, но вздергивал себя на ноги и упорно плелся дальше. В ушах звенело. Мир вокруг кружился и менял очертания. Но он дошел. И вырвался из Пайквилля.

Ковырявшийся в поле фермер вытаращился на него. Из дома изумленно наблюдала молодая женщина. Лойс выбрался на дорогу и пошел к маячащим впереди заправке и кафешке. Пара грузовиков, в пыли копаются курицы, у ограды привязана собака.

Он доплелся наконец до заправки, наткнулся на подозрительный взгляд одетого в белое служащего.

– Слава тебе, господи, – пробормотал Лойс и устало привалился к стене. – Я уж и не чаял добраться до вас. Они за мной гнались всю дорогу. Жужжали. Я слышал, как они жужжат и летают вокруг.

– А что случилось? – спросил заправщик. – Попали в аварию? Вас ограбили?

Лойс устало покачал головой:

– Город захвачен. Мэрия, полицейский участок – все у них в руках. Они повесили человека. На фонаре. Я его сразу увидел. А дороги перекрыты. Все. Я видел, как они кружат над машинами, которые заезжают в город. Оторвался от погони только ближе к четырем. Утра. Сразу почувствовал – улетают. А потом взошло солнце.

Заправщик нервно облизал губу:

– Да вы, сэр, не в своем уме. Вам к доктору надо.

– Отвези меня в Оук-Гроув, – выдохнул Лойс. И обессиленно опустился на гравий. – Нужно как можно скорее начать зачистку. Нельзя терять ни минуты.

Он говорил, а они все записывали на диктофон. Все-все. А когда он закончил рассказывать, комиссар щелкнул кнопкой и выключил запись. И поднялся на ноги. Постоял так некото-

рое время. Подумал. А потом медленно вытащил сигарету и прикурил. На красном мясистом лице застыло мрачное, суровое выражение.

– Вы мне не верите, – пробормотал Лойс.

Комиссар протянул ему сигарету. Лойс нетерпеливо оттолкнул ее:

– Курите сами, если хотите!

Комиссар отошел к окну и некоторое время созерцал домики Оук-Гроува.

– Я вам верю, – вдруг сказал он.

Лойс со вздохом облегчения обмяк на стуле:

– Слава богу...

– Значит, вам удалось сбежать, – комиссар медленно покачал головой. – Вы были в подвале. Не на работе. Удивительная случайность. Один шанс из миллиона.

Лойс прихлебнул черного кофе из чашки.

– У меня есть на этот счет кой-какие соображения, – пробормотал он.

– Какие же?

– Насчет них. Кто они такие. Они захватывают города постепенно. По одному. Начинают с верхов – с администрации. А потом постепенно расширяют зону влияния. А когда получают полный контроль над населением, переходят к следующему городку. И так медленно, постепенно расширяют территорию. Думаю, они уже давно этим занимаются.

– Насколько давно?

– Тысячи лет уже. Я не думаю, что мы тут с чем-то новым столкнулись.

– Почему вы так решили?

– Я маленьким был... ну, ходил в воскресную школу. Нам там картинку показывали – в Библии. Такую, знаете... религиозную картинку. Старую. На ней были нарисованы злые боги, которых победил Иегова. Молох, Вельзевул, Моав, Ваал, Астарот...

– И?..

– У всех у них свой символ, – и Лойс поднял глаза на комиссара. – Вельзевула представляли в образе гигантской мухи.

– Давнее, выходит, у нас с ними противостояние... – пробормотал комиссар.

– Их побеждали. Много раз. В Библии все про это написано. Они нападают, захватывают – а потом их отбрасывают назад.

– И как же их победить?

– Они не могут завладеть всеми. Вот со мной у них не получилось, правда? И они так и не сумели одолеть евреев. Евреи пошли и возвестили это всему миру. А еще важно понимать, что опасность существует. Вот те два человека в автобусе. Они понимали. Я так думаю. Не попались – прямо как я. – Лоус сжал кулаки. – Я одного из них убил. Ошибся. Побоялся рисковать – вдруг это враг?

Комиссар покивал:

– Безусловно, они не попались. Как и вы. По странной случайности. А вот остальных полностью контролировали.

Комиссар отвернулся от окна.

– Ну что ж, мистер Лойс. Похоже, вы и сами все поняли.

– Нет. Не все. Тот человек, на фонаре. Мертвец, который висел в парке. Насчет него я не понял. Почему? Зачем они его там повесили?

– Все очень просто, – слабо улыбнулся комиссар. – Это приманка.

Лойс замер. Даже сердце, казалось, остановилось и перестало биться.

– Приманка?... Что... что вы хотите этим сказать?

– Чтобы выманить вас. Вы ведь себя обнаружили, правда? Им нужно было знать, кто у них под контролем, а кто нет.

Лойс в ужасе отшатнулся:

– Так что же... выходит, они знали, что подчинить всех не получится?! Они ждали этого... – тут он осекся. – И приготовили ловушку.

– А вы себя обнаружили. Отреагировали бурно. Выдали себя.

И комиссар вдруг повернулся и направился к двери.

– Так, Лойс, нам пора. Дел по горло. Нужно действовать, действовать. Не теряя времени. Лойс медленно, словно оглушенный, поднялся на ноги.

– И тот человек... Кто он? Откуда? Я его раньше не видел. Он не из местных. Он... из другого города. Весь в грязи, перепачканный, на лице порезы, весь в царапинах...

На лице комиссара проступило странное выражение. Он тихо ответил:

– Возможно, вы и это поймете. Совсем скоро. Идите за мной, мистер Лойс.

Глаза его странно блеснули, он распахнул дверь. Лойс выглянул на улицу – перед полицейским управлением толпились люди в форме. Платформа какая-то... И телефонный столб. А с него свисала – веревка!

– Прощу за мной, – сказал комиссар и холодно улыбнулся.

Солнце садилось, и вице-президент «Мерчантс-Банка» Оук-Гроув поднялся из сейфового отделения, запер его на тяжелые замки с часовым механизмом, надел шляпу, накинул пальто и вышел из здания. На улице было уже пустынно, лишь несколько прохожих спешили домой – ужинать.

– До свидания, – вежливо попрощался охранник, запирая за ним дверь.

– До свидания, – пробормотал в ответ Клэрэнс Мейсон.

И пошел к машине. Как же он устал... Весь день просидел внизу, у сейфов – все пытался понять, можно ли впихнуть еще один ряд ящиков для хранения ценностей. Фух, хорошо, что работа закончена и можно отправиться домой.

Он вышел на угол и остановился. Фонари еще не зажгли. Улица тонула в полумраке. Очертания зданий расплывались в дымке. Он огляделся – и замер.

С телефонного столба прямо напротив полицейского участка что-то свисало. Что-то длинное. Непонятное что-то. И покачивалось на ветру.

Какого черта? Что это такое?

Мейсон осторожно подошел к... предмету. Ему хотелось скорее оказаться дома. Он устал. Он хотел есть, наконец. Он думал о жене, детях. О горячем вкусном ужине на столе в гостиной. Но вот что-то в этом темном, качающемся на ветру свертке было такое... неправильное. Что-то нехорошее. Неприятное. В темноте он никак не мог разглядеть, что же это такое. Но висящее на столбе нечто словно притягивало его. И он подвигался все ближе и ближе. Он хотел понять, что это. Ему было как-то не по себе. Штука какая-то... Висит... Ему стало страшно. Страшно – и интересно.

Странно только, что больше никто странную штуку не замечал.

Вращающееся колесо

Бард Чай задумчиво проговорил:

– Культы, значит...

И посмотрел на мусороприемник, который со скрежетом пережевывал ленту с отчетом. Аппарат давно не смазывали, и он проржавел. Работая, он натужно подвывал и исходил ядовито пахнущим дымком. Чай покачал головой и выключил машину – ее покрытая вмятинами поверхность стала приобретать отвратительно алый оттенок. Перегрелась. С лентой, правда, справилась. Чай запихнул в приемную щель кучу отбросов, аппарат снова подавился мусором.

– Культы?.. – слабым эхом откликнулся Бард Сун У. Он с усилием вынырнул из собственных мыслей и изобразил заинтересованную улыбку на круглом оливково-желтом лице. – Вы говорили о культурах?

– Культы угрожают стабильности общества. И наше общество – не исключение.

Чай задумчиво сплетал и расплетал тонкие изящные пальцы.

– Низшие слои общества недовольны сложившимся порядком вещей по определению. Их сердца опалает зависть к тем, кого колесо вознесло над их головами. И потому они в тайне ото всех сбиваются в фанатичные стаи, банды, готовят мятеж. Встречаются в темноте ночи, беспрестанно подвергают сомнению общепринятое. Испытывают извращенное удовольствие, нарушая основные правила и установления.

– А... да, – согласился Сун У. – В смысле... – тут же поправился он, – я хотел сказать: просто невозможно поверить, что люди способны на отправление подобных отвратительных ритуалов. И на такой фанатизм.

Сун У нервничал. Он поднялся на ноги:

– Мне пора, если позволите.

– Подождите, – резко отозвался Чай. – Вам знакома Детройтская область?

Сун У, морщась, кивнул:

– Немного.

Энергично отмахнув рукой, Чай принял решение:

– Вас-то я туда и пошлю. Проведете расследование, вернетесь с отчетом. Отчету присвоена голубая полоса, вам понятно? Если культ опасен для общества, мы поставим в известность командование Святой Длани. В секту сбивается самое отребье – ремонтники. – И он скривился: – Ну, вы понимаете. Низшая каста. Белые, здоровенные, волосатые громилы. А по возвращении получите отпуск. Шесть месяцев в Испании – сможете копаться в заброшенных городах, сколько захотите.

– Белые! – охнул Сун У, и его круглое лицо позеленело от ужаса. – Но я... мне в последнее время нездоровилось... пожалуйста... возможно, имеет смысл послать кого-то другого, кого-то...

– Да вы никак поклонник теорий Сломанного Пера? – Чай изумленно поднял бровь. – Согласен, Сломанное Перо – блестящий лингвист, я у него учился – недолго, но все же. Вы знакомы с его учением? Нет? Он настаивал на том, что белые происходят от неандертальцев. На это указывают их несоразмерно огромный рост, густой волосистой покров, грубые черты лица. Самой природой они отсечены от понимания материй, превосходящих животных, горизонтальный, так сказать, уровень жизни. Всякие попытки обратить их бесполезны. – И он смерил молодого человека строгим взглядом: – Знаете, почему я вас туда посылаю? Потому что я имею твердую, непоколебимую веру в ваше исключительное благочестие.

Сун У жалобно заперебирал четки:

– Слава Элрону, да будет благословенно его имя, – пробормотал он. – Вы слишком добры ко мне.

Сун У просочился в лифт, и тот, погромыхая, гудя и замирая между этажами повез его вверх – на самый верхний уровень здания Главной Коллегии. Выскочив из лифта, он быстро пошел по полутемному коридору. Редкие лампочки источали желтоватый свет. Через несколько мгновений он уже стоял на пороге зала сканирования и демонстрировал пропуск роботу-охраннику:

– Бард Фэй Пан у себя?

– Истинно так, – ответил робот и посторонился.

Сун У шел по залам, полным ржавых, отслуживших свое механизмов – пока не оказался в крыле, где аппаратура еще находилась в рабочем состоянии. Зять сидел и работал, низко склонившись над какими-то схемами, раскатанными по одному из письменных столов. И трудолюбиво что-то переписывал – от руки, естественно.

– Да пребудет с тобой ясность, – пробормотал Сун У.

Фэй Пан поднял глаза и смерил его сердитым взглядом:

– Сколько раз тебе говорить – не ходи сюда больше! Если в Святой Длани узнают, что я разрешаю тебе использовать сканер в личных целях, меня вздернут на дыбу!

– Не кипятись, – пробурчал Сун У, похлопывая всполошившегося родственника по плечу. – Это в последний раз. Я ведь уезжаю. А потом и вовсе умру. Так что последний раз посмотрю. – Оливковое личико скривилось в жалостной, умоляющей гримасе. – Скоро, совсем скоро ожидает меня поворот колеса. Это последняя наша беседа!

Вдруг лицо Сун У стало холодным и расчетливым:

– Ты же не захочешь отягощать душу подобным проступком, правда? Время идет к концу – как со мной расплатишься за такое?

Фэй Пан громко фыркнул:

– Ну ладно, ладно. Но во имя Элрона – не рассиживайся там!

Сун У заторопился: подбежав к сканеру-матке, быстро взобрался в хлипкую кабину. Включил аппарат, принял к визору, завел куда надо свою именную метку и медленно повел вперед рычаг пространственно-временного континуума. Старинный механизм закашлял, зачихал и пробудился к жизни, отслеживая его метку в вариантах будущего.

Руки Сун У дрожали. Да что там, он трясся всем телом. По шее катился пот. Он завороченно наблюдал за миниатюрным изображением себя – как он прыгает, носится и бегает. «Бедненький Сун У», – расстроился он. Крошечное существо суетилось, скрупулезно исполняя свои обязанности. Восемь месяцев. У него осталось лишь восемь месяцев. Быстрее, быстрее! Существо носилось как угорелое – а потом падало и погибало.

Сун У отнял голову от визора и попытался успокоиться. Сердце колотилось как сумасшедшее. Нет, на собственную гибель он мог смотреть спокойно. А вот то, что следовало за ней... ох, это и было самым ужасным.

Он помолился – беззвучно, про себя. Достаточно ли он постился? Умерщвляя плоть, он четыре дня бичевал себя – и не чем-нибудь, а хлыстом с металлическими шипами. Самым тяжелым. Он раздал все свои сбережения. Разбил потрясающе красивую вазу, унаследованную от матери – между прочим, семейное сокровище. Он вывалился в грязи и дряни в центре города, на глазах у сотен людей. Этого должно быть достаточно. Иначе и быть не может! Но как же мало у него времени...

Призвав остатки мужества, он выпрямился. А потом снова склонился над визором. Бард весь дрожал от ужаса. А что если ничего не изменилось? Что если он недостаточно смирился и умерщвлял плоть? И он положил руку на ручку настройки, отправляя курсор по временной линии – за точку своей гибели.

И тут же завизжал и замахал руками от нестерпимого ужаса. Будущее осталось прежним! Точно таким, как было! Оно нисколько не поменялось! Вина его настолько страшна, что

никакой аскезой ее не искупить! Во всяком случае, за такое короткое время! Такой проступок заглаживается годами послушания и смирения, а у него нет этих лет!

Он вылез из кабины сканера и прошел мимо стола, за которым трудился зять.

– Спасибо, – слабым голосом пробормотал он.

На мгновение деловитое, собранное лицо Фэй Пана изменило выражение – он посмотрел на Сун У с сочувствием:

– Плохие новости? Следующий поворот колеса обещает неудачное перевоплощение?

– Неудачное – не то слово. Крайне скверное...

Жалость на лице Фэй Пана тут же сменилась праведным негодованием:

– Ну и кого теперь винить? – строго спросил он. – Только себя! Ты прекрасно знал, что твое поведение в этом воплощении определяет следующее. И если будущая жизнь обещает тебе перерождение в виде низменного животного, значит, тебе нужно пересмотреть поведение и покаяться в грехах. Властвующий над нами закон мироздания не знает лицеприятия! Такова подлинная справедливость: причина определяет следствие, а нынешние поступки определяют будущее. Здесь нет места обиде или печали. Здесь уместны лишь понимание и раскаяние.

И Фэй Пан не удержался и полюбопытствовал:

– А кем ты переродишься? Змеей? Белкой?

– Не твое дело, – отрезал Сун У и поплелся к дверям.

– Да я сам могу посмотреть, делов-то...

– Вот и смотри сколько влезет.

Сун У толкнул дверь и мрачно выбрался в коридор. В глазах плыло, душу затопило крошечное отчаяние. Ничего не изменилось. Все то же самое, то же самое...

Через восемь месяцев он умрет – от какой-то заразы, коим нет числа в обитаемой части мира. Откроется лихорадка, на теле высыпятся красные пятна, он будет метаться в бреду, не находя места от боли. Внутренности вывалятся, кожа иссохнет, глаза закатятся. И после нескончаемых страданий он умрет. Его тело останется лежать в куче трупов – улицы города будут устланы мертвыми телами, и потом их сгребет и вывезет робот-мусорщик, которого зараза не берет. И останки барда отправятся в обычный мусоросжигатель на окраине города.

А между тем не подверженная смерти и тлению душа Сун У, эта искорка вечного пламени, ускользнет от нынешнего пространственно-временного воплощения – к следующему. Но не поднимется, нет. Она провалится – и бард неоднократно наблюдал в визоре сканера ее падение. Его глазам раз за разом открывалось одно и то же отвратительное, невыносимое, омерзительное зрелище. Душа камнем падала вниз, в один из самых низких континуумов, в подлинную сточную яму у самого подножия лестницы перевоплощений.

Он согрешил. В юности Сун У сошелся с черноглазой девицей с длинными, подобными сверкающему потоку волосами. Прибавьте к этому зовущие алые губы, полные груди и округлые, приглашающе покачивающиеся бедра. Она была женой друга – из класса Воинов, но Сун У взял ее себе в любовницы. Конечно, ведь он даже не сомневался, что у него полно времени на покаяние и исправление содеянного!

Но он ошибся: колесо готовилось повернуться, причем очень скоро. Надвигалась чума – и у него не оставалось времени на пост, молитву и совершение благих дел. Участь Сун У предрешена – он провалится в залитую жидкой грязью планету со скверной атмосферой в системе вонючей красной звезды, в эту отвратительную клоаку, полную смрада, слизи и гниющих отбросов. В один из самых низких по иерархии миров – в вонь и джунгли.

И там он станет мухой с блестящими крылышками и толстым голубым брюшком. Падальщиком, жужжащим и ползающим среди разложившейся плоти огромных ящериц, схватывающихся и уничтожающих друг друга в смертельных схватках.

Из болота, из умирающего от эпидемий мира в гибнущей, пораженной смертельной болезнью звездной системе ему придется подниматься целую вечность – по нескончаемым

ступеням лестницы мироздания, которые ему уже удалось некогда преодолеть. О, это заняло несчетные зоны вечности, но он достиг нужного уровня и переродился человеком на планете Земля, под ярким желтым Солнцем. И вот теперь ему придется проделывать весь этот путь с самого начала.

Чай просиял и благословил его:

– Да пребудет с тобой Элрон!

Команда роботов осматривала перед вылетом ржавый разведывательный катер. В конце концов они выдали разрешение на полет – правда, на ограниченное расстояние. Сун У медленно поднялся на борт и уселся за развороченную приборную панель. Вяло помахал на прощание, с грохотом захлопнул дверь и вручную запер ее.

Вздрагивая и трясясь, катер набирал высоту. День клонился к вечеру. Сун У вздохнул и уткнулся в отчеты и записи, выданные перед полетом.

Пока вырисовывалось следующее. «Лудильщики» – так себя называли эти сектанты – не могли похвастаться большим количеством адептов: всего-то несколько сотен человек, в основном из класса Ремонтников – самого низшего в социальной иерархии. Барды, конечно, считались элитой общества: ведь барды – наставники социума, святые люди, указующие путь к ясности. Следом в иерархии шли Поэты – они слагали саги о великих деяниях Элрона Ху, который (по преданию) жил в страшные Времена Безумия. За Поэтами шли Артисты, затем – Музыканты, потом – Рабочие, приглядывавшие за командами роботов. А уж за ними следовали Предприниматели, Воины, Фермеры и в самом низу социальной лестницы – Ремонтники.

Ремонтники по большей части были белыми – гигантские особи с бледной кожей, заросшие, подобно обезьянам, густыми волосами. И в самом деле, что белые, что гигантские приматы очень похожи. Возможно, Сломанное Перо прав: в них действительно течет неандертальская кровь и их невозможно обратить к ясности. Сун У всегда чуждался расизма, и ему никогда не нравились рьяные поборники идеи, что белые – не такие, как остальные люди. Отдельные граждане доходили даже до утверждений, что если белым позволить заключать межрасовые браки, то спасение душ остальных людей окажется под угрозой.

Так или иначе, проблема эта имела сугубо академический характер. Ни одна приличная, уважающая себя женщина из высших классов, индуска, монголка или банту по происхождению, в жизни не допустила бы до себя *беляка*.

Под кормой корабля проплывала голая, выжженная и бесплодная земля. Огромные красноватые пятна тут и там еще не заросли травой, шлаковые поверхности все еще выступали наружу. Однако большую часть руин уже затянуло землей и росичкой. Внизу в полях суетились люди и роботы, оставались позади деревни – бесчисленные коричневые круги среди моря зелени, время от времени глаз натыкался на руины древних городов – словно разверстые раны, слепые рты, распахнутые в небо. Эти никогда не зарастут травой, никогда...

Впереди лежала Детройтская область – странное имя, говорили, что местность назвали в честь ныне забытого духовного учителя. Здесь деревни попадались чаще. Слева виднелась свинцово-серая масса воды – озеро, что ли. А что лежало за ним, только Элрону известно. Никто не заходил так далеко, там не жили люди – только дикие звери и искалеченные излучением твари. На севере, рассказывали, – сплошная радиация.

Он повел катер на снижение. Справа лежало обширное поле, его распахивал фермерский робот: к его поясу был приварен металлический крюк – видно, отодрали от пришедшего в негодность механизма. Робот застыл на месте и удивленно посмотрел вверх. Сун У приземлился – не очень удачно, кстати. Катер долбанулся о землю и замер без движения.

– Да пребудет с тобой ясность, – смиренно проскрежетал робот.

Сун У вылез из корабля.

Потом запихнул всю пачку отчетов и бумаг в «дипломат». Запер люк на замок и поспешил к руинам города. Робот вернулся к прежнему занятию и поволок по твердой земле проржавевший крюк. Покрытое вмятинами тело перегнулось от усилия – машина двигалась медленно, молча, не жалуясь и ничего не требуя.

Мальчик пискнул:

– Куда идешь, Бард?

Сун У, пробиравшийся сквозь заросли и горы шлака, устало остановился и посмотрел на мальчишку. Маленький чернолицый банту в балахоне из наспех сшитых красных лоскутов. Сун У двинулся дальше, тот побежал следом, как шенок – подпрыгивал, подскакивал и скалил белые-белые зубы.

Сун У, надо сказать, был совсем не прост – интрижка с черноволосой красавицей не прошла даром, он выучился простейшим финтам и уловкам.

– У меня катер сломался, – осторожно ответил он. Да уж, этим и впрямь никого не удивишь. – А ведь это был последний катер в рабочем состоянии, мда...

Мальчишечка скакал и смеялся и срывал верхушки колыхавшейся вдоль тропы зеленой травы.

– А я знаю людей, которые могут его починить! – радостно пискнул он – хм, какой неосторожный маленький мальчик...

Сердце Сун У забилось часто-часто:

– Вот как... – пробормотал он, притворяясь, что ему не очень-то интересно это предложение. – Выходит, тут поблизости обитают те, кто занимается сомнительным искусством починки?..

Мальчик с весьма торжественным видом кивнул.

– Ремонтники? – продолжил расспросы Сун У. – И много их здесь живет? Ну здесь, в руинах?

Через мусор к ним пробирались другие чернолицые мальчишки и темноглазые девчонки. Все банту.

– А что там случилось с твоим катером? – радостно заверещала одна. – Что, не летит больше, да?

Они бегали вокруг него и громко орали, а Сун У медленно двигался вперед. Ну надо же, какие невоспитанные. Никакого понятия о дисциплине. Дети катались по земле, дрались, опрокидывались на спину и гонялись друг за другом с дикими воплями.

– Кто из вас, – требовательно возвысил голос Сун У, – получил первоначальные знания о вере?

Ответом послужило неожиданное и неловкое молчание. Дети виновато переглядывались. Никто не ответил.

– Спаси Элрон! – ужаснулся Сун У. – Вас что, никто ничему не учил? У вас не было наставника?

Дети виновато потупились.

– Как же вы сообразовываете себя с волей мироздания? Никак? Откуда узнаете о божественном плане относительно вас? О нет, я просто не могу поверить в это!..

И он наставил толстый палец на одного из мальчиков:

– Готовишься ли ты денно и ночью к будущей жизни? Очищаешься ли от грехов и скверны? Ограничиваешь ли себя в мясе, чувственных утех, развлечениях, деньгах, образовании, досуге?

Но нет, вывод представлялся вполне очевидным. Неумеренно громкий смех и беспорядочные игры свидетельствовали: эти дети все еще в путях неумеренности и далеки от ясности – а ведь ясность есть единственный путь к пониманию вечного плана о мироздании, к уяснению идеи великого колеса, вращающегося бесконечно и для всех живущих.

– Мотыльки! – отфыркнулся Сун У. – Да вы не лучше зверей и птиц в полях – они не сеют, не жнут и о будущем не пекутся! Вы играете и смеетесь и живете лишь днем сегодняшним – а ведь наступит и завтрашний! Вы подобны насекомым...

Ох, насекомые. Он тут же припомнил синегорую муху с блестящими крылышками – как она ползла по разлагающемуся трупу гигантской ящерицы. Желудок Сун У неприятно закувыркался среди внутренностей, но он усилием воли затолкал его на место и решительно зашагал к проглядывавшим среди зелени деревьям.

По обеим сторонам дороги на бесплодной земле трудились фермеры. Шлак покрывал лишь тоненький слой почвы, над землей колыхались редкие колоски пшеницы, тонкие и кривые. Ну и почва здесь, хуже ему еще не приходилось видеть... Под ногами чувствовалось присутствие железа – прямо у поверхности. Ссутуленные мужчины и женщины поливали убогие всходы из жестяных банок и старых металлических посуды, откопанных в развалинах. Вол тащил грубую телегу.

На другом поле женщины вручную пропалывали сорняки. Они двигались медленно, тупо ковыряясь во прахе. Иссохшие, обглоданные глистами изнутри – все из-за почвы. И все, как одна, босые. Дети еще не заразились, но у них все впереди.

Сун У взглянул на небо и вознес благодарственную молитву Элрону. О, поистине здесь страдания превышали всякую меру. Испытания, жестокие и страшные, выпадали людям на каждом шагу. Эти мужчины и женщины проходили через раскаленное горнило, и души их, похоже, подвергались очищению сколь суровому, столь и действенному. В тени лежал младенец, рядом дремала мать. По векам ребенка ползали мухи, мать дышала тяжело, с присвистом. Она спала с открытым ртом. По смуглым щекам расползлся нездоровый румянец. Живот выпирал – ну да, опять беременна. Еще одна бессмертная душа ожидает своей очереди подняться с нижней ступени на более высокую. Женщина беспокойно подергивалась, огромные обвислые груди вылезли из-под грязных лохмотьев и колыхались при каждом движении.

– Подойдите, – жестко приказал Сун У стайке чернокожих ребятишек – те так и бежали за ним. – Я буду говорить с вами.

Они подошли, не решаясь поднять глаза, и молча окружили барда. Сун У сел, положил рядом с собой «дипломат» и умело подвернул ноги, принимая традиционную позу, описанную Элроном в седьмой книге поучений.

– Я буду спрашивать, а вы – отвечать, – строго сказал Сун У. – Знакомы ли вам основы веры? – Он пристально оглядел своих слушателей. – Кто знает основы катехизиса, я спрашиваю?

Сначала одна, потом две руки нерешительно потянулись вверх. Остальные дети прятали глаза с несчастным видом.

– Первое! – гаркнул Сун У. – Кто вы? Вы – мельчайшая деталь плана мироздания.

Второе! Что вы такое? Вы – лишь мельчайшая крупинка внутри системы, которая настолько же огромна, сколь и непознаваема!

Третье! Каков наш путь в жизни? Мы должны исполнить уготованное нам высшими силами.

Четвертое! Где вы? На одной из ступеней лестницы живых существ.

Пятое! Где вы уже побывали? Вы прошли через бесконечное множество ступеней. Каждый поворот колеса либо поднимает вас, либо вергает вниз.

Шестое! Что определяет, вверх или вниз вы отправитесь при очередном повороте? Ваше поведение в этом воплощении.

Седьмое! Что есть праведность? Праведность есть подчинение вечным силам и элементам мироздания, что составляют божественный план.

Восьмое! Каков смысл страдания? Оно очищает душу.

Девятое! В чем смысл смерти? Она освобождает личность от нынешнего воплощения, дабы она могла подняться на новую ступень лестницы.

Десятое...

И тут Сун У осекся. К нему приближались две фигуры, лишь отдаленно напоминающие человеческие. Огненные, белокожие. Они шагали через выжженные солнцем поля, прямо через ряды чахлах всходов.

Ремонтники. И явно по его душу. По спине побежали мурашки. Беляки. И кожа у них так противно, нездорово блестит. Белесая такая – ни дать ни взять ночные насекомые, которые вылезают из-под вывороченных камней...

Он поднялся на ноги, пересилил отвращение и приготовился приветствовать их.

И сказал, когда они подошли:

– Ясность!

А запах! От них несло густым мускусным запахом, как от овцы. Беляки встали прямо перед ним. Здоровенные такие самцы, огромные потные мужланы. И кожа у них влажная, липкая. И бороды у них. И волосы – длинные, нечесанные. Из одежды – парусиновые брюки и ботинки. С ужасом Сун У разглядел и это – ох, действительно. Они волосатые! Грудь заросла мехом – ни дать ни взять шерстяной коврик! И из подмышек тоже волосы торчат! И руки покрыты волосами! И запястья! Да что там, даже под локтями что-то растет! А может, Сломанное Перо все-таки прав? Может, в этих огромных, вперевалку шагающих светловолосых зверюгах течет кровь неандертальцев, недолюдей доисторических времен... Из этих голубых глаз на него смотрела обезьяна – тьфу, наваждение.

– Здрасьте, – сказал беляк. Потом задумчиво добавил: – Меня Джемисоном зовут.

– Пит Феррис, – прорычал другой.

Кстати, ни один из мужланов не озаботился проявить почтительность или даже вежливость. Сун У поморщился, но потом решил не выказывать заносчивости. А может, они не специально? Может, они не хотят его таким образом неявно оскорбить? Может, они и впрямь не понимают, что делают. Трудно сказать, ведь низшие классы, как верно сказал Чай, выказывали отвратительные зависть и возмущение существующим порядком вещей. Да и враждебные чувства тоже.

– Я провожу обычное исследование, – пустился в объяснения Сун У. – Собираю данные по уровню смертности и уровню рождаемости в сельской местности. Я пробуду здесь несколько дней. Где мне остановиться, не подскажете? Может, найдется постоялый двор? Или гостиница?

Двое беляковых самцов хранили гробовое молчание. А потом один из них рявкнул:

– Чо это?

Сун У растерянно заморгал:

– В смысле?

– Чо это за исследование такое? Нужно что узнать – мы сами скажем.

Сун У просто ушам своим не поверил:

– Вы вообще соображаете, с кем разговариваете? Я Бард! Понятно, нет? Вы, вообще-то, на десять классов ниже меня, я понятно говорю или...

Он задохнулся от гнева. Да уж, в этих краях Ремонтники явно позабыли свое место. А местные Барды куда смотрят?! Как можно так запустить дела! Так, глядишь, и самое общество развалится!

Сун У затрясло от одной мысли, что в подобном случае Ремонтники, Фермеры и Предприниматели получают право общаться – да что там, жениться и выходить замуж за пределами класса, есть и пить в одних и тех же местах! Нет! Общество погибнет! Это что же, все будут ездить в одних и тех же повозках и даже в один и тот же сортир на двор выбегать?! Нет! Ни за что! И мысленному взору Сун У предстала кошмарная картина: Ремонтники сожительствуют и совокупаются с женщинами из Бардов и Поэтов! Горизонтально структурированное обще-

ство... все люди равны... какой ужас! О нет, это противно самому устройству мироздания, божественному плану, это значит, что Времена Безумия наступают снова! Он вздрогнул, как от холода.

– Так. Где живет местный Менеджер? – строго спросил он. – Отведите меня к нему. Я буду разговаривать только с ним лично.

Беляки развернулись и поплелись туда, откуда пришли. Молча. Не проронив ни слова. Сун У проглотил гневные слова и пошел за ними.

Они шагали через высохшие поля и голые, изъеденные холмы, на которых ничего не росло. Руины попадались все чаще. На границе города протянулась цепочка крохотных поселений: покосившиеся хижины из щепы и веток, грязные улочки. От деревень несло отвратительным смрадом разложения и мертвечины.

У порогов хижин дремали собаки, дети рылись и играли в грязи и гниющем мусоре. На ступенях сидели старики – их было немного. Пустые глаза, ничего не выражающие лица. Вокруг бегали куры, а еще он увидел свиней и тощих котов – и, конечно, ржавые кучи металлолома. В некоторых набралось бы тридцать футов высоты, не меньше. И повсюду, повсюду красноватые холмы шлака.

А вот за деревеньками потянулись уже собственно руины – на целые мили уходили к горизонту покинутые обрушенные дома, остовы зданий, бетонные стены, ванны с торчащими трубами, перевернутые каркасы машин. Наследие Времен Безумия – самого печального периода истории человечества, последовавшего за периодом не менее ужасным и отвратительным: пять веков безумия и запутанности теперь называли Эпохой Ереси – тогда человек пошел против божественного плана и пытался сам управлять своей судьбой.

Они подошли к дому побольше – деревянному двухэтажному строению. Беляки полезли вверх по хлипким ступенькам, дерево надсадно закрипело под их тяжелыми ботинками. Сун У нервно засеменял следом. Они поднялись на крыльцо, похожее на открытый балкон.

Там сидел человек – толстый меднокожий чиновник. В незастегнутых бриджах, между прочим. Блестящие черные волосы он собрал на затылке в узел и заткнул его костью на манер шпильки. Носище выделялся немалыми размерами, само же лицо оказалось ничем не примечательным – плоское и широкое. Разве что вторых подбородков много – есть и третий, и четвертый. Менеджер пил из жестяной кружки лаймовый сок и смотрел вниз на залитую грязью улочку. Беляки подошли поближе, начальник слегка приподнялся – это явно стоило ему немалых усилий.

– Вот он вот, – и назвавшийся Джемисоном беляк ткнул пальцем в Сун У, – хотел тебя видеть.

Сун У сердито отпихнул его и шагнул вперед:

– Я – Бард! Из Главной Коллегии! Вы это видели? Нет?

И он рванул на груди рубашку. На солнце ярко вспыхнул знак Святой Длани – золотой, горящий красным огнем.

– Я требую, чтобы со мной обращались надлежащим образом! Не позволю, чтобы мной помыкали какие-то...

Так, что-то он раскричался. Надо бы взять себя в руки. Сун У подавил приступ гнева и ухватился за «дипломат». Толстый индеец спокойно смотрел на него. Беляки побрели к краю террасы и уселись на корточках в теньке. Скатали грубые сигарки и демонстративно повернулись ко всем спиной.

– К-как? Как вы это позволяете? – ахнул Сун У. – Это же... это же... они же тут, рядом с нами!

Индеец лишь пожал плечами и еще глубже провалился в кресло.

– Да пребудет с вами ясность, – пробормотал он. – Не хотите ко мне присоединиться?

Он говорил все так же спокойно. Похоже, поведение беляков не произвело на него ровно никакого впечатления.

– Не хотите лаймового сока? А может, кофе? Кстати, лаймовый сок хорошо помогает при такой штуке, как у меня, – и он выразительно постучал по губам.

И показал зубы.

На размякших деснах запеклись язвы.

– Нет, спасибо, – сердито проворчал Сун У и сел напротив индийца. – Я тут с официальным заданием.

Индиец слабо покивал:

– Вот как?

– Буду исследовать уровень смертности и уровень рождаемости.

Сун У с мгновение поколебался, потом наклонился к индийцу:

– Вы должны прогнать этих беляков. Я настаиваю! Мне нужно сообщить вам кое-что, не предназначенное для чужих ушей.

В лице индийца ровным счетом ничего не изменилось. Оно оставалось все таким же бесстрастным. Потом он слегка приобернулся:

– Пожалуйста, спуститесь вниз на улицу, – приказал он. И добавил: – Если вас не затруднит...

Беляки с ворчанием поднялись на ноги и мрачно протопали мимо стола, одарив Сун У хмурыми злыми взглядами. Один прокашлялся, перегнулся через перила и смачно плюнул вниз – с явным намерением оскорбить Барда.

– Какая наглость! – задохнулся от негодования Сун У. – А вы что молчите? Неужели не видите, что они вытворяют? Во имя Элрона, это невысказано!

Индиец равнодушно пожал плечами и рыгнул.

– Все люди – братья, ибо колесо вращается для каждого из них. Разве не Сам Элрон произнес эти слова, в бытность свою на земле?

– Конечно-конечно, но...

– Разве эти люди – какими бы они ни были – не наши братья?

– Естественно, – высокомерно ответил Сун У, – но они должны знать свое место! Они принадлежат к не слишком значимому классу. Их зовут, если вдруг возникает необходимость в починке, но это случается отнюдь не часто! В прошлом году, насколько я помню, ни разу не рекомендовали чинить что-либо. С каждым годом мы испытываем все меньшую необходимость в подобном классе, и вскоре и он сам, и составляющие его элементы...

– Вы что же, ратуете за стерилизацию? – тихим коварным голосом поинтересовался индиец.

И смерил его хитрым взглядом.

– Я ратую за принятие мер. Хоть каких-то. Низшие классы размножаются, как кролики, и непрерывно рожают – в отличие от Бардов. Беляцкие бабы беременеют без продыху, а Барды? Ни одного ребенка за последнее время! А все почему? Потому что низшие только и делают, что нарушают заповеди целомудрия!

– Ну а чем же им еще заниматься, с другой-то стороны, – мягко проговорил индиец. И отхлебнул еще лаймового сока. – Вам следует быть более толерантным.

– Толерантным? Я ничего против не имею, но если...

– Говорят, – тихо продолжил индиец, – что Сам Элрон Ху был белым.

Сун У задохнулся от негодования и попытался возразить, но яростные слова застряли у него в горле: по грязной улице шли какие-то люди.

– Что бы это значило? – спросил Сун У, вскочил с места и подбежал к перилам.

По улице медленно и торжественно двигалась процессия. Словно по неслышному сигналу из хлипких домишек высыпали мужчины и женщины и с радостными лицами выстраива-

лись вдоль обочины. Сун У шествие невероятно впечатлило – он просто глазам не верил. Толпа густела, людей все прибывало – уже собралось несколько сотен человек. Стояли они плотно, над головами поднимался ропот, люди раскачивались и жадно пожирали глазами процессию. И тут по толпе прокатился захлебывающийся стон – словно сильный ветер взьерошил листву на дереве. Единый организм, примитивное, живущее инстинктами целое, полностью захваченное эмоциями – в такое исступление привела собравшихся приближающаяся колонна.

На участниках процессии было надето нечто странное: белые рубахи с закатанными рукавами, темно-серые брюки невероятно архаичного покроя и черные ботинки. Облаченные в абсолютно одинаковую одежду, они двигались двумя невозможно стройными рядами – белоснежные рубашки, серые штаны, задранные лица суровы, челюсти сжаты, ноздри раздуваются. Глаза – стеклянные, и в них такая решимость, такая фанатичная упертость, что Сун У отшатнулся в ужасе. А они все шли и шли и походили на фигуры, высеченные из камня, незапятнанный белый поверх мрачного серого – ни дать ни взять посланцы из страшного прошлого. Сектанты маршировали слаженно, ноги опускались и поднимались одновременно, от тяжелого шага дрожали убогие хижинки по сторонам. Псы проснулись и залаяли, дети жалобно захныкали, куры разлетелись с испуганным квохтаньем.

– О Элрон! – воскликнул Сун У. – Что это?

Марширующие несли странные предметы, без сомнения, имеющие символическое значение. Однако Сун У слабо представлял себе смысл всех этих ритуальных принадлежностей – их эзотерическое предназначение ускользало от понимания. Над головами идущих сверкали трубы и шесты и блестящие сетки – похоже, что металлические. *Металлические*. Но не ржавые! Напротив, они сверкали и переливались на солнце. Изумление Сун У достигло предела. Неужели... не может быть. Нет. Точно. Все эти штуки – они... новые.

Процессия уже двигалась прямо под балконом. В хвосте громыкала здоровенная телега, а на ней торжественно ехал витой, на манер штопора, бур – длинный, как дерево. Положительно, они видели в нем символ плодородия! Бур торчал из куба полированной стали, и он поднимался и опускался в такт колыханию подскакивавшей на ухабах телеги.

За повозкой шли еще сектанты – все как один мрачные, со стеклянными глазами. Они тащили трубы и трубки и еще какие-то блестящие металлические детали. Они шли и шли, и вскоре улица заполнилась целой толпой мужчин и женщин, которые благоговейно и завороченно следовали за ними. А за ними бежали дети и тьявкующие собаки.

Последняя участница процессии несла флаг – он развевался над ее головой, а женщина широко шагала, прижимая к груди высокий шест. Яркий лоскут весело и отчаянно полоскался на ветру, и Сун У наконец различил, что на нем за символ, и едва не упал в обморок. Вот они! Вот же они, вот они идут по улице прямо у него перед глазами, абсолютно ни от кого не скрываясь. Они и не думают уходить в подполье! На флаге четко различалась огромная и приметная буква «Л».

– Это же... – начал было он, но жирный индеец перебил:

– Лудильщики, – проворчал он и прихлебнул лаймового соку.

Сун У схватил «дипломат» и ринулся к лестнице. А по ней уже поднимались те самые громилы-беляки. Индеец быстро подал им знак:

– Ну-ка!

Они мрачно пошли вверх по ступеням, сверля Сун У злыми, холодными, красными глазами. Под волосатыми шкурами перекачивались тугие мускулы.

Сун У сунул руку в карман плаща и выхватил пистолет, навел его на беляков, нажал на спусковой крючок, и... ничего не произошло. Пистолет вышел из строя. Сун У отчаянно потряс им, из дула посыпались кусочки ржавчины и обрывки изоляции. Нет, сломан, безнадежно сломан. Он отбросил пистолет. Отчаяние придало Сун У сил: он метнулся к ограждению балкона и спрыгнул вниз.

Бард упал на землю, обломки прогнившего дерева дождем просыпались сверху. Он сильно ударился при падении, перекатился на бок и стукнулся головой об угол дома. Потом кое-как вскарабкался на ноги.

И побежал прочь со всех ног. За ним сквозь бессмысленно толкущееся людское месиво с рычанием продирались двое беляков. Сун У обернулся и заметил их в толпе – две здоровенные бледные потные рожи. Он свернул за угол и помчался между нищими хижинами, перепрыгнул через сточную канаву, перелез через вязкие кучи гниющего мусора, поскользнулся, грохнулся и откатился под какое-то дерево. «Дипломат» он по-прежнему прижимал к груди.

Беляки явно потеряли его из виду. Ему удалось улизнуть, и сейчас он в относительной безопасности.

Сун У огляделся. Надо бы добраться до катера, да только где же он, в какую сторону идти? Он прикрыл ладонью глаза от нестерпимо яркого вечернего солнца и наконец сумел различить вдали скошенный силуэт, подобный упирающейся в небо трубе. Да, это корабль – в умирающем сиянии заката его почти не видно. Да и далеко до него. Нужно идти направо. Сун У, пошатываясь, поднялся на ноги и пошел в ту сторону, настороженно оглядываясь по сторонам.

Да уж, его поистине занесло в страшное место. Видно, здесь все за этих Лудильщиков – даже назначенный Коллегией Менеджер. И классовая вражда тут совсем ни при чем – агентам культа удалось завербовать даже высокопоставленных служащих! Теперь к ним примкнули не только беляки, нет – теперь в этих краях нельзя рассчитывать на верность банту, монголов и индийцев! Да уж, тут каждый может оказаться врагом – причем врагом, притаившимся в засаде.

О Элрон, Святая Длань и подозревать не могла, что здесь на самом деле творится! Неудивительно, что они запросили отчет очевидца. Еще бы – целый район встал на сторону безумных сектантов, экстремистов, злостных еретиков, проповедующих поистине дьявольское учение! Он припомнил процессию и содрогнулся. Идя через поля, он избегал встреч с фермерами – и людьми, и роботами. Душой владели ужас и тревога, и Сун У невольно ускорил шаг.

Если эта доктрина распространится и под ее влияние подпадет значительная часть человечества, то... то наступление новых Времен Безумия не за горами.

Корабль захватили беляки. Их было то ли трое, то ли четверо. Громилы праздно шатались и стояли вокруг, лениво посасывая сигарки. Все как один белые и волосатые. Сун У захлестнуло холодное, до мурашек, отчаяние. Они отрезали его от катера. Ну и что теперь делать?

Вокруг уже темнело. До ближайшего населенного пункта – пятьдесят миль по неизвестной местности. К тому же враждебной. К тому же в темноте. Солнце садилось, холодало, а Сун У весь вымок в вонючей помоечной жиже – поскользнулся сослепу и рухнул в сточную канаву.

Он вернулся по собственным следам. В голове звенела пустота. Что же делать, что же делать? У него ведь ничего нет, даже пистолета больше нет. Он здесь один, а Святая Длань – ох как далеко. А вокруг одни Лудильщики, и их много, и они его выловят, вспорют брюхо и обрызгают его кровью всходы – с них станется.

Бард как раз обходил поле. В угасающем свете сумерек Сун У различил согнувшуюся над землей фигуру. Женщина. Молодая. Он внимательно оглядел ее со спины, женщина что-то такое делала с колосками. Интересно, что? Неужели... О Элрон! Не может быть!

Он понесся напролом через поле, прямо к ней – теперь уж не до осторожности!

– Девушка! Прекратите! Во имя Элрона, немедленно прекратите это!

Она выпрямилась:

– Ты кто такой?

Задыхаясь, Сун У подбежал и затормозил перед ней, прижимая к груди потрепанный «дипломат». И хрипло выдохнул:

– Это же наши *братья*! Как ты могла поднять на них руку?! А вдруг это твои недавно скончавшиеся близкие родственники?!

Бард выбил кувшин из рук девушки, тот упал на землю, и освобожденные жуки поползли во все стороны.

Девушка покраснела от гнева:

– Да... Да я их целый час собирала!

– Ты их убивала! Давила! – Язык едва повиновался Сун У, так велик был владевший им ужас. – Я видел! Я все видел!

– Ну да, – и девушка удивленно подняла темные бровки. – Они же всходы портят.

– Это наши братья! – отчаянно заорал Сун У. – Естественно, они едят посевы! Ибо по грехам нашим силы мироздания... – и тут он осекся, и ему открылась бездна ужаса. – Это что же... Ты... ничего не знаешь? Тебе никто ничего не сказал?

Девушке было от силы шестнадцать. В угасающем закатном свете она казалась совсем невысокой и хрупкой. В одной руке она держала кувшин, в другой сжимала камень. На шею ниспадала волна черных волос. Глаза – большие и ясные, губы – полные, яркие, кожа гладкая, цвета меди – полинезийка? Она нагнулась, чтобы подобрать упавшего на спинку жука, и Сун У увидел в вырезе рубашки крепкие смуглые груди. Сердце сразу застучало быстрее, и в воспоминаниях он мгновенно перенесся на три года назад.

– Как тебя зовут? – смягчившись, спросил он.

– Фрейя.

– Сколько тебе лет?

– Семнадцать.

– Я – Бард. Тебе раньше случалось разговаривать с Бардом?

– Нет, – пробормотала девушка. – Думаю, нет.

Стемнело, и девушка стала почти невидимой. Сун У едва различал ее силуэт, но то, что он видел... о, этого хватало. Сердце колотилось как сумасшедшее. Такая же волна черных волос, такие же красные полные губы... Девушка была моложе, естественно – она еще совсем дитя, причем из класса Фермеров. Но у нее фигура Лю, и она еще созреет и расцветет – возможно, даже через несколько месяцев.

И он заговорил, и в голосе его звучало вечное, отточенное искусство соблазнителя:

– Видишь ли, я тут приземлился – с заданием. Нужно провести кое-какие исследования. Но корабль сломался, и мне придется заночевать. А я тут никого не знаю... Умоляю, не могла бы ты...

– Ах! – мгновенно проникнувшись сочувствием, воскликнула Фрейя. – Так идем к нам! У нас как раз есть свободная комната – братец-то уехал.

– Я очень признателен, – после некоторого колебания отозвался Сун У. – Ты меня отведишь к дому? Я щедро отплачу за твою доброту.

И девушка направилась к какому-то размытому пятну среди окружающей темноты. Сун У быстро пошел за ней.

– И все-таки, как так вышло, что тебя никто не наставил в вере? Весь этот край – он так запущен! Вы сошли с пути истинного! Нам придется много времени провести в беседах – для меня это совершенно очевидно! Все вы весьма далеки от ясности – более того, вы запутались, все до единого!

– Запутались? Ты о чем? – простодушно поинтересовалась Фрейя, ступая на порог и распахивая дверь.

– Что значит запутались? – изумленно заморгал Сун У. – О, я вижу нам придется очень много работать над этим – причем наедине...

Идея настолько захватила его, что он запнулся о верхнюю ступеньку и едва удержался на ногах.

– Возможно, тебе понадобится рассказать все от начала и до конца, и вполне вероятно, что мы начнем с самых азов! Я даже могу договориться с людьми из Святой Длани, и ты проживешь у них – под моим покровительством, естественно. «Запутавшиеся» – это те, кто еще не обрел гармонии с космическими элементами. Как ты можешь вести подобную жизнь! Милая моя, так нельзя, надо жить в соответствии с божественным планом!

– Божественный план? А это что еще такое?

И она провела его в гостиную – в комнате было тепло, в очаге горел огонь, потрескивали поленья. Вокруг грубого деревянного стола сидели трое мужчин: двое молодых и старик с длинной седой бородой. Хрупкая от старости, увядшая женщина дремала в мягком кресле у уголку. На кухне пышущая здоровьем молодка готовила ужин.

– Ну как же! Божественный план! – изумился Сун У.

Он вертел головой, осматриваясь. И тут «дипломат» выпал у него из рук.

– Беляки... – ахнул он.

Белые! Да они же все белые, даже Фрейя! Она просто хорошо загорела – до черноты. Но она – из них. Из беляков. И тут он вспомнил: ну конечно, беляки темнели под солнцем, и от загара становились даже смуглее, чем монголоиды. Девушка повесила темный балахон на вешалку и осталась в домашних шортах. Ноги у нее оказались белыми-белыми, как молоко. А старуха и молодка на кухне...

– А это мой дедушка, – Фрейя показала на старика с бородой. – Его зовут Бенджамин Тинкер.

Под пристальными взглядами молодых Тинкеров Сун У вымылся, переоделся в чистое и поел. Правда, съел он совсем немного – кусок в горло не лез.

– И все равно я ничего не понимаю, – пробормотал он, рассеянно отпихивая почти нетронутую тарелку. – Согласно данным сканера Верховной Коллегии, жить мне осталось восемь месяцев. Чума начнет распространяться... – Тут он задумался. – А ведь все может измениться, правда? Сканер – он ведь предсказывает, а предсказания изменчивы... Всегда остаются варианты... свободная воля, опять же, проявляется... И любой поступок, в особенности серьезный...

Бен Тинкер расхохотался:

– Выходит, умирать тебе не так-то уж и хочется?

– Конечно, я не хочу умирать! – сердито проворчал Сун У.

И тут засмеялись все – и Фрейя, и даже замотанная в шаль седая старушка с добрыми голубыми глазами. А ведь ему раньше не приходилось видеть беляцких женщин. А они совсем не такие, как их мужчины. Те-то здоровенные, неуклюжие, а женщины другие, вовсе не зверского вида. А вот двое молодых беляцких самцов отличались крепким телосложением... Сейчас они с отцом изучали особым образом разложенные бумаги и отчеты – прямо на столе среди остатков ужина.

– Вот сюда, – пробормотал Бен Тинкер. – Трубы сюда нужно тянуть. И сюда тоже. Воду провести. А прежде чем сеять, мы пару сотен фунтов удобрений туда бабахнем – и распашем. К этому времени нужно будет тракторы починить.

– А потом? – спросил один из его патлатых сыновей.

– Потом разбрызгивать будем жидкость от вредителей. Никотиновой не будет – попробуем штуку на основе медной крошки. Я за жидкость, конечно, но пока добыть ее не удастся в нужном количестве. Хотя вот мы добурились до здоровых таких цистерн. Пора пустить в дело найденное.

– А вот тут, – сказал сын Тинкера, – хорошо бы дренажные работы провести. А то от комаров не продохнуть. Можно бензином опрыскать, как мы здесь сделали. Но я бы предложил

осушить болото с концами. Хорошо бы землечерпалку подогнать – если, конечно, она уже не занята.

Сун У слушал-слушал, а потом, пошатываясь, поднялся на ноги. Его трясло от гнева. Он уткнул дрожащий палец в Тинкера-старшего и осипшим от волнения голосом проговорил:

– Вы... вы... вы – вмешиваетесь!

Они непонимающе посмотрели на него:

– Чего? В каком смысле?

– Вмешиваетесь в план! В божественный план! Элрон правый, вы что, не понимаете? Вы не даёте совершиться божественной воле! Да... – тут его посетило озарение такого неприятного свойства, что Сун У даже передернуло. – Вы... Вы что же, хотите помешать вращению колеса?

– Да, – кивнул Бен Тинкер. – Именно этого мы и добиваемся.

Невероятно! Сун У плюхнулся обратно на стул. Нет, в это просто невозможно поверить!

– Я... я все равно не понимаю. Что же с нами со всеми будет? Вы замедлите вращение колеса, нарушите божественный план...

– Мда, непростой случай, – задумчиво пробормотал Бен Тинкер. – Что же с ним, таким упертым, делать? Убьем – Длань пришлет следующего. У них таких фанатиков целая толпа, посылай не хочу. А если не убьем, а отправим восвояси, он поднимет хай, и они тут всей Коллегией высадятся. А нам такого пока не надо. Поддержка у нас есть, и сторонников прибывает с каждым днем, но надо бы пару месяцев обождать...

На пухлом лобике Сун У выступил холодный пот. Он вытер его дрожащей рукой.

– Смотрите, убьете меня, – прошептал он, – опуститесь на множество ступеней лестницы. Вы уже так высоко поднялись, зачем уничтожать труд нескольких столетий?

Бен Тинкер покосился на него. Голубой глаз смотрел строго и пристально.

– Друг мой, – тихо и отдельно проговорил он. – Признаешь ли ты, что следующее пере рождение определяется нашим поведением в этой жизни?

Сун У кивнул:

– Это известно всем от мала до велика.

– А что значит вести себя правильно?

– Исполняющий божественный план ведет себя правильно! – немедленно оттарабанил Сун У.

– А может, все наше Движение – часть божественного плана? – задумчиво спросил Бен Тинкер. – Может, божественные силы хотят, чтобы мы осушали болота, убивали кузнечиков и делали прививки детям? В конце концов, зачем-то же эти силы отправили нас в мир?

– Если вы меня убьете, – пропищал Сун У, – в следующей жизни я стану мухой-падальщицей! Я это видел собственными глазами! Я стану мухой с синим брюшком и блестящими крылышками! И буду ползать по трупам дохлой ящерицы в джунглях! Среди гнилых испарений! На вонючей, похожей на сточную яму планете! – Он расплакался. Слезы текли, и Сун У безуспешно пытался осушить их рукавами. – В какой-то системе на задворках галактики, на самой нижней ступени лестницы!

Тинкер улыбнулся:

– Вот как? С чего бы это?

– Я согрешил, – шмыгнув носом Сун У и покраснел. – Я прелюбодействовал.

– А как же очищение? Ты очиститься пробовал?

– Да нет у меня времени на очищение! – Его горе превратилось в глухое отчаяние: – Мой разум все еще посещают греховные мысли! – И он показал на Фрейю, застывшую на пороге спальни. Шортики, загорелое лицо, молочно-белое тело... – Меня посещают плотские искушения – я не могу избавиться от этих мыслей! А через восемь месяцев чума повернет для меня колесо – и все! Все будет кончено! Если бы я дожился до преклонного возраста, стал беззубым

стариком, которому не до плотских вожделений... – Его пухлое тело сотряслось от рыданий. – Но времени на очищение и искупление не осталось! Сканер показывает, что я умру молодым!

Выслушав излияния Сун У, Тинкер надолго задумался. А потом сказал:

– Эта чума... какие у нее, говоришь, симптомы?

Сун У все описал, и его оливковая кожа приобрела болезненный зеленоватый оттенок. А когда он закончил рассказывать, трое мужчин переглянулись и кивнули.

А Бен Тинкер поднялся из-за стола.

– Пойдем, – резко приказал он, взяв Барда под локоть. – Я тебе кое-что покажу. Это еще от прежних дней осталось. Рано или поздно мы сумеем сделать такое сами, но пока у нас немного этих штук. Мы их храним в надежном месте.

– Это ради благого дела, – проговорил один из его сыновей. – Оно того стоит.

И он встретился взглядом с братом и ухмыльнулся.

Бард Чай дочитал отчет Сун У и закрыл тонкую папочку с голубой полоской. А потом подозрительно оглядел его, положил бумаги на стол и пристально уставился в глаза молодому Барду.

– Ты уверен? Может, все-таки отправить кого-то еще? На исследование?

– Культ исчезнет сам собой без нашей помощи, – вяло отмахнулся Сун У. – Поддержки среди населения у них нет – так, пар спускают. Да и проповедуют какую-то белиберду...

Но Чая его слова не убедили. Он снова принялся за чтение. Наконец, перелистнул очередную страницу и пробормотал:

– Ну ладно, возможно, ты и прав. Но я столько слышал о них...

– Враки, – бесцветным голосом отозвался Сун У. – Слухи. Сплетни. Я могу идти?

И он направился к двери.

– Не терпится в отпуск? – понимающе усмехнулся Чай. – Понимаю, понимаю. Тяжелая вышла поездка. Сельская местность, захолустье, дикость. Нам, конечно, следует уделять больше внимания просвещению масс в деревнях. Наверняка там есть целые районы, пребывающие вне ясности. Мы обязаны вернуть этих людей к истине – такова наша историческая роль. Миссия, так сказать, нашего класса.

– Истинно так, – пробормотал Сун У, поклонился и вышел из кабинета в коридор.

Идя к лифту, он с благодарностью ощупывал свои четки. Сун У молился – беззвучно, про себя, а пальцы перебирали маленькие красные шарики, блестящие яркие пилюльки – они заменили старые и выцветшие четки Барда. Подарок Лудильщиков, да. Четки – очень удобная маскировка, они всегда на глазах, всегда под рукой. Ближайшие восемь месяцев он будет их очень беречь – особенно рыская по разрушенным городам Испании. Ведь ему предстоит перенести инфекцию. Чуму.

Сун У первым из Бардов обзавелся четками из капсул пенициллина.

Странный Эдем

Капитан Джонсон первым вышел из корабля. Еще на подлете он хорошо рассмотрел зеленый ковер покрывающих планету лесов – такой яркий, что глаза резало. Небо над головой оказалось беспримесно голубым. За лесом на берег накатывали волны океана – голубого, как и небо над головой. Разве что поверху толстым слоем плавали водоросли – тоже яркие-яркие. Из-за них голубая вода казалось почти пурпурной.

Пульт управления от выходного шлюза отделяли всего-то четыре фута. А дальше, сойдя по трапу, капитан ступил на мягкую черную землю – ее разметало при посадке корабля, и от темных комьев все еще шел горячий пар. Он прикрыл глаза от яркого золотистого солнца, а потом снял очки и протер стекла об рукав. Капитан не отличался высоким ростом – это был худенький человечек с землистым цветом лица. Без очков он сразу нервно замигал и быстро пристроил их обратно на нос. Глубоко вдохнул теплый воздух и надолго задержал его в легких, пропуская через кровеносную систему. Затем неохотно выдохнул.

– Недурно, совсем недурно, – проворчал Brent.

Он стоял у открытого люка.

– Была б планетка к Терре поближе – мы б тут о пивные банки и пластиковые тарелки спотыкались на каждом шагу. Ну и деревья бы уже вырубил. А в воде б лежали сплошные отработанные двигатели от старых кораблей. От пляжей бы такая вонь шла – хоть святых выноси. А «Терранская строительная компания» тут бы понавтыкала пластиковых халуп.

Brent равнодушно отфыркнулся и спрыгнул вниз. Вот Brent был здоровяком – грудь колесом, рукава закатаны, руки смуглые, волосатые.

– А вот там что? Тропинка вроде?

Капитан Джонсон с тревожным чувством развернул звездную карту и уткнулся в нее.

– Мы первыми здесь приземлились. Согласно карте вся система необитаема.

Brent расхохотался:

– А тебе не приходило в голову, что здесь может быть другая цивилизация? Не терранская?

Капитан Джонсон положил руку на рукоять пистолета. Стрелять ему еще не приходилось. И вообще, его в первый раз послали с заданием в район за пределами патрулируемого сектора галактики.

– Вполне возможно, что нам придется покинуть планету. В конце концов, нам не поручали проводить картографические работы. Карта трех больших планет у нас есть, а про эту нам никто ничего не говорил.

Brent направился к тропинке по влажной земле. Присел на корточки и провел рукой по смятой траве.

– Тут ходят. Целая борозда в земле вырыта.

А потом ахнул:

– Следы!

– Человеческие?

– Похоже на звериные. Здоровые такие – может, кто-то из семейства кошачьих?

Brent встал с очень задумчивым лицом:

– Может, поохотимся? Дичи не подстрелим, так хоть развлечемся!

Капитан Джонсон нервно замахал руками:

– Как можно! Мы же не знаем, на что эти животные способны! Нет-нет, давайте придерживаться правил техники безопасности! От корабля далеко отходить не будем. И потом, можно ведь не обойти, а облететь планету и все осмотреть с воздуха. Сделаем все по инструкции, как обычно – планетка маленькая, что тут можно эдакого отыскать? И вообще, чем быстрее

закончим, тем лучше, мне здесь не по себе. – Он передернул плечами: – Страшно мне здесь. Почему-то.

– Страшно?..

Брент зевнул во весь рот и потянулся, а потом повернулся и пошел по тропинке к зеленой стене леса.

– А мне здесь нравится. Прямо как в национальном парке. Зверья тут тоже предостаточно, уверен. Ты оставайся на борту, а я прошвырнусь, посмотрю, как тут и что.

Брент осторожно шел через темный лес. Руку он от пистолета не убирал – мало ли что. Брент был из топографов старой школы и много где побывал и побродил. И знал, что делал. Время от времени он останавливался, присматривался к тропинке и ощупывал почву. Крупные отпечатки лап попадались тут и там, и вскоре их стало больше. Тут прошла целая стая животных, несколько особей, и все большие. Возможно, они направляются к водопою и впереди ручей, заводь или что-то похожее.

Он поднялся вверх по склону, заглянул за пригорок – и тут же пригнулся. Прямо перед ним на плоском камне лежало, свернувшись, какое-то животное. И, похоже, дремало. Брент принялся обходить тварь по широкой дуге, стараясь не поворачиваться к ней спиной. Зверюга весьма похожа на кошку, но какую-то странную. Чем-то похожую на льва – только крупнее. Большое было животное, ростом с терранского носорога. Длинная рыжеватая шерсть, подушечки лап большие, хвост канатом завивается. По рыжей шерсти ползали мухи. Зверюга поводила боками, мухи испуганно улетали. В приоткрытой пасти белели клыки. Они влажно поблескивали в солнечном свете. Язык розовый, широкий. Зверь ровно, глубоко дышал и даже похрапывал во сне.

Брент поигрывал бластером, размышляя. Убивать животное во сне неспортивно. Надо бы подобрать камень и пульнуть в него. Пусть проснется. С другой стороны, зверюга весила в два раза больше, чем он, и Бренту нестерпимо хотелось высадить ей сердце одним выстрелом и приволочь тушу на корабль. Из башки получится неплохой трофеей. Шкура тоже будет здорово смотреться. Ну и сочинить можно что-нибудь такое захватывающее, типа как тварь сиганула на него с ветки, а может, набросилась из засады – выскочила с рычанием из кустов – как-то так, в общем.

Он опустился на землю, поставил правый локоть на правое плечо, а левой рукой крепко сжал рукоять пистолета, прищурился и тщательно прицелился. Глубоко вздохнул, выровнял пистолет и снял оружие с предохранителя.

Он уже легонько надавил на спусковой крючок, как из-за спины показались еще две громадные кошки. Они спокойно прошли мимо по тропе, потерлись носом о своего спящего собрата и скрылись в густом кустарнике.

Брент почувствовал себя круглым дураком и опустил оружие. Две здоровенные зверюги не обратили на него ровно никакого внимания! Один кошак удостоил его мимолетного взгляда, но не остановился и даже виду не подал, что увидел. Брент поднялся. Ноги дрожали, на лбу выступил холодный пот. Боже правый, да они при желании в клочки бы его могли растерзать! Он же сидел к ним спиной...

Так, надо быть осторожнее. Подолгу на одном месте не задерживаться. Идти вперед или назад, к кораблю. Хотя нет, к кораблю он не пойдет. Надо, чтобы этот шибздик Джонсон кое-что увидел. Наверняка коротышка сидит за пультом управления и волнуется, не случилось ли чего с Брентом. Топограф осторожно пробрался сквозь подлесок и, обойдя камень со спящим котольвом, вернулся на тропу. Он тут еще походит. Нужно найти что-нибудь стоящее. Даже если придется заночевать – только укрытие подходящее нужно отыскать. С собой у него сухой паек, а если что, он поднимет Джонсона по тревоге – на то и голосовой передатчик.

Он вышел из леса и оказался на ровном лугу, заросшем желтыми, красными и фиолетовыми цветами. Брент быстро зашагал дальше. О да, они нашли нетронутую планету, на которую еще не ступала нога человека. Иначе, как правильно Джонсон сказал, тут бы кругом валялись пивные банки, пластиковые тарелки и воняли кучи гниющего мусора. Возможно, ему удастся выправить договор об аренде. Основать компанию и захватить здесь все. А потом постепенно продавать участки – только элите. Пообещать, что здесь не будет никакой коммерческой застройки – только эксклюзивная недвижимость. Тихий зеленый дом для богатых, праздных терранцев. Рыбалка, охота – сколько угодно. Зверья здесь полно. Причем совершенно непуганого – людей-то животные ни разу не видели.

Отличный, прекрасный план. Он пересек луг и снова оказался в тени деревьев. Пробираясь между стволами, он прикидывал, как сколотить стартовый капитал. Наверняка придется выделить долю инвесторам. А что, привлечь кого-нибудь с кучей бабок... Надо бы озаботиться грамотными маркетингом и рекламой – продвигать надо проект, чтобы продажи поперли. Вообще, нетронутых планет почти не осталось – возможно, эта вообще последняя. Так что шанс упускать нельзя – кто знает, когда еще такая возможность выпадет...

И тут все мысли о будущих прибылях вылетели у него из головы. Планы растаяли, как мираж. Брентом овладело горькое изумление, и он остановился, не в силах сдвинуться с места.

Впереди тропа расширилась. Деревья более не росли так густо, и яркий солнечный свет просеивался через молчаливо покачивающиеся в темноте ветки, золотил папоротники, кустарники и распутившиеся цветы. А на пригорке стоял дом. Каменный, с высоким крыльцом. Белостенный – похоже, что из мрамора. Дом окружал сад. Блестели оконные стекла. К ступеням крыльца вела дорожка. Сзади виднелось какое-то маленькое строение. Все такое чистенькое и красивенькое – и явно недавно построенное. Умиротворяюще булькал маленький фонтан. По засыпанному гравием дорожкам прыгали птички, что-то поклевывая.

Значит, на этой планете уже кто-то живет.

Брент осторожно пошел к дому. Над трубой вилась струйка серенького дыма. За домом виднелся курятник, а у желоба с водой дремала какая-то похожая на корову животины. А вот другие – эти похожи на собак, а те – на овец. Обычная маленькая ферма – правда, что-то ему таких ферм раньше видеть не приходилось. Все постройки – из мрамора. Ну, или чего-то на мрамор похожего. А животные окружены не оградой, а чем-то вроде силового поля. Везде чистота, в углу сточная труба выведена в наполовину закопанный в землю бак.

Он подошел к ступеням задней веранды, подумал и поднялся к двери. Не то что бы ему было страшно, нет. Вокруг царило спокойствие. Деловитый покой. Разве здесь может произойти что-то плохое? Он подошел к двери, подумал, а потом попытался отыскать ручку.

Ручки не было, а дверь распахнулась от одного прикосновения. Брент опять почувствовал себя круглым дураком и прошел внутрь. И оказался в роскошном холле. Стоило ему ступить на густые ковры, как кругом зажглось множество маленьких встроенных ламп и светильников. Окна скрывали тяжелые портьеры. Он заглянул в гостиную – ого, какая массивная мебель. Аппараты какие-то странные, непонятные штуки кругом. На стенах висят картины, по углам – статуи. Он повернул за угол и вышел в просторное фойе. И здесь ни души.

Из дверного проема показалась здоровенная, с пони величиной, зверюга, подошла, обнюхала, лизнула запястье и убрела по своим делам. Брент, не решаясь пошевелиться, смотрел ей вслед. Потом выдохнул – на самом деле он чуть не умер со страху.

Прирученное животное. Здесь все животные прирученные. Что за люди построили этот дом? Его вдруг охватила паника. А может, никакие это не люди? Может, это вообще какая-то нечеловеческая раса. Пришельцы из другой галактики. А может, это пограничная область какой-то чужой империи, что-то типа аванпоста.

И вот он стоял и думал, а не пора ли отсюда выметаться и бежать со всех ног к кораблю – отправлять видеogramму станции на Орионе IX. И тут за спиной послышался шорох. Он резко повернулся и схватился за пистолет.

– Кто... – выдохнул он.

И застыл на месте.

Перед ним стояла девушка. С очень спокойным лицом, большими темными глазами. И черная, как грозовая туча. Высокая, почти с него ростом, чуть менее шести футов в ней было. На плечи и до самого пояса ниспадали волны черных волос. На ней серебрилось длинное одеяние из какой-то странной металлизированной ткани – в свете ламп она переливалась и поблескивала. Губы – ярко-красные, полные. Она стояла, сложив руки под грудями, и те легонько приподнимались в такт ее дыханию. А за ней стоял тот самый с-пони-ростом зверь, который обнюхал его и ушел.

– Добро пожаловать, мистер Brent, – сказала девушка.

И улыбнулась. Он заметил, как блеснули мелкие белые зубки. Голос у нее был нежный и переливчатый, удивительно чистого тона. А потом она резко повернулась и пошла в соседнюю комнату. Платье взметнулось серебряной легкой волной.

– Идемте. Я ждала вас.

Brent осторожно последовал за ней. У дальнего конца стола стоял мужчина и смотрел на гостя с явным неудовольствием. Тоже высокий, более шести футов ростом, с широкими плечами и мускулистыми руками – мышцы так и играли, пока он застегивал плащ. Мужчина двинулся к двери. На столе стояли тарелки и миски с едой, роботы быстро убирали посуду. Судя по всему, девушка и мужчина обедали.

– Это мой брат, – сказала девушка, указывая на темнолицего гиганта.

Тот отвесил Brentу легкий поклон, перекинулся с девушкой несколькими словами на незнакомом певучем языке и вдруг вышел из комнаты. Эхо его шагов постепенно затихло.

– Извините, – пробормотал Brent. – Я не имел намерений вас беспокоить. Извините, что ворвался и вот...

– Все в порядке. Он и так собирался уходить. На самом деле мы с братом не очень-то ладим.

И она отдернула занавески, за которыми обнаружилось огромное, глядящее на лес окно.

– Вы можете посмотреть, как он улетит. Вот его корабль. Видите?

Brent некоторое время всматривался в законный пейзаж. А потом различил очертания корабля. Тот настолько хорошо вписался в ландшафт, что его было нелегко разглядеть на фоне окружающей природы. И только когда корабль рванул вверх под прямым углом, Brent понял, что тот стоял здесь все это время. А он прошел мимо всего в нескольких ярдах и ничего не заметил.

– Мой брат – весьма примечательный человек, – проговорила девушка, задвигая портьеры. – Вы голодны? Ну же, присядьте и составьте мне компанию. Эйтис ушел, не обедать же мне в одиночестве?

Brent осторожно опустился на стул. Еда вроде как свежая, выглядит аппетитно. Тарелки сделаны из какого-то полупрозрачного материала. Робот принес и поставил перед ним тарелки, разложил ножи, вилки, ложки и застыл, ожидая указаний. Девушка что-то приказала на своем странном певучем языке. Машина мгновенно принесла еду и скрылась из виду.

Они остались с девушкой наедине. Brent с жадностью накиннулся на пищу – оно того стоило, еда оказалась потрясающе вкусной! Он оторвал крылья от какой-то то ли курицы, то ли утки и принялся с аппетитом их объедать. Опрокинул в себя стакан темно-красного вина, утер рот рукавом, затем набросился на тарелку со спелыми фруктами. Потом принялся пробовать все, что стояло перед ним – овощи, копчености, морепродукты, теплый свежий хлеб. Девушка

едва притронулась к еде – так, в тарелке поковырялась. Она с любопытством наблюдала за тем, как он жадно насыщается. Наконец Brent отодвинул от себя опустошенную тарелку.

– А где ваш капитан? – спросила она. – Почему он не пришел сюда?

– Джонсон? Он остался на корабле.

Brent шумно рыгнул.

– А где вы выучили терранский? Это ж не ваш родной язык... И откуда вы знаете, что я прилетел сюда не один?

Девушка засмеялась – словно колокольчик зазвенел, нежно и музыкально. А затем отерла тонкие пальцы о салфетку и отпила из бокала темно-красного стекла.

– Мы видели вас – на радарх и на экранах. И нам стало любопытно. Раньше ваши корабли так далеко не забирались. Вот мы и подумали: а зачем вы сюда прилетели?

– Но вы же терранский не с радара выучили.

– Нет. Я выучила ваш язык, разговаривая с представителями вашей расы. Это было давно. Я знаю ваш язык сколько себя помню.

Brent ошеломленно покачал головой:

– Но вы же сказали, что мы – первый терранский корабль на этой планете.

Девушка рассмеялась:

– Истинно так. Но мы часто посещали ваш крохотный мирок. Мы знаем о нем все. Мы часто останавливаемся на вашей планете, когда путешествуем. И я там была – много раз. Правда, последний раз это случилось очень давно, но раньше я чаще путешествовала.

Brentу стало как-то не по себе:

– А вы кто вообще такие? И откуда?

– Я не знаю, где наша изначальная родина, – ответила девушка. – Но сейчас мы расселились повсюду. Наверное, в незапамятные времена мы жили на какой-то одной планете. А вот теперь трудно найти во вселенной уголок, где нас не было бы.

– Так почему же мы раньше с вами не сталкивались?

Девушка улыбнулась и продолжила есть:

– Разве ты не слышал, что я сказала? Вы сталкивались с нами. И очень часто. Мы даже сюда терранцев привозили. Я помню, причем очень хорошо, как несколько тысяч лет назад...

– Какой длины ваш год? – резко спросил Brent.

– У нас вообще нет такого понятия – год. – И девушка подняла на него огромные, ясные глаза. В них скакали насмешливые искорки. – Во всяком случае, в терранском понимании.

Прошла целая минута, прежде чем до него дошло.

– Это что же... – пробормотал он. – Тебе что же, больше тысячи... лет?

– Мне одиннадцать тысяч лет, – просто ответила девушка.

Кивнула, и робот быстро убрал тарелки.

Она откинулась в кресле, зевнула, потянулась, подобно гибкой, маленькой кошке, и вдруг вскочила на ноги.

– Пойдем. Обед окончен, пора показать тебе дом.

Brent вскочил и поспешил за ней. От его уверенности в себе не осталось ровным счетом ничего.

– Ты... бессмертная, правда? – Он забежал вперед и преградил ей путь к двери. – Лицо его покраснело, Brent тяжело дышал. – Ты ведь не стареешь.

– Конечно, я не старею.

Brent попытался подобрать правильное слово:

– Вы... боги.

Девушка улыбнулась, темные глаза весело сверкнули.

– Да нет, не боги. У вас, кстати, есть все то же самое – знания, наука, культура. Вы когда-нибудь догоните нас. Мы просто очень старая раса. Миллионы лет назад нашим ученым удалось остановить процессы старения, и с тех пор мы больше не умираем.

– Тогда ваш народ не увеличивает свою численность. Никто не умирает, никто не рождается.

Девушка отодвинула его в сторону и прошла в холл.

– Ничего подобного, у нас все в порядке с рождаемостью. Нас становится все больше и больше. – И она остановилась в дверном проеме: – И мы не отказались от удовольствий плоти.

Она задумчиво оглядела Брента, словно ощупывая взглядом плечи, руки, темные волосы, широкое лицо. – Мы почти как вы. Только живем вечно. Но у вас тоже это получится. Когда-нибудь.

– Так вы ходили среди нас? – жестко спросил Брент. Теперь многое становилось понятно. – Так значит, все эти древние мифы и религии – все это правда. Легенды про богов. Чудеса. Вы контактировали с нами, дарили нам что-то. Что-то для нас делали.

И он пошел за ней. Сколько нового он узнал, и за такой короткий срок...

– Да. Я полагаю, что мы действительно кое-чем вам помогали. Ну, когда появлялись у вас – пролетом.

Девушка ходила по комнате и опускала тяжелые портьеры. Мягкий полумрак окутал кушетки, книжные шкафы и статуи.

– Ты играешь в шахматы?

– В шахматы?!

– Это наша любимая игра. Мы ее придумали и научили ей ваших предков. Брахманов.

Острое личико скривилось – девушка расстроилась:

– Неужели ты не умеешь? Жалко. А что ты умеешь? А твой товарищ? Судя по его внешнему виду, его интеллектуальные способности повыше твоих. Он играет в шахматы? А почему бы тебе не сходить к кораблю и не привести его?

– Думаю, не стоит, – сказал Брент. – И подошел к ней. – Насколько я знаю, он ничего такого особенного делать не умеет.

Он протянул руку и ухватил ее за локоть. Девушка изумленно отстранилась. Брент облапил ее и прижал к груди.

– Зачем он нам? – тихо сказал он.

И поцеловал ее. Алые губы оказались теплыми и сладкими, она ахнула и отчаянно забилась в его объятиях. Он чувствовал, как сопротивляется и выгибается тоненькое тело. Темные волосы испускали одуряющий аромат. Брент разжал руки, и она выскользнула и отодвинулась, тяжело дыша, запахивая сверкающее платье и не сводя с него настороженных блестящих глаз.

– Я могла бы убить тебя, – прошептала она. И дотронулась до украшенного драгоценными камнями пояса. – Ты ведь не знал, правда?

Брент шагнул вперед:

– Могла бы. Ну и что? Ты же не убьешь.

Она попятилась:

– Только без глупостей!

Красные яркие губы изогнулись в мимолетной усмешке:

– А ты храбрый. Правда, не очень умный. Но для мужчины – неплохое сочетание. Глупый и храбрый.

Он попытался обнять ее снова, но она извернулась и выскользнула.

– Я смотрю, ты в хорошей форме. Как у тебя получается ее поддерживать? На таком маленьком корабле?

– Фитнесом занимаюсь регулярно, – ответил Брент. И загородил собой дверь. – Тебе небось скучно. Все одна да одна. Проживешь так пару тысяч лет – с тоски взвоешь.

– Мне есть чем заняться, – отозвалась она. – И не подходи ко мне. Мне нравится твое мужество, но честно предупреждаю: я...

Брент схватил ее и грубо прижал к себе. Она яростно отбивалась. Он завел ей локти за спину, облапил, запрокинул лицо и впился губами в полураскрытый рот. Она укусила – Брент почувствовал, как в кожу впелись мелкие беленькие зубки. Он зарычал и отодвинулся. Она смеялась, в черных глазах скакали веселые искорки – и продолжала отбиваться. Дыхание участилось, щеки покраснелись, приобнажившиеся груди тяжело поднимались и опускались, а тело извивалось, как у животного, попавшего в ловушку. Он ухватил ее за талию, прижал к себе и вздернул вверх.

Его едва не сбило с ног волной силы.

Руки разжались, девушка упала, ловко приземлилась на ноги и отскочила на пару шагов – легко, словно танцуя. Брент перегнулся пополам от жгучей боли. По рукам и по шее тек холодный пот. Он рухнул на кушетку и прикрыл глаза – все мышцы свело, тело корчило в муке.

– Извини, – сказала девушка. И прошла по комнате, не оглядываясь на Брента. – Ты сам виноват – я тебя предупреждала. Наверно, тебе лучше уйти. Давай, отправляйся на свой кораблик. Не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Нам не положено убивать терранцев.

– Что... что это было?

– Да ничего особенного. Я так понимаю, форма защиты. Пояс сделали на одной из наших индустриальных планет – он прекрасно работает, как видишь, а вот принципа действия я не знаю.

Брент сумел подняться на ноги:

– А ты, я погляжу, девушка суровая...

– Девушка?... Я слишком стара, чтобы так называться. Я была стара за много лет до того, как ты родился. Я была стара еще в те времена, когда твои люди не знали, как строить космические корабли. Вы только учились шить себе одежду и записывать мысли примитивными знаками – а я уже была стара. Перед моими глазами прошли сотни народов, сотни империй канули в небытие. Я видела, как египтяне колонизировали Малую Азию. Я видела, как в долине Тигра люди возводят первые кирпичные дома. На моих глазах шли в бой ассирийские боевые колесницы. Мы с друзьями побывали в Греции, Риме, в Лидии и на Крите, мы посетили великие царства краснокожих индейцев. Для древних мы были богами, для христиан – святыми. Мы приходили и уходили. Но вы тоже не стояли на месте, и мы стали прилетать все реже. У нас есть и другие пересадочные станции – ваша не единственная.

Брент слушал молча. На щеках снова выступил румянец. Девушка вальяжно разлеглась на одной из мягких кушеток, оперлась на подушку и смотрела на него – спокойно-спокойно. Одна рука вытянута, другая лежит на колене. Она сидела, подобрав под себя длинные стройные ноги, сжав крошечные изящные ступни. Она выглядела, как всласть наигравшийся котенок. А он и верил, и не верил тому, что она только что сейчас сказала. Все тело болело – а ведь она наверняка не активировала пояс на полную мощность. А поди-ка – он чуть не помер.

– Ну? – оторвала его от размышлений девушка. – Что будешь делать? Уже поздно. Думаю, тебе пора обратно на корабль. Капитан будет волноваться.

Брент подошел к окну и отвел в сторону тяжелые занавеси. Солнце село. Лес затягивала темнота. Звезды уже проклюнулись – мелкими белыми точками на густо-фиолетовом фоне. Вдалеке мрачно чернела гряда высоких холмов.

– Я могу с ним связаться, – сказал Брент. И постучал по шее. – В случае необходимости. Сказать, что со мной все в порядке.

– А с тобой разве все в порядке? Тебя здесь вообще быть не должно. Ты соображаешь, что делаешь? Ты ведь уверен, что справишься со мной! – и она приподнялась и перекинула черные

волосы за спину. – Я тебя вижу насквозь. Я очень похожа на девушку, с которой ты встречался. Молоденькую такую брюнеточку – ты ей вертел, как хотел, а потом друзьям хвастался.

Брент почувствовал, что краснеет.

– Ты и вправду мысли читаешь? Могла бы предупредить...

– Я телепат, но не очень сильный. Для жизни хватает. Кинь мне свои сигареты. У нас таких штук нет.

Брент покопался в кармане, выудил пачку и бросил ей. Она прикурила и с удовольствием затянулась. Ее окутало облачко сероватого дыма, сливаясь с густеющими тенями, затягивающими комнату. Углы уже утонули во мраке. Он еле различал ее силуэт – свернувшаяся на кушетке фигурка, только огонек сигареты взмигивает и освещает полные красные губы.

– Я тебя не боюсь, – сказал Брент.

– Не боишься. Ты же не трус. А был бы умным – не был бы храбрым. Я восхищаюсь твоей храбростью. Хотя она идет от глупости, конечно. Вы, мужчины, очень мужественные. Ваше мужество тоже идет от невежества, но все равно – впечатляет. – Помолчав с мгновение, она добавила: – Подойди и сядь рядом.

– А чего мне бояться-то? – спросил ее через некоторое время Брент. – Ты, главное, этот чертов пояс не включай – вот и все. Делов-то.

Она пошевелилась в чернильной темноте.

– Понимаешь... – И она села поудобнее, пригладила волосы и подложила под голову подушку. – Мы принадлежим к разным расам. Совсем непохожим. И моя раса опережает твою в развитии на миллионы лет. Близкий контакт с нами смертельно опасен. Не для нас, конечно. Но ты не сможешь быть здесь и остаться человеком.

– В смысле?

– Ты... изменишься. Точнее, эволюционируешь. Мы... тянем из вас энергию. Нам ее много требуется... А близкий контакт с нами повлияет на клетки твоего тела. Посмотри на этих животных снаружи. Они эволюционировали – теперь они не дикие животные. Эти звери понимают простые приказы и подчиняются простому распорядку дня. Пока у них еще не развилась речь. Для животных, стоящих на столь низкой ступени эволюции, этот процесс может занять долгое время, и я с ними проводила не так уж много времени. А вот с тобой...

– Понятно.

– Вообще-то нам нельзя подпускать к себе людей. Видишь, Эитис быстро убрался отсюда? А я... я слишком ленива. Ну и на правила мне плевать. Наверное, это говорит о моей незрелости и безответственности... – И она слегка изогнула губы в улыбке. – И к тому же предпочитаю контакт такой степени близости... одним словом, такой, что ближе не бывает.

Брент едва различал ее в темноте. Она лежала, откинувшись на подушки, приоткрыв губы и сложив руки под грудью, чуть откинув голову. Красивая как не знаю кто. На самом деле, красивее девушки Брент не видел. Он посидел, а потом наклонился к ней. В этот раз она не отодвинулась. Он нежно поцеловал ее. Потом заключил тоненькое тело в объятия и крепко прижал к себе. Ее платье зашелестело. Мягкие, теплые и благоуханные волосы оказались у самого лица.

– Оно того стоит, – проговорил он.

– Ты уверен? Это необратимый процесс. Понимаешь? Ты перестанешь быть человеком. Потому что эволюционируешь. Твоей расе еще миллионы лет до этой ступени расти, а ты уже станешь... другим. Станешь изгоем. Предвестником грядущих изменений. Останешься в одиночестве.

– Я хочу быть с тобой.

И он погладил ее щеку, провел ладонью по волосам, по шее. Почувствовал, как под нежной кожей бьется каждая жилка, как пульсирует кровь в ямке на горле. Она часто дышала, прижимаясь к нему. Груды поднимались и опускались, поднимались и опускались.

– Я останусь. Если ты позволишь.

– Да, – прошептала она. – Я позволю тебе остаться. Если ты действительно этого хочешь. Но не вздумай потом винить меня! – Острое личико на мгновение осветила то ли печальная, то ли насмешливая улыбка, а темные глаза озорно сверкнули. – Обещаешь, что не набросишься потом с упреками? А то знаю вас – вечно вы во всем меня обвиняете... Я уже зареклась иметь с вами дело. Даже если вы очень просите.

– А что, такое часто бывало?

Девушка рассмеялась, тихонько и музыкально, словно колокольчик над ухом зазвенел. И легонько поцеловала его и нежно прижала к себе.

– За одиннадцать тысяч лет, – прошептала она, – да, такое случалось, и весьма часто.

Капитан Джонсон провел бессонную ночь. Он пытался вызвать Брента на связь – безуспешно. В динамике слышались лишь белый шум и далекие отзвуки видеопрограммы с Ориона X – джаз и карамельно-приторная реклама.

Сигналы из цивилизованного мира напоминали: пора в путь. На этой планете им полагось пробыть максимум двадцать четыре часа – она же самая маленькая в системе.

– Вот зараза, – зло пробормотал он.

Он запустил кофеварку и посмотрел на часы. Потом вылез из корабля и обошел его. Солнце поднималось над горизонтом. Занималось чудесное утро. Небо из темно-фиолетового стало серым. Холодина стояла страшная. Он замерз и принялся топтать, чтобы согреться. Какие-то маленькие птички спикировали в кусты – явно чтобы что-то там поклевать.

Он хотел уже подняться на борт и оповестить Орион XI, но не успел. Он увидел... ее.

Она быстро шла к кораблю. Высокая и тоненькая, несмотря на тяжелую меховую шубу. Руки она держала в карманах. Джонсон стоял, не в силах двинуться с места – словно ноги к земле приросли. От изумления он даже про пистолет позабыл. Девушка подошла и остановилась на некотором расстоянии, выдохнув облачко серебристого пара. Он раскрыл рот, не зная, что сказать. И она тихо проговорила:

– Прости, но это по моей милости ты остался ночью без сна. Надо было отослать его обратно.

Капитан Джонсон открыл и закрыл рот. А потом все-таки выдавил:

– Т-ты кто? – Ему стало очень страшно. – И где Брент? Что произошло?

– Скоро подойдет.

И она обернулась к лесу и приглашающе помахала рукой.

– А тебе лучше покинуть это место. Прямо сейчас. Он хочет остаться здесь – и, по правде говоря, так будет лучше. Он изменился. А так – он проживет в моем лесу долгую счастливую жизнь. Вместе с остальными... мужчинами. А все-таки странно, что вы, люди, оказываетесь в конечном счете так похожи друг на друга. Странная вы раса, и эволюционируете не так, как другие. Наверное, из вас получится отличный объект для исследования. Надо будет как-нибудь попробовать. Думаю, дело в вашем низком уровне эстетического развития. Похоже, в самой вашей природе есть нечто вульгарное, и эта вульгарность непременно выказывает себя.

Из леса вышло нечто странное. С мгновение капитану Джонсону казалось, что дело в близорукости и он просто не может разглядеть Брента как следует. Он замигал, прищурился, потом охнул, не веря своим глазам. Здесь, на этой захолустной планете? Но нет, сомнений нет – из леса медленно и стеснительно вышла огромная кошкообразная зверюга.

Девушка отошла в сторону, затем помахала зверю – тот жалобно завыл, глядя на корабль.

Джонсон изумленно смотрел на странную животину, а потом ему стало страшно, очень страшно. Он как-то враз понял – Brent не вернется. Больше не придет – никогда. Что-то с ним случилось на этой странной планете, а еще эта девушка...

Джонсон захлопнул за собой шлюз и бросился к пульту управления. Так, нужно срочно лететь на ближайшую базу и писать отчет. Пусть те, кто надо, расследуют это дело, и как можно скорее...

Запуская двигатели, Джонсон посмотрел, что происходит на поляне. Зверь тряс огромной когтистой лапой вслед кораблю.

Джонсон поежился. Выглядело это так, словно лев-переросток грозился – прямо как рассерженный человек.

Тони и жуки

Красновато-желтый солнечный свет проник в спальный отсек сквозь толстые кварцевые окна. Тони Росси зевнул, немного поворочался, затем открыл глаза и быстро сел. Одним движением отбросил одеяло и соскочил на теплый металлический пол. Выключил будильник и побежал в туалет.

Похоже, день выдался погожим. Пейзаж за окном сохранял спокойную неподвижность, поверхность не тревожили ни ветер, ни песчаные оползни. Сердце мальчика радостно забилося. Он надел штаны, с усилием застегнул толстую молнию, с трудом поймал рукава тяжелой брезентовой рубашки, а потом сел на край койки – застегнуть ботинки. Он затянул голенища туго-натуго, потом проделал то же самое с перчатками. Затем проверил давление в воздушном насосе и закинул тяжелый ранец за спину. Вытащил из шкафа шлем. Ну все, готов, можно выходить.

В столовом отсеке мать с отцом уже закончили завтракать. До него донеслись их голоса, пока он тяжело шагал по трапу. Сердитое, тихое бормотание. Он остановился и прислушался. О чем это они разговаривают? Может, опять про него? Неужели он опять, сам того не зная, совершил какой-нибудь проступок?

И тут он расслышал – голос. Через голоса родителей пробивался еще один – и его сопровождали разряды статического электричества и громкий треск. Эфир с Ригеля IV – передают всем планетам. Они на полную громкость звук вывернули – из динамика гулко рокотал чужой голос. Война. Всегда война. Он вздохнул и вошел в столовый отсек.

– Доброе утро, – пробормотал отец.

– Доброе утро, милый, – отсутствующим голосом проговорила мать.

Она сидела, повернувшись в сторону, и задумчиво морщила лоб. И обеспокоенно поджимала и без того тонкие губы. Отец отодвинул грязные тарелки и курил, поставив локти на стол. Волосатые руки бугрились мускулами. Он хмурился и внимательно слушал хриплый рев радио над раковиной.

– Ну как там оно? – поинтересовался Тони. Он опустил в кресло и машинально потянулся к эрзац-грейпфруту. – С Ориона есть новости?

Ему не ответили. Потому что не слышали. Он принялся за свой грейпфрут. Снаружи звуки становились все громче – начинался трудовой день. Их домик из металла и пластика стоял у оживленного шоссе, по которому уже катились к Карнету грузовики сельских торговцев. Занимался день, величественно поднимающаяся над горизонтом Бетельгейзе заливала все красным светом.

– Хорошая погода! – заметил Тони. – Сильного ветра нет. Думаю, не съездить ли мне в местный квартал – ну, так, ненадолго. Мы космопорт там строим, знаете, потрясающий просто. Ну, модель, конечно – не настоящий космопорт. Мы даже материал для взлетно-посадочных полос отыскали и...

Отец свирепо зарычал и треснул кулаком по радиоточке. Хриплый рев мгновенно прекратился.

– Я так и знал!

И он вскочил из-за стола, едва не опрокинув стул.

– Я же говорил – нельзя так делать! Слишком рано выступили – вот что я всем говорил! А надо было что делать?! Правильно! Строить базы с провиантом и припасами, базы класса А! А они?!

– Ну же, ну же! – всполошилась мать Тони. – Основные силы с Беллатрикса уже выдвигаются! И потом, согласно вчерашним ночным сводкам в худшем случае нам грозит потеря Орионов IX и X...

Джозеф Росси зло рассмеялся:

– К черту вчерашние ночные сводки! Все прекрасно знают, что происходит!

– А что происходит? – эхом откликнулся Тони.

Отодвинув грейпфрут, он принялся сыпать в чашку хлопья.

– Мы что, войну проигрываем?

– Да! – И отец скривился. – Вы только подумайте! Земляне проигрывают – кому?! – жукам! А я говорил им! А меня никто не слушал! Боже правый, да я в этой системе чертовых десять лет уже маринуюсь – и ради чего?! Зачем было напролом-то лезть? И все знали, что Орион просто так не сдадут! Там весь чертов жучиный флот собран! Нас там ждали – и приняли, как миленьких, когда мы на них сдуру поперли...

– Ну кто же мог подумать, что жуки окажут сопротивление! – примирительным тоном сказала Лия Росси. – Все же думали, что они, как всегда, пару выстрелов сделают и...

– Что значит, не мог подумать?! Орион – их последний оплот! Если там не драться, то где ж им еще, мать их за ногу, драться? – свирепо выругался Росси. – Вот они и дерутся. У нас в руках все их планеты в Орионе – кроме внутренних. То еще сокровище, конечно, но дело-то в принципе! Нам бы базы построить да снабжение наладить! Тогда б мы весь жучиный флот разнесли в ноль!

– Не называй их жуками, пожалуйста, – пробормотал Тони. Он как раз доел хлопья. – Они Пас-удети. Такие же, как здесь. Они не жуки, и Бетельгейзе – не Бетельгейзе. Это арабское слово, которым мы ее назвали, а на самом деле у этой звезды другое имя.

Джо Росси рот разинул от удивления. Потом закрыл рот и рывкнул:

– Это что же, мать его за ногу, в моем доме творится? Ты что, жуколюб, что ли?! А, сынок?

– Джо! – прикрикнула Лия. – Бога ради, выбирай выражения!

Росси двинулся к двери:

– Был бы я на десять лет моложе, пошел бы в бой. Уж я бы показал этим панцирным козьякам! Уроды! Насекомые! И на чем летают, на чем летают, а?! На развалюхах, без слез не взглянешь! На переоборудованных торговцах! – Отец яростно сверкнул глазами. – Вы только подумайте, эти твари сбивают терранские крейсера. С нашими ребятами на борту...

– Орион, вообще-то, их система, – пробормотал Тони.

– Их система?! Ты что у нас теперь, экспертом по звездному праву заделался?! Ты гляди-ка... – Тут голос отказался ему – отец задыхался от гнева.

– Мой сын, мой собственный сын, и... – пробормотал он наконец. – Смотри мне, будешь дальше пререкаться – такую трепку задам, до конца недели сесть не сможешь.

Тони резко отодвинул стул.

– Меня сегодня весь день дома не будет. Я еду в Карнет, вместе с моим ИРН.

– Ну конечно! С жучиными детишками играть!

Тони ничего не ответил – он уже надел шлем и фиксировал зажимы. Вышел в заднюю дверь в шлюз, открыл кислородный кран и запустил фильтр. Это давно стало привычкой – ведь он всю жизнь провел в колонии на чужой планете в чужой звездной системе.

Легкий ветер сыпанул желто-красного песку на ботинки. Солнечный свет золотил металлическую крышу их домика – плоской коробки в ряду других таких же коробок, выстроившихся на песчаном склоне. На горизонте безмолвными стражами высились рудоочистительные сооружения. Тони нетерпеливо взмахнул рукой, и из подсобки выскользнул ИРН. Солнце ярко заблестело на его хромированных деталях.

– Мы едем в Карнет, – сказал Тони, машинально переходя на пас-удетский. – Давай же, что ты копаешься!

ИРН пристроился за ним, и Тони быстро зашагал вниз по склону через песчаные дюнки – к протянувшемуся внизу шоссе. Сегодня по нему ползло совсем немного торговцев – странно. С чего бы им пропускать годный для выезда на рынок день – и без того три четверти календарного цикла никуда носу не высунешь. Бетельгейзе – ненадежное и капризное светило, не то что старина-Сол (мальчик знал это исключительно из образовательных программ, которыми его пичкали шесть дней в неделю по четыре часа в день – потому что Солнца он, конечно, никогда не видел).

Он дошел до шумной ленты дороги. Пас-удети так и кишели кругом. Передвигались они большими группами, на примитивных грузовичках с двигателями внутреннего сгорания, облупленных и грязных. Моторы протестующе поревывали. Тони приветливо помахал рукой едущим мимо машинам. Вскоре одна из них притормозила. Грузовик вез *тис* – огромные перевязанные охапки серых овощей, высушенных и готовых к употреблению. Важнейший продукт для Пас-удети. За рулем сидел пожилой темнолицый Пас – вывалив один локоть в открытое окно, он гонял во рту свернутый листик. Пас как Пас, они же все одинаковые: худощавый, с затвердевшей скорлупой – в этой хрупкой оболочке местные жили и умирали.

– Подвезти? – пробормотал Пас – их обязывали подбирать землян-пешеходов.

– А ИРН будет куда закинуть?

Пас беспечно махнул когтистой лапой:

– Да пусть в кузове едет.

И тут на старой страшной морде проступило злое веселье:

– До Карнета доедем – продадим на запчасти. Сейчас хорошо конденсаторы и электронные реле берут, ага. Таких деталей сейчас не достать – дефицит!

– А я знаю, – строго ответил Тони, забираясь в кабину грузовика. – Вы же все отправили на ремонтную базу на Орионе I. Для нужд военно-космического флота.

Кожистое лицо Паса мгновенно посерьезнело:

– Именно. Для нужд флота.

И он отвернулся и завел машину. ИРН забрался в кузов и уместился там на куче *тиса*, отчаянно цепляясь магнитными силовыми линиями.

Тони заметил, как изменилось лицо Пас-удети, и весьма удивился этому. Он хотел было завести разговор – но присмотрелся и понял, что остальные Пасы, в других грузовиках, которые катились впереди и сзади, ехали молча. Все из-за войны, естественно. Боевые действия в этой системе начались сто лет назад, и уже очень давно здешние Пасы довольствовались лишь рассказами о ней – главные сражения сейчас разворачивались на Орионе. К системе Ориона были прикованы все взгляды, все внимание: все ждали, чем окончится противостояние терранских боевых кораблей и переоборудованных пас-удетских транспортников.

– Так значит, – осторожно подбирая слова, начал Тони, – это правда. Вы побеждаете.

Старый Пас пробурчал:

– Ходят слухи, что да.

Тони помолчал.

– А мой отец говорит, что терранцы атаковали преждевременно. Сказал, что надо было сил подкопить. И о снабжении позаботиться – базы построить. Он, когда молодым был, служил в армии. Офицером. На флоте два года воевал.

Пас помолчал, потом все-таки ответил:

– Это правда. Когда ты далеко от дома, снабжение наладить непросто. А у нас, с другой стороны, нет этой проблемы. Нам не нужно перевозить грузы на большое расстояние.

– У тебя кто-нибудь из знакомых сейчас воюет?

– Дальние родственники, – уклончивый ответ. Пас явно не хотел развивать эту тему.

– А ты видел ваши военные корабли?

– Нынешние – нет. Когда нашу систему завоевали, боевые корабли уничтожили. Почти все. Лишь немногие сумели добраться до Ориона и присоединиться к тамошнему флоту.

– А твои родственники были на тех кораблях?

– Да.

– А когда эту планету завоевали, ты уже родился?

– А ты почему спрашиваешь? – Пас весь затрясся. – Тебе-то какое дело?

Тони выглянул в окно – они подъезжали к городу, стены и здания уже хорошо различались вдали. Карнет – старый город. Ему несколько тысяч лет. Цивилизация Пас-удети – стабильная, этот народ достиг определенного технологического уровня, и на этом прогресс застыл. Пас-удетские транспортники перевозили грузы и пассажиров с планеты на планету задолго до того, как появилась Терранская конфедерация. Пасы уже изобрели двигатели внутреннего сгорания, наушники, силовые сети магнитного типа. У них были приличная канализация и весьма продвинутая медицина. Пас-удети культивировали изящные искусства и исповедовали некую смутную религию.

– А как вы думаете, кто победит? – спросил Тони.

– Я не знаю!

Пас вдруг резко затормозил и остановил грузовик.

– Все, дальше не поеду. Вылезай и робота своего забирай.

Тони не сразу нашелся что сказать – до того велико было его изумление:

– Но... разве вы не сказали, что едете?..

– Дальше не поеду, кому сказано!

Тони открыл дверь. Ему стало не по себе: на кожистом лице застыло суровое выражение, а голос звучал непривычно резко.

– Спасибо! – пробормотал мальчик.

Он выпрыгнул в красную пыль и поманил ИРН. Тот отщелкнулся от груза и спрыгнул, а грузовик тут же завелся и с ревом укатил в сторону городских ворот.

Тони смотрел вслед и ровным счетом ничего не понимал. Горячая пыль доставала уже до щиколоток, он машинально перешел на новое место и обхлопал штаны. Забибикал грузовик, ИРН быстро отскочил с дороги на ровный тротуар. Пас-удети шли мимо – бесконечные вереницы сельских жителей спешили в Карнет по делам. Огромный пассажирский автобус остановился у городских ворот, и из него вылезали Пасы – мужчины, женщины. Дети. Дети смеялись и перекрикивались, и голоса их сливались с ровным шумом большого города.

– Ты идешь в город или нет? – резкий пас-удетский голос раздался прямо за спиной. – Давай, топай, не загораживай дорогу.

Женщина несла в когтях что-то очень тяжелое. Тони смутился: Пасы женского пола обладали телепатическими способностями – это было как-то связано с их брачными играми. С близкого расстояния они прекрасно улавливали мысли землян.

– Давай, – сказала она, – помоги мне.

Тони кивнул, и ИРН взвалил на себя груз, который тащила женщина.

– Я решил съездить в город, – объяснил Тони, пока они шли в толпе к воротам. – Сел на попутку и почти доехал, но водитель меня вдруг взял и здесь высадил.

– А ты из поселения?

– Ну да.

Она критически осмотрела его:

– Наверное, здесь и вырос, да?

– Я здесь родился. Моя семья переехала сюда с Земли за четыре года до моего рождения. Отец офицер, служил на флоте. Ему за заслуги дали приоритетное разрешение на эмиграцию.

– Значит, на своей планете ты ни разу не был. Тебе сколько лет?

– Десять. Терранских лет, я хочу сказать.

– Не надо было столько вопросов водителю задавать.

Они прошли через обеззараживающий экран и оказались в городе. Впереди на инфоплощади толкалась куча народу – туда шли все, мужчины и женщины. Взрывали и грохотали машины и транспортеры. Кругом выселись здания, по тротуарам сновали прохожие, работали всякие механизмы – над городом висел защитный купол, через который не проникала вездесущая пыль. Тони ослабил застёжки, снял шлем и прицепил его к поясу. Воздух пах не ахти – у него был какой-то искусственный привкус. Но и такой сойдет.

– Слушай, что я тебе скажу, – сказала молодая женщина-Пас, осторожно подбирая слова. Она шагала по тротуару рядом с Тони. – Не уверена, что сегодня хороший день для прогулок по Карнету. В смысле для вас двоих. Я знаю, ты сюда часто приезжал поиграть с друзьями. Но сегодня тебе лучше побыть дома. И не покидать поселение.

– Почему:

– Потому что сегодня все... встревожены.

– Я знаю, – сказал Тони. – Мои мама и папа тоже встревожены. Они слушали новости с нашей базы в системе Ригель.

– А я не про твою семью говорю. Эти новости и другие слышали, между прочим. В смысле мы слышали. Наша раса.

– Ну я понимаю, вы тоже встревожены, – согласился Тони. – Но я ж сюда чуть ли не каждый день приезжаю. С кем мне в поселении играть? Не с кем. К тому же нам все равно надо доделать проект.

– Модель космопорта.

– Ну да, – покивал Тони и завистливо добавил: – Я тоже хочу телепатом быть. Здорово небось, – вот так вот слышать чужие мысли.

Женщина-Пас ничего не ответила – думала.

– А что случится, – наконец спросила она, – если твоей семье придется уехать отсюда и вернуться на Землю?

– Это невозможно. На Земле негде жить. Еще в двадцатом веке на Азию и Северную Америку сбросили кобальтовые бомбы...

– Ну а если вам *придется* вернуться?

Тони все равно не понял:

– Я же говорю – это невозможно. Мы не можем вернуться. Пригодные для жизни территории и так перенаселены. У нас главная задача – найти, куда переселиться. На другие планеты. – И он добавил: – Так или иначе, я не то чтобы хочу на Терру возвращаться. Мне и здесь хорошо, я привык здесь жить. Да и друзья у меня здесь, а не на Земле.

– Давайте мои вещи, – сказала женщина. – Мне сюда, на третий уровень.

Тони кивнул роботу, и тот передал свертки в когти женщины. Она постояла, пытаясь подобрать нужные слова:

– Удачи, – наконец сообщила она.

– В смысле?

Она легонько усмехнулась и насмешливо пояснила:

– С моделью космопорта – удачи. Надеюсь, вы с друзьями сумеете ее достроить.

– Конечно, мы ее достроим, – искренне удивился Тони. – Мы ж почти закончили.

К чему это она?

Женщина-Пас-удети уже удалялась – и он не успел задать свой вопрос вслух. Странно это все. И тревожно как-то. Тони одолели сомнения. Поразмыслив с мгновение, он стал на транспортер, который понес его в жилой сектор города. Он ехал мимо складов и фабрик, туда, где жили его друзья.

Дети-Пас-удети молча смотрели, как он подходит. Они играли в тени огромного *бенгело* – древние ветви колыхались вместе с потоками воздуха, который подкачивали в город насосы. Увидев Тони, дети замерли и сидели, не двигаясь.

– Не думал, что ты придешь, – сказал Б’прит бесстрастным, ничего не выражающим голосом.

Тони стало неловко, он остановился, ИРН тоже.

– Как дела? – пробормотал он.

– Отлично.

– Меня попутка подвезла. Но не до места.

– Отлично.

Тони присел на корточках в тени. Дети не двинулись с места. Они были маленькие – не такие большие, как терранские. Панцири у них еще не затвердели, не стали темными и непрозрачными, как роговое покрытие, и выглядели мягкими и незавершенными. В то же время не до конца сформированный панцирь легче на себе таскать. Поэтому дети-Пас-удети могли двигаться свободнее, чем взрослые – бегать, скакать, прыгать на одной ножке. Правда, сейчас никто не прыгал и не скакал.

– Да что такое? – сердито спросил Тони. – Почему вы такие хмурые?

Никто не ответил.

– А где модель, которую мы строили? – спросил Тони. – Вы как, работали над ней?

После неловкого молчания Ллире кивнул – едва заметно.

Тони почувствовал, как внутри закипает тихая ярость.

– Почему вы молчите? Что случилось? На что вы сердитесь?

– Сердимся? – эхом откликнулся Б’прит. – Мы совсем не сердимся.

Тони принялся ковыряться в пыли. На самом-то деле он понимал, что случилось. Опять эта война. Во всем виновато это сражение в системе Ориона. И тут он взорвался:

– Да забудьте вы об этой войне! Вчера, до этого боя, все ведь было хорошо!

– Да, – сказал Ллире. – Все было отлично.

Тони расслышал жесткие нотки в его голосе.

– Это случилось сто лет тому назад. И я тут ни при чем!

– Да, – отозвался Б’прит.

– Эта планета – мой дом. Разве нет? Я имею право здесь жить – точно так же, как и вы! Я здесь родился!

– Да, – ровным голосом сказал Ллире.

Тони отчаянно пытался добиться от них ответа:

– Почему вы так себя ведете? Вчера мы играли вместе и все было в порядке! Я был здесь вчера – мы все вместе здесь вчера были! Так что произошло? Из-за чего все не так, как прежде?

– Бой. В системе Ориона, – ответил Б’прит.

– Ну а нам-то какая разница? Неужели из-за этого все должно измениться? Война идет сколько я себя помню! Сражение за сражением, бой за боем – я постоянно о них слышу. Что такое случилось, что вы вдруг стали себя вести вот так?!

Б’прит отковырял когтищами здоровенный кусок грязи. Потом отбросил его и встал.

– Ну, – задумчиво проговорил он. – Согласно сводкам, похоже, на этот раз победа останется за нашим флотом.

– Да, – согласился Тони, все еще ничего не понимая. – Отец говорит, это все оттого, что мы о снабжении не позаботились и базы не построили. Видимо, придется отступить к... – и тут ему все стало ясно. – Вы что же, хотите сказать, что впервые за эти сто лет...

– Да, – проговорил Ллире, тоже поднимаясь на ноги.

За ним последовали остальные. Они двинулись прочь от Тони – в сторону соседнего дома.

– В этот раз победа будет за нами. Полчаса назад мы опрокинули терранский фланг. Ваше правое крыло смешало порядки и обратилось в бегство.

Тони ошеломленно пробормотал:

– Вот оно что. Вот, значит, как вы к этому относитесь...

– Да! – Б`прит остановился.

И вдруг прокричал, с неожиданной яростью:

– Естественно, мы к этому так относимся! Потому что это случилось в первый раз за сто лет! В первый раз за всю нашу жизнь мы побеждаем в бою с терранцами! Мы вам наподдали! Накостыляли! А вы... – и он едва не подавился словом, а потом с ненавистью его выплюнул:

– Личинки белые!

И они забежали в дом. Тони остался сидеть на корточках. Он тупо смотрел в землю и бесцельно возил в пыли руками. Он и раньше слышал это слово. Его писали на стенах, выводили на песке – рядом с поселением. «Белые личинки». Презрительная пас-удетская кличка – так обзывали терранцев. Потому что они мягкие и белые. И панцирей у них нет. У терранцев рыхлая, незащищенная кожа. Но раньше Пас-удети не решались произносить это слово в открытую. Тем более землянину в лицо.

Рядом с ним тревожно зашебуршался ИРН – тонко настроенные системы уловили разлитую вокруг враждебность. Автоматические передатчики щелкали и двигались, открывались и закрывались лючки и отверстия.

– Все в порядке, – пробормотал Тони, медленно поднимаясь. – Пожалуй, нам пора возвращаться.

Он нетвердой походкой направился к транспортеру. Произошедшее не укладывалось у него в голове. ИРН шел ровно, металлическое лицо ничего не выражало – точнее, выражало спокойную уверенность. Робот ничего не чувствовал, ничего не говорил. А у Тони в голове мысли в бешеном темпе сменяли одна другую, причем все быстрее и быстрее. Он никак не мог взять себя в руки и замедлить это дикое кружение.

– Подожди, – сказал кто-то за спиной.

Оказалось, это был голос Б`прита. Он доносился из дверей дома. Голос был холодным и безучастным и оттого неузнаваемым.

Б`прит вышел к нему, сцепив когти за спиной – эту формальную позу Пас-удети использовали в разговоре с незнакомцами.

– Тебе не следовало сюда приходить. Во всяком случае, сегодня.

– Я уже понял, – сказал Тони.

Б`прит вытащил кусок *тиса* и принялся сворачивать его в трубочку. И старательно смотрел только на него.

– Смотри, – наконец сказал он. – Ты вот сказал, что имеешь право здесь жить. Как и мы. Так вот, нет у тебя такого права.

– Я... – начал было Тони.

– Ты понимаешь почему? Вот ты говоришь – я тут ни при чем. Ну да, это так. И я тут ни при чем. Возможно, тут вообще никто не виноват. Мы с тобой давно знакомы.

– Пять лет. Терранских.

Б`прит перекрутил стебелек *тиса* пополам и отбросил его.

– Вчера мы вместе играли. Строили модель космопорта. Но сегодня мы больше не можем играть вместе. Мои родители велели передать тебе, чтобы ты сюда больше не приходил.

Он говорил неуверенно, пряча глаза.

– Я бы тебе и сам сказал. Прежде чем они велели.

– Вот, значит, как, – пробормотал Тони.

– Все, что сегодня случилось – ну, что наш флот устоял и вообще мы бой выиграли, – мы даже надеяться на такое не смели. Понимаешь? Мы сто лет только и делали, что убегали.

Сначала в этой системе. Потом в системе Ригеля – мы сдали все планеты. Потом мы сдали все планеты у других звезд Ориона. Время от времени мы вязались в драку – то тут, то там. Те, кому удалось сбежать, объединялись. Мы поставляли оружие и боеприпасы на базу в Орионе – а вы и не знали. Но мы считали, что это дело безнадежное. Никто ни на что не надеялся, понимаешь? – Тут он на мгновение примолк.

И вдруг заметил:

– А вот как интересно получается. Если тебя прижимают к стенке, что остается? Только драться.

– Если бы наши базы... – с трудом выговаривая слова, начал было Тони, но Б'прит оборвал его, резко и грубо:

– Базы? Какие базы, ты о чем?! Ты так ничего и не понял! Мы побеждаем! Теперь настал ваш черед бежать прочь! Мы вас выгоним! Выпихнем прочь! Всех белых личинок! Вон из нашей системы!

ИРН угрожающе выдвинулся вперед. Б'прит это заметил. Наклонился, схватил камень и бросил – прямо в робота. Камень со звоном ударил по металлу оболочки и отскочил, не причинив ИРН никакого вреда. Б'прит схватил еще один камень. Ллире и другие дети быстро вышли из дома. За ними маячил взрослый Пас. И тут события начали сменять друг друга слишком быстро. В ИРН полетели еще камни, один из них угодил в руку Тони.

– Вон! Выметайтесь вон! – орал Б'прит. – Убейте и не возвращайтесь! Никогда! Это наша планета!

И, выставив когти, бросился на Тони.

– Да мы тебя в клочья порвем, если...

Тони ударил его в грудь со всей силы – еще не затвердевший панцирь продавился внутрь, как резиновый, и Пас отлетел в сторону. Зашатался и упал на спину, хватая ртом воздух и пронзительно вереща.

– *Ж-жук...* – хрипло выдохнул Тони.

И тут ему стало очень, очень страшно. Вокруг собиралась целая толпа Пас-удети. Они вылезали отовсюду, черные, злые, с ненавистью во взгляде, окружая его стеной гнева и ярости.

Полетели еще камни. Одни попали в робота, другие упали рядом с Тони – прямо к ботинкам подкатились. Один свистнул у щеки. Мальчик быстро надел шлем. Как страшно! ИРН уж давно подал сигнал тревоги, но кораблю понадобится несколько минут, чтобы сюда долететь! К тому же в городе есть другие земляне! И их тоже нужно защитить! Земляне вообще по всей планете живут, что с ними будет?! Они же здесь в каждом городе! На всех двадцати трех планетах системы Бетельгейзе! На четырнадцати планетах Ригеля! На других планетах Ориона...

– Нужно отсюда выбираться, – прошептал он ИРН. – Придумай же что-нибудь!

Камень попал по шлему. Пластик треснул, из пробоины стал вытекать воздух, но ее тут же затянуло автоскрепой. Град камней не прекращался. Пасы подобрались ближе – визгливая, черная, шевелящаяся масса покрытых панцирями существ. И эта масса остро воняла – Тони чувствовал кислый смрад, характерный для насекомых, слышал, как щелкают когти, ощущал их наползающий, грозный вес.

ИРН активировал свой лазерный луч и описал им широкий круг, отгоняя озлобленную толпу. Пасы тут же выхватили примитивные пистолеты, и песок вокруг Тони взрыли пули – целились пока в робота. Мальчик видел, как посверкивает металлическое тело. Грохот, треск – ИРН подлетел в воздух, перевернулся и упал. На него тут же набросились, и робот скрылся под черными панцирями.

ИРН отчаянно отбивался, а обезумевшая, подобная дикому зверю толпа терзала его. Кто-то лупил по голове, другие отрывали кронштейны, раздирали на части блестящие лапы несчастной машины. ИРН прекратил сопротивляться. Толпа откатилась, тяжело дыша и сжимая в когтях отодранные с мясом детали. И тут они увидели Тони.

К нему уже двинулись, но тут защитный купол над их головами раскололся. Терранский патрульный катер с ревом зашел на посадку, с раздирающим уши гудением полосуюя лазерами. Толпа принялась разбегаться – кто-то пытался отстреливаться, кто-то продолжал пулять камнями, но большинство прыгало в стороны в поисках укрытия.

Тони поднялся на ноги и, пошатываясь, пошел туда, где уже сиделся корабль.

– Прости, – тихо сказал Джо Росси.

Он положил руку на плечо сыну.

– Не надо было мне тебя сегодня отпускать в город. Я должен был предусмотреть. Понять, что это может случиться.

Тони сидел, сгорбившись, в большом пластиковом кресле, имитирующем удобство. И раскачивался из стороны в сторону с бледным, искаженным лицом. Он все еще не отошел от шока. Патрульный катер доставил его домой и тут же вернулся обратно в Карнет. Оттуда надо было эвакуировать других землян. Мальчик молчал. В голове было пусто и гулко. В ушах до сих пор стоял рев толпы. Он всей кожей чувствовал их ненависть – они копили ее сто лет. Ярость, гнев, злобу. Это воспоминание вытеснило все остальные. На самом деле он ничего вокруг себя не видел. Еще перед глазами стоял бедный барахтающийся робот – и толпа, раздирающая его на части, с железным скрежетом отрывающая ему руки и ноги.

Мать промыла порезы и царапины антисептиком. Джо Росси прикурил дрожащими руками и сказал:

– Если б не отвлеклись на работа – убили б тебя. Жуки, одно слово.

Его передернуло.

– Как я вообще тебя туда отпускал, старый дурак? Все это время... Да они ж тебя в любой момент могли убить. Прирезать. Разодрать горло своими вонючими мерзкими когтями.

На подступах к поселению рыже-красное солнце ярко сверкало на стволах пушек. В оползающих песчаных холмах то и дело звучал глухой грохот взрывов. Защитный контур уже активировался. Несколько черных фигур выскочило и, мелко перебирая ножками, поползло вверх по склону. К терранскому поселению двигались целые толпы – тоже черные, сосредоточенные. Они, одна за другой, пересекали разделительную линию, которую провели инспекторы Конфедерации столетие тому назад. В Карнете кипела жизнь – все население города бесновалось от радости.

Тони поднял голову:

– Они... они опрокинули наш фланг.

– Да, – Джо Росси зло затушил сигарету. – Опрокинули. Еще в час дня. А в два прорвали центральные порядки. Они вбили клин и разорвали нашу линию надвое. И обратили в бегство. А потом добивали отступающих поодиночке. Господи, они натуральные маньяки. И теперь они почувствовали вкус нашей крови...

– Ну, положение выправляется, – заволновалась Лия. – Наши главные силы уже выдвигаются на позиции...

– Мы их разобьем, – пробормотал Джо. – Через некоторое время. Богом клянусь, перебьем всех до единого. Ни одного в живых не оставим. Тысячу лет будем за ними гоняться – и все равно всех, всех уничтожим. Всех, до последнего поганого корабля. – И он рявкнул: – Жуки! Чертовы насекомые! На ребенка моего руку, лапу свою вонючую когтистую подняли!..

– Был бы ты моложе, пошел бы в армию, – сказала Лия. – Ты не виноват, что не подходишь по возрасту. У тебя с сердцем проблемы. Ты свой долг уже выполнил. Они не могут позволить человеку в твоём возрасте испытывать такие перегрузки. Так что ты не виноват.

Джо сжал кулаки.

– Я чувствую себя... никчемным. И, главное дело, ничем помочь не могу...

– Наш флот разделяется с ними, – успокаивающе проговорила Лия. – Ты же сам так сказал. Что они перебьют их всех до единого. Уничтожат корабли. Так что не волнуйся, все будет хорошо.

Джо поник – сейчас он выглядел жалко.

– Да чушь это все. Хватит. Все. Хватит себя обманывать.

– В смысле?

– Надо смотреть правде в глаза. Мы не победим их. Мы проиграли. Слишком далеко забралась. Теперь пришло время расплаты.

В комнате повисло молчание.

Тони приподнялся в кресле:

– Ты это когда понял?

– Уже давно.

– А я только сегодня. Сначала не понял, конечно. А потом все стало ясно. Мы живем на чужой земле. Мы ее украли. У местных. Я здесь родился, но все равно эта земля – чужая.

– Да. Чужая. И мы ее украли. И она не наша.

– Мы здесь, потому что мы были сильнее. А теперь нет. Теперь нас бьют.

– Теперь они знают, что терранцев можно победить. Разгромить. Как и других.

Лицо Джо Росси разом посерело и обвисло.

– Мы отобрали у них планеты. А теперь они хотят их вернуть. И вернут. Со временем, не сразу. А мы будем медленно отступать. Эдак столетий пять – отступать, сдавать пядь за пядью. Между ними и Солнцем еще много планет.

Тони покачал головой, все еще недоумевая.

– Но Ллире? Б'прит? Да все они! Выходит, они что же, ждали этого часа? Ждали, что мы проиграем и нас можно будет выпихнуть? Туда, откуда мы прилетели...

Джо Росси мерил шагами комнату.

– Да, теперь мы будем отступать. Не завоевывать, а оставлять территории. Все теперь будет, как сегодня. Проигранные битвы. Затяжные бои. Отступления, безнадежные схватки...

Он поднял воспаленные глаза к потолку своего крохотного дома из металла и пластика. Взгляд у него был безумный и несчастный.

– Но – богом клянусь! – мы им еще покажем! Мы так просто не сдадимся! Мы будем драться за каждую пядь земли!

Обнуленные

Лемюэль прижался к стене своей темной спальни, напряженно вслушиваясь. Легкий ветерок колыбал тюлевые занавески. Желтый свет уличных фонарей просачивался в окно и растекался по кровати, шкафу, книгам, игрушкам и разбросанной одежде.

В соседней комнате шептались два голоса:

– Джин, надо что-то делать, – проговорил мужской голос.

В ответ тихо ахнули:

– Ральф, прошу тебя! Не трогай его! Ты должен держать себя в руках! Я не позволю причинить ему вред!

– Да не собираюсь я ничего такого с ним делать! – В шепоте слышалась застарелая боль. – Но почему он так себя ведет? Почему не играет в бейсбол? В салочки? Как все остальные ребята? Почему? Почему он жжет магазины и измывается над беспомощными животными? *Почему?!*

– Он... другой, Ральф. Мы должны попытаться понять.

– А может, врачу его показать? – проговорил его отец. – Может, у него секреция каких-то желез нарушена, откуда нам знать...

– К какому доктору? К старику Грейди? Но ты же сам сказал – он не сумел...

– Нет. Не к доку Грейди. Он отказался работать с нами после того, как Лемюэль испортил его рентгеновский аппарат и разломал всю мебель в приемной. Нет, думаю, проблема гораздо серьезнее.

Повисла напряженная пауза.

– Джин, я отвезу его... туда. В Хилл.

– О Ральф! Пожалуйста...

– Я сказал – значит, сделаю. – В голосе звучала мрачная решимость.

Так взрывают попавшиеся в ловушку звери.

– Возможно, психологи сумеют что-то сделать. Может, они помогут. А может, и нет.

– А если они оставят его в клинике? Принудительно? Ральф, у нас же никого нет, кроме него!

– Да, – хрипло пробормотал Ральф. – Я знаю. Никого нет. Но я уже принял решение. Еще в тот день, когда он ударил учителя ножом и выскочил в окно. Я покажу Лемюэля специалистам в Хилле.

День выдался теплым и погожим. Ветерок трепал листву, среди деревьев сверкало белизной, стеклом и металлом огромное здание клиники. Ральф Йоргенсон неуверенно оглядывался по сторонам и мял в руках шляпу – громадность госпиталя подавляла его.

А Лемюэль внимательно слушал. Настораживая свои большие, подвижные уши, он мог многое услышать – вокруг волновалось море голосов. Море накатывало волнами: голоса слышались изо всех комнат и приемных, на всех этажах. Его это возбуждало.

Доктор Джеймс Норт вышел навстречу и протянул руку. Высокий, красивый шатен чуть за тридцать, в очках в темной роговой оправе. Походка твердая, рукопожатие – а он и с Лемюэлем так поздоровался – быстрое и уверенное.

– Пойдемте, – трубным голосом пригласил он их внутрь.

Ральф двинулся к дверям его кабинета, но доктор Норт покачал головой:

– Вас я попрошу остаться снаружи. Только мальчик. Мы с Лемюэлем должны поговорить наедине.

Лемюэлем владело все то же возбуждение. Он пошел за доктором Нортом в кабинет. Норт быстро запер дверь на тройной магнитный замок.

– Можешь называть меня Джеймсом, – сказал он, тепло улыбнувшись мальчику. – А я тебя буду звать Лемом, хорошо?

– Хорошо, – осторожно ответил Лемюэль.

От человека не исходило никакой враждебности, однако он уже понял, что надо всегда быть начеку. Надо вести себя осторожно – даже с этим дружелюбным, симпатичным на вид доктором. Который, кстати, явно не глуп.

Норт закурил и окинул мальчика изучающим взглядом.

– Когда ты связал и стал препарировать этих старых, никому не нужных уродов, – сказал он задумчиво, – тобой ведь двигало чисто научное любопытство? Ты хотел знать – и тебя интересовали факты, а не мнения. Ты хотел сам понять, как устроено человеческое тело.

Лемюэль почувствовал, как растет его возбуждение.

– Но никто меня не понял...

– Да, это так, – и Норт покачал головой. – И никогда не поймет. Ты знаешь почему?

– Думаю, да.

Норт стал ходить туда-сюда по кабинету.

– Я хочу предложить тебе несколько тестов. Чтобы кое-что понять. Если ты не против, конечно. Так мы сможем оба больше узнать о тебе. Я ведь изучал тебя, Лем. Читал полицейские отчеты, статьи в газетах.

Он резко повернулся к письменному столу и извлек из ящика Миннесотский многоаспектный личностный опросник, пятна Роршаха, Бендер гештальт-тест, карты Зенера, планшетку для спиритических сеансов, игральные кости, детскую доску для письма, восковую куклу с кусочками ногтей и обрезками волос и кусочек свинца, который нужно превратить в золото.

– Что мне нужно сделать? – спросил Лемюэль.

– Я задам тебе несколько вопросов, а потом дам несколько предметов – поиграть. Посмотрю, как ты с ними будешь управляться, напишу пару заметок. Как тебе такой план?

Лемюэль не знал, что сказать. С одной стороны, он отчаянно нуждался в друге, с другой – он все-таки опасался доктора.

– Я...

Доктор Норт положил мальчику руку на плечо:

– Ты можешь доверять мне. Я не как те дети, которые тебя побили тем утром.

Лемюэль вскинул на доктора благодарный взгляд:

– Так вы знаете? Я обнаружил, что правила их игры – абсолютно произвольные. Поэтому я естественным образом решил соотноситься с естественными целями. Когда бита оказалась у меня в руках, я ударил по голове сначала подающего, потом принимающего. А потом я обнаружил, что человеческие этика и мораль – они все устроены подобным же... – тут он осекся, потому что вдруг испугался. – Возможно, я...

Доктор Норт сел за стол и принялся тасовать карты Зенера.

– Лем, не волнуйся, – тихо сказал он. – Все будет хорошо. Я все понимаю.

Лемюэль выполнил все тесты. Потом они долго сидели и молчали. Часы уже показывали шесть, за окном садилось солнце. Наконец доктор Норт заговорил:

– Невероятно. Я сам не могу поверить в то, что вижу. Ты совершенно логичен в своих действиях, но полностью лишен таламических эмоций. Твой ум совершенно свободен от культурных и моральных представлений. Чистый, беспримесный случай паранойи при полном отсутствии эмпатии. Ты абсолютно не способен чувствовать печаль, сострадание или жалость – точнее, ты вообще ни на какие человеческие эмоции не способен.

Лемюэль кивнул:

– Да, это правда.

Доктор Норт откинулся в кресле, изумленный и растерянный.

– Даже мне трудно это представить. Невозможно, крайне удивительно. Твоя логика безупречна – ибо совершенно свободна от ценностной ориентации. Окружающий мир должен видиться тебе как враждебный, не так ли?

– Так.

– Конечно. Ты проанализировал модели человеческого поведения и увидел, что, стоит им раскусить тебя, и они тут же набросятся и попытаются убить.

– Потому что я – другой. Не такой, как они.

Удивлению Норту не было пределов.

– Параною всегда рассматривали как психическое заболевание. Но это вовсе не болезнь! Речь идет не об утрате связи с действительностью – напротив, параноик осознает реальность *как она есть!* Он – совершенный эмпирик... Его разум не затуманен этическими и моральными представлениями, культурными предрассудками... Параноик видит подлинное устройство мира. На самом деле он – единственный из нас, кто находится в здравом уме...

– Я читал «Майн кампф», – сказал Лемюэль. – И понял, что я не один.

И мысленно вознес благодарственную молитву: «Я не один». Есть «мы». И «нас» – много.

Доктор Норт заметил, как изменилось выражение его лица.

– «Волна из будущего», – пробормотал он. – Я не такой, как вы, но я хочу понять вас. И я благодарен судьбе за то, что я – просто человек, способный к таламическим эмоциям и ограниченный в силу полученного воспитания. Я не могу стать одним из вас, но испытывать сочувствие – вполне...

И он вскинул враз посветлевшее лицо:

– И я могу вам помочь!

Следующие несколько дней Лемюэль провел все в том же состоянии возбуждения. Доктор Норт договорился, что мальчик останется под его опекой, и тот поселился в городской квартире психиатра. Там Лемюэль не испытывал постоянного давления со стороны домашних и вел себя так, как хотел. Доктор Норт сразу же принялся помогать мальчику отыскать других параноиков-мутантов.

Однажды вечером после ужина доктор Норт спросил:

– Лемюэль, не мог бы ты поподробнее рассказать мне о своей теории обнуления? Мне все-таки достаточно трудно уяснить себе принцип безоbjectной ориентации...

Лемюэль широким жестом обвел квартиру:

– Здесь в квартире много разных объектов – и у каждого есть имя. Книга, кресло, диван, ковер, лампа, занавески, окно, дверь, стена и так далее. Но это деление на объекты совершенно искусственно. Оно основано на устаревшей системе мышления. На самом деле никаких объектов не существует. Вселенная – это единое целое. А нас учили ее воспринимать как набор объектов. Вот эта *вещь*, вон та *вещь*... Когда же обнуление станет реальностью сознания, необходимость в этих вербальных разделениях одного от другого отпадет. В принципе, она давно отпала, просто пока не все поняли, насколько она бесполезна.

– Ты не мог бы привести пример? Или продемонстрировать, как это выглядит, опытным путем?

Лемюэль засомневался:

– Одному сложно. Лучше потом, когда мы отыщем других... Я могу это сделать, но не так, как надо. Масштаб будет не тот.

Доктор Норт внимательно наблюдал, а Лемюэль носился по квартире, собирая в кучу все попавшиеся под руку предметы. Свалив все книги, картины, ковры, занавески, мебель и безделушки на пол, он старательно расколотил все на мелкие куски – и на месте горы вещей осталась бесформенная масса.

– Вот так, – сказал он. Мальчик побледнел и никак не мог отдышаться после такого физического усилия. – Теперь произвольное деление на объекты устранено. А подобное сведение вещей к их изначальной однородности может быть сделано по отношению ко всей вселенной. Вселенная – это гештальт, единая субстанция, в которое живое и неживое, бытие и небытие не разделены. Это огромный энергетический вихрь, а не разрозненные частицы! За фасадом совершенно искусственного облика материальных вещей лежит подлинная реальность – огромный мир недифференцированной чистой энергии. Помни: объект – это не реальность. Таков первый закон обнуленного мышления!

На доктора Норта демонстрация обнуления произвела неизгладимое впечатление. Он торжественно кивнул и поддал ногой по обломку кресла – тот улетел в бесформенную кучу дерева, ткани, бумаги и битого стекла.

– Ты полагаешь, что вселенную можно вернуть в ее действительное состояние?

– Не знаю, – честно ответил Лемюэль. – Конечно, не все на это согласятся. Человеческие существа будут против, станут сопротивляться. Они же помешаны на *вещах* и не способны над этим подняться – ни дать ни взять обезьяны, которых хлебом не корми, а дай потрогать и утащить блестящую штучку. Все будет зависеть от того, насколько согласованно мы будем действовать.

Доктор Норт вытащил из кармана и развернул узкую полоску бумаги.

– У меня есть зацепка, – тихо сказал он. – Здесь – имя человека, который, похоже, один из вас. Мы поедем к нему завтра. А там посмотрим.

Доктор Джейкоб Веллер быстро и сухо поприветствовал их – они встретились у входа в его хорошо охраняемую лабораторию, из которой открывался прекрасный вид на Пало Альто. Огромный комплекс лабораторий и исследовательских бюро трудился над жизненно важными проектами, и его покой охранял целый полк одетых в одинаковую правительственную форму охранников. Мужчины и женщины в белых халатах работали день и ночь, не покладая рук.

– Мои исследования, – охотно пояснил доктор, знаком велев закрыть за ними двери на сейфовые замки, – были ключевыми в деле разработки К-бомбы, то есть кобальтовой бомбы, призванной сменить водородную. Увидите – многие ведущие ядерные физики тоже обнуленные.

Лемюэль затаил дыхание и осторожно проговорил:

– Выходит...

– Ну конечно! – Веллер не стал ходить вокруг да около. – Мы работаем над этим уже много лет. Ракетные установки на Пинемюнде, атомная бомба в Лос-Аламос, водородная бомба, а теперь вот и кобальтовая. Есть, конечно, много специалистов не из числа обнуленных – обычные люди с таламическими эмоциями. Эйнштейн, к примеру. Но мы уже далеко продвинулись в наших разработках, и если оппозиция не окажет значительного сопротивления, мы вскоре сможем приступить к выполнению плана.

Дверь у дальней стены отъехала в сторону, и в лабораторию торжественно вступила процессия одетых в белое мужчин и женщин. Сердце Лемюэля подскочило – вот они! Вот они, взрослые, достигшие пика развития обнуленные! Мужчины! Женщины! А самое главное, они уже сколько лет работают над планом! Их всех легко опознать по длинным и подвижным ушам – с их помощью мутанты-обнуленные улавливают минимальные воздушные вибрации на больших дистанциях. И таким образом они общаются по всему миру, и никакие расстояния им не помеха.

– Расскажи о нашей программе, – приказал Веллер низенькому белокурому человеку, который стоял рядом с ним с суровым – вот он, важнейший момент! – лицом, спокойный и собранный.

– Кобальтовая бомба практически готова к испытаниям, – тихим ровным голосом проговорил он.

В речи чувствовался едва заметный немецкий акцент.

– Но это еще не все. У нас есть и дальнейшие планы. Мы подготовили также Э-бомбу – лучше ее для начальной фазы операции не придумаешь. Но мы никогда не делали официального заявления о ее существовании. Если человеческие существа узнают, нам придется иметь дело с сильным эмоциональным сопротивлением.

– А что такое Э-бомба? – спросил Лемюэль – его возбуждение уже достигло предела, даже лицо светилось.

– Это выражение, – сказал маленький блондин, – описывает процесс, в ходе которого планета Земля превращается в гигантскую батарейку, приобретает критическую массу и потом взрывается.

Эти слова безмерно впечатлили Лемюэля:

– Я и думать не мог, что вы так далеко зашли в разработках!

Блондин слабо улыбнулся:

– Да, мы достигли многого – ведь давно трудимся! Под руководством незабвенного доктора Раста я разрабатывал идеологические основы нашей программы. В конечном счете мы превратим всю вселенную в гомогенную массу. Однако на данный момент нам необходимо разобраться с Землей. Выполнив нашу миссию здесь, мы сможем перенести деятельность в другие миры – и продолжать этим заниматься до бесконечности.

– У нас уже есть возможность переместиться на другие планеты, – пояснил Веллер. – Доктор Фриш, прошу вас...

– Для этого вполне подойдут модифицированные ракеты, разработанные еще в Пинемюнде, – охотно рассказал блондин. – Мы построили корабль, способный доставить нас на Венеру. Там мы приступим ко второму этапу нашей миссии. Мы изготовим В-бомбу, и она вернет Венеру в ее первоначальное гомогенизированное состояние чистой энергии. Ну а потом... – Он слабо улыбнулся. – Потом настанет время испробовать С-бомбу. Бомбу, предназначенную для солнца. С помощью которой, если все получится, мы замкнем всю систему планет и лун в единый гештальт.

К двадцать пятому июня 1969 года обнуленные контролировали правительства всех значительных стран. Практическая подготовка миссии, начатая еще в середине тридцатых годов, была почти завершена. Соединенные Штаты и Советская Россия управлялись обнуленными. Обнуленные также занимали ключевые политические посты, и потому программа осуществлялась полным ходом. Время пришло. Надобность в секретности отпала.

С борта кружащего вокруг Земли корабля Лемюэль и доктор Норт видели, как взорвались первые водородные бомбы. Две державы нанесли ядерные удары одновременно – это тоже было частью плана. В течение часа стало ясно, что результаты даже превысили ожидания: большей части Северной Америки и Восточной Европы уже не существовало. Над ними колыхались огромные радиоактивные облака. В Африке, Азии, на бесчисленных островах и в прочих богом забытых местах человеческие существа дрожали от страха.

– Замечательно, – прозвучал в ушах Лемюэля голос доктора Веллера.

Доктор находился где-то под землей, в тщательно охраняемой штаб-квартире движения. Там завершали сборку корабля, которому предстояло лететь к Венере.

Лемюэль полностью согласился:

– Да, отличная работа. Мы сумели вернуть к изначальной реальности почти пятую часть земной поверхности.

– Нам предстоит сделать гораздо, гораздо больше! Следом мы должны задействовать кобальтовые бомбы. Взорвав их, мы нейтрализуем все человеческие особи, и они не смо-

гут помешать нам работать с установками для Э-бомб. Нам ведь предстоит построить для них терминалы. А это невозможно сделать, пока на Земле есть люди. Они наверняка попробуют вмешаться в процесс.

Через неделю была сброшена первая кобальтовая бомба. Следом запустили ракеты с кобальтовыми боеголовками – из особо секретных установок в России и Америке.

К пятому августа 1969 года население Земли сократилось до трех тысяч человек. В подземных бункерах сидели крайне довольные результатом своих трудов обнуленные. Процесс объединения в подлинный гештальт шел без сучка и задоринки. Сбывались мечты всех обнуленных.

– А теперь, – сказал доктор Веллер, – мы приступим к возведению терминалов для Э-бомб.

Один терминал строился в Перу – в Арекипе. Второй, с другой стороны земного шара, в Банданге, на Яве. Всего за месяц из земли выросли две гигантские башни, упирающиеся вершинами в пылевые облака. Обнуленные – все, как один, в защитных скафандрах и шлемах – неустанно трудились над завершением программы.

Доктор Веллер взял Лемюэля с собой, когда полетел в Перу. На всем пути от Сан-Франциско до Лимы пейзаж выглядел абсолютно одинаково: летящий пепел, догорающие огни там, где воспламенились металлы. Ни одного признака жизни, ни одного отдельно стоящего предмета – сплошной выгоревший шлак. Океаны превратились в исходящие паром котлы с кипящей водой. Границы суши и воды более не просматривались. Поверхность земли стала бело-серой, без вкраплений цвета. Голубые моря и зеленые леса, дороги, города и поля исчезли с ее лица.

– Вон там, – показал доктор Веллер. – Видишь?

Лемюэль хорошо разглядел постройку. Она оказалась настолько прекрасной, что у него едва не прервалось дыхание. Усилиями обнуленных над морем расплавленного шлака высился подобный гигантскому пузырю купол из прозрачного пластика. А внутри виднелся сам терминал – ажурная башня из сверкающего металла и проводов, взглянув на которую, доктор Веллер и Лемюэль уважительно примолкли.

– Вот видишь, – пояснил Веллер, проведя ракету через шлюз защитного колпака и посадив ее на поверхность. – Мы вернули в подлинное состояние лишь поверхность Земли. А в глубину не проникли – разве что на одну милю. А ведь основная масса планеты так и не преобразовалась. Вот для этого и нужна Э-бомба. Все еще жидкое ядро планеты взорвется, и Земля превратится в новое солнце. А потом мы применим С-бомбу, и вся система станет единым целым – огромной массой огненного газа.

Лемюэль кивнул:

– Логично. А потом...

– Потом Г-бомба. Мы сделаем то же самое с галактикой. Что же до завершающих стадий... О, наш план настолько величествен, настолько далеко простираются наши мечтания, что я даже боюсь загадывать. Но... после Г-бомбы... – тут Веллер слабо улыбнулся и блеснул глазами, – после Г-бомбы – В-бомба. Нас ждет вся Вселенная.

На выходе из ракеты их уже ждал доктор Фриш – какой-то нервный и дерганый.

– Доктор Веллер! – воскликнул он. – У нас проблемы! Непредвиденные обстоятельства!

– Что случилось?

Лицо Фриша исказилось – он был растерян и испуган. Однако собрав в кулак все свои способности обнуленного, он мобилизовал интеллект и подавил дурацкие таламические импульсы.

– Некоторое количество человеческих существ выжило!

Веллер не поверил своим ушам:

– В смысле? Но как...

– Я слышал их голоса! Как обычно, вращал ушами, наслаждаясь бульканьем и ревом океана жидкого шлака, и уловил необычный шум! Оказалось, это голоса человеческих существ!

– Но где?

– Под поверхностью земли. Некоторые богатые владельцы заводов и фабрик тайно перенесли предприятия под землю – хотя правительство строго-настрого запрещало подобное!

– Да, мы специально издали такие законы...

– Так вот, эти промышленники действовали, руководствуясь примитивной таламической жадностью. Они целые армии рабочих перебросили вниз – чтобы во время войны использовать их как рабов. В результате в живых осталось более десяти тысяч человек! И они...

– Что они?

– Они каким-то образом собрали огромные буры и теперь с огромной скоростью продвигаются в нашу сторону. Нам предстоит нешуточное сражение! Я уже оповестил команду корабля, летящего на Венеру. Его вскоре выведут на поверхность.

Лемюэль и доктор Веллер в ужасе переглянулись. Обнуленных – от силы тысяча, а врагов в десять раз больше!

– Какой кошмар, – выдавил доктор. – И надо же, мы так близки к завершению. Когда будут готовы башни-излучатели?

– Понадобится еще шесть дней, прежде чем Земля наберет критическую массу, – пробормотал Фриш. – А буры уже близко. Пошевелите ушами – вы их услышите.

Лемюэль и доктор Веллер последовали его совету, и до них тут донесся нестройный гам человеческих голосов. А также грохот, рев и звяканье вгрызающихся в землю буров – те двинулись к двум строго определенным точкам. К терминалам.

– Да, это просто люди! Самые обычные! – охнул Лемюэль. – Это понятно по голосам!

– Мы в западне!

Веллер схватил бластер, Фриш тоже. Обнуленные спешно вооружались, о работе никто уже и не думал. С рвущим барабанным перепонки ревом бур пробил поверхность – и продолжил двигаться в их направлении. Обнуленные открыли шквальный огонь, а потом рассредоточились и принялись отступать к башне.

Появился второй бур, за ним третий. В воздухе гудели, перекрещивались и искрили энергетические лучи – обнуленные стреляли, люди стреляли в ответ. Люди действительно оказались самыми обычными – трудяги, загнанные под землю работодателями. Самые низшие формы человеческой жизни: клерки, водители автобусов, разнорабочие, машинистки, уборщицы, портные, пекари, токари, клерки из транспортных цехов, члены бейсбольных команд, радиоведущие, автослесари, полицейские, уличные торговцы, продавцы мороженого, коммивояжеры, инкассаторы, секретари, сварщики, плотники, строители, фермеры, политики, торговцы – словом, мужчины и женщины, самый факт существования которых наполнял страхом сердца обнуленных.

Огромные массы обладающих эмоциями людей, настроенных против Великого Дела, против бомб, бактериального оружия и баллистических ракет, выходили на поверхность! О да, они все-таки сумели оказать сопротивление – и какое! Они не дали завершить работу суперлогикам! Какое безответственное, не достойное интеллекта вмешательство!

– Надежды на победу нет! – охнул Веллер. – Башни не удержать. Выводите корабль на поверхность.

Торговец и два сантехника в это время уже поджигали терминал. Группа людей в комбинезонах и грубых брезентовых рубахах обрывала провода. Остальные – такая же серая эмо-

циональная масса! – полосовала лучами бластеров пульты управления. А ведь это было чудо техники! Кое-где уже поднималось пламя, а башня угрожающе накренилась.

Тут показался корабль – его поднял на платформу сложный механизм. Обнуленные немедленно построились в две спокойные очереди и потекли внутрь – сосредоточенные и спокойные, несмотря на то что обезумевшие человеческие особи продолжали вести по ним огонь.

– Животные, – горько сказал Веллер. – Тупая масса. Безмозглые скоты, подвластные эмоциям. Твари, не способные мыслить логически.

Луч бластера сбил его с ног, и на место доктора заступил следующий обнуленный. Вскоре все они взошли на борт, и огромные створки люка с лязгом захлопнулись. Из дюз корабля с ревом вырвалось пламя, космолет устремился вверх, прорвал купол и исчез в небе.

Лемюэль лежал там, где упал, – безумный электрик подстрелил его, задев лучом бластера левую ногу. Он с печалью смотрел, как поднимается вверх корабль, медлит у поверхности защитного купола, с треском пробивает его и растворяется в пламенеющем небе. Вокруг суетились человеческие существа – они заделывали защитный купол, выкрикивали приказы и радостно вопили. Шум и гам терзали тонкий слух мальчика. Он из последних сил поднял руки и прикрыл ладонями уши.

Корабль улетел. А он остался здесь, на Земле. Но работа продолжится – хоть и без него.

До слуха донесся далекий голос. С борта уносящегося к Венере корабля кричал, сложив руки рупором, доктор Фриш. Еле слышный голос едва пробивался через несчетные мили разделяющего их космического пространства, однако Лемюэль сумел разобрать слова, несмотря на безобразные вопли взбесившихся человек:

– Прощай! Ты будешь жить в нашей памяти!

– Работайте не покладая рук! – крикнул мальчик в ответ. – Не сдавайтесь и доведите наше дело до конца!

– Мы сделаем все, что должно! – слышимость ухудшалась. – Мы продолжим...

Тут голос прервался, но через несколько мгновений послышалось слабое:

– Мы победим...

А после этого настала полная тишина.

На губах Лемюэля играла счастливая, мирная и довольная улыбка. Он хорошо потрудился, о чем жалеть? Он лег на землю и принялся ждать, когда стая безмозглых человеческих животных его прикончит.

На службе у хозяина

Эплквист решил срезать путь через пустырь и теперь быстро шел по тропе вдоль обрывистого склона оврага. И тут он услышал голос.

Он замер как вкопанный и на всякий случай положил руку на рукоять С-пистолета. Некоторое время человек прислушивался, но различал лишь тихое шелестение ветра в буреломе, глуховатый присвист, мешающийся с шорохом высохшей травы под ногами. Звук – если ему не послышалось, конечно – донесся из оврага. Дно лощины давно превратилось в непроходимую свалку мусора. Он присел, осторожно наклонился над краем и прищурился: что бы это могло быть?

Внизу – тишина и никакого движения. Как понять, где источник звука? Ноги затекли, вокруг жужжали мухи, садились на взмокший лоб. Солнце пекло так, что голова болела – в последние месяцы пылевые облака стали совсем тонкими.

Часы в противорадиационном защитном корпусе показывали три часа дня. Он пожал плечами и с трудом поднялся на ноги – размяться бы. Ну и черт с этим непонятным звуком. Пусть высылают вооруженный отряд. В конце концов, это не его дело – он гражданский человек, почтальон четвертого класса.

И он полез вверх по склону – к дороге. И тут же снова услышал... это. Обернулся и, поскольку стоял повыше, заметил, как на дне что-то шевельнулось. И тут ему стало страшно и... да как такое может быть? Невозможно! Невероятно! И в то же время – он же это только что видел! Сам! Своими глазами! Оказывается, новостные каналы не врал. Это не слухи.

Но что робот делает в овраге посреди пустыря? Роботов уничтожили давным-давно! Много лет назад. Но вот он лежит – там, внизу, среди мусора и сорной травы. Заржавевшая, рассыпающаяся на части развалина. И жалобно и тихо взывает к идущему человеку.

Тройные запоры отодвинулись, он прошел через защитный контур Компании и оказался в туннелях. И принялся медленно спускаться – было над чем подумать – к уровню, на котором располагались офисы. Сбросил сумку с письмами, и помощник Контролера Дженкинс тут же подскочил к нему:

– Где тебя носило? На часах четыре, а ты все шляешься!

– Прощения просим.

И Эплквист отдал С-пистолет охраннику.

– Слушай, а на пять часов меня могут выпустить? Мне кое-что осмотреть нужно.

– Нет, конечно. Они ж в правом крыле все переналаживают-перенастраивают. Сказали, сутки глаз не смыкать – режим повышенной безопасности.

Эплквист принялся раскладывать письма. Большая часть оказалась личными – большие шишки в Североамериканских компаниях строчили друг другу послания. А вот письма дамам, работающим в индустрии развлечений, – эти поступают извне, не из Компании. А вот письма домашним и прошения мелких служащих.

– Ну, раз так, – задумчиво сказал он, – я все равно выйду. По-любому.

Дженкинс искоса посмотрел на молодого человека:

– А что случилось-то? Похоже, ты какое-то оборудование нашел. Да? Небось целое, не битое, еще со времен войны. Тайник, да? Набитый всякой всячиной, правда? Где ты его раскопал?

Эплквист едва не проболтался, но вовремя прикусил язык.

– Ну-уу... – равнодушно протянул он. – Такое... возможно.

Дженкинс смерил его ненавидящим взглядом и гордо зашагал к раздвижным дверям наблюдательскую. Там на большой, во всю стену карте отображалась вся деятельность Компа-

нии, а за ней надзирали специалисты. С полдюжины мужчин среднего возраста, по большей части лысых, в грязных и затертых воротничках, полулежали в креслах. В углу крепко спал Контролер Рюдде, вытянув толстые ноги. Рубашка разошлась, показывая волосатую грудь. Эти люди управляли Детройтской компанией. Они полностью контролировали жизнь десяти тысяч семей, проживающих в подземном убежище.

– Ты чего там удумал? – взревели у Эпплквиста над ухом.

Директор Лоуз опять застал его врасплох. И когда он только появился в комнате?

– Да ничего такого, сэр, – ответил Эпплквист.

Фарфорово-голубые глаза впились в него острым подозрительным взглядом: чего, мол, скрываешь? Ну-ка выкладывай...

– Да так, обычная накопленная усталость. Опять же напряженность повышенная и все такое. Я все хотел взять отгул, мне положено, но работы, знаете ли, столько, что...

– Хватит врать-то. Кому ты нужен, почтальон четвертого класса... Ты чего удумал, еще раз спрашиваю?

– Сэр, – Эпплквист решил пойти в лобовую. – Почему роботов уничтожили?

Вокруг все резко замолчали. Лоуз сначала удивился, а потом одарил его неприкрыто враждебным взглядом. Но прежде чем начальство заговорило, Эпплквист пробормотал:

– Я знаю, что представителям моего класса запрещено задавать вопросы теоретического характера. Но, похоже, это очень важно для меня.

– Это конфиденциальная информация, – угрожающе прорычал Лоуз. – Даже для руководства.

– Какая связь между войной и роботами? Почему она вообще началась, эта война? Как люди жили до войны?

– Информация конфиденциальная, – повторил Лоуз. – Я же сказал.

И он медленно отошел к стене с картой, а Эпплквист остался стоять один среди пощелкивающих машин и шепчущихся и бормочущих клерков и чинуш.

Машинально он снова вернулся к раскладыванию писем. Когда-то давно случилась война. В ней участвовали роботы. Вот и все, что он знал. Лишь немногие пережили войну. В детстве отец возил его в промышленный центр, и там он видел роботов, которые управляли оборудованием. Некогда роботы могли выполнять и более сложные задачи, но таких уже не осталось. Да и этих, простых, тоже скоро на металлолом пустят. А новых не производили. Совсем.

– *Что же произошло?* – спросил он – уходить не хотелось, и отец едва ли не насильно утащил его с фабрики. – Куда все роботы подевались?

Тогда ему тоже ничего не ответили. А ведь это было шестнадцать лет назад – с тех пор точно ни одного робота не уцелело, всех на свалку отправили. Даже самая память о них стала изглаживаться. Через несколько лет и слово-то такое – *робот* – выйдет из употребления. Так что случилось?

Он закончил раскладывать письма и вышел из зала. Никто из начальства не заметил: они стояли и обсуждали какой-то замысловатый момент корпоративной стратегии. Маневры, контрманевры. Разговор был напряженным, стороны обменивались оскорблениями. Эпплквист полез в карман, нащупал раскрошенную сигарету и с трудом прикурил.

– Сигнал к ужину, – заверещал громкоговоритель в коридоре. – Часовой перерыв для руководства!

Немногочисленное начальство шумно протопало мимо. Эпплквист затушил сигарету и пошел к своему рабочему месту. Там он проторчал до шести. Затем пришла его очередь идти на ужин. До субботы перерывов не предвидится... Но если пожертвовать ужином...

Тот робот – наверняка из самых простых. Из тех, что отправили на свалку в недавнем прошлом. Таких, как он, видел в детстве на фабрике. Не сохранился же он со времен войны?

Это совершенно невероятно... Столько лет пролежать в овраге, покрываясь ржавчиной, гния заживо в куче отбросов...

Нет, не нужно питать напрасных надежд. Сердце бешено колотилось. Он зашел в лифт и дернул за рычаг. К вечеру он все узнает наверняка.

Робот лежал в густых зарослях бурьяна, среди куч механического лома. Ржавые, торчащие во все стороны обломки мешали спускаться, но Эпплквист упорно лез вниз, в овраг. В руке он крепко сжимал С-пистолет и то и дело проверял, крепко ли прилегает к лицу противорадиационная маска.

Счетчик громко щелкал – дно оврага излучало жар. Красноватые ошметки металлических конструкций в лужах жидких отходов, кучи и бесформенные комья железа, пластика и изуродованного оборудования. Он отпихнул в сторону паутину черной спекшейся проволоки и осторожно проскользнул мимо разверстого бензобака какой-то старинной машины, заросшей плющом. Из-под ног метнулась крыса. Солнце уже садилось. Кругом протянулись длинные черные тени.

Робот молча смотрел на него. Точнее, половина робота – от машины остались лишь голова, руки и верхняя часть туловища. Вместо ног торчали какие-то перекрученные отростки, к тому же наполовину срезанные. Двигаться робот не мог, все тело было покрыто вмятинами и пятнами ржавчины. Одна глазная линза отсутствовала. Металлические пальцы торчали под странными углами. Робот лежал на спине и глядел в небо.

И это был робот времен войны, сомнений не оставалось. В единственном уцелевшем глазу светился ум. Сознание старого, много помнящего существа. Это был не механический трудяга-роботяга из времен его детства. Сердце Эпплквиста подскочило и бешено забилося. Надо же. Настоящий робот. Он внимательно следил за движениями человека. Он был живой.

«Все это время. – ужаснулся Эпплквист. – Все эти годы он пролежал здесь, на свалке». Волоски у него на шее встали дыбом. Вокруг стояла тишина: молчали холмы, деревья и древние руины. Ни одного шевеления в траве – они с роботом были единственными живыми существами в округе. «Он лежал здесь, на этой помойке, и ждал, пока кто-нибудь пройдет мимо».

Дунул прохладный ветерок, трава зашелестела, и он машинально запахнул плащ. На равнодушное лицо робота слетело несколько листьев. Плющ обвил его тело, запустил ветви внутрь механизмов. На робота лил дождь несчетное количество раз. Потом светило солнце. Зимой его заносило снегом. Его обнюхивали крысы и прочее зверье. Ползали и заползали внутрь насекомые. А он все еще жил.

– Я услышал тебя, – пробормотал Эпплквист. – Я шел по тропе наверху и услышал тебя.

Робот молчал. А потом ответил:

– Я знаю. Я видел, как ты остановился.

Голос у него оказался сухой и тихий-тихий. Словно пепел летит по пожарищу. И шелестит. Ровный, без интонаций голос.

– Не скажешь ли ты мне, какое сейчас число? У меня питание отказало и настройки сбились. Временно замкнуло провода.

– Одиннадцатое июня, – сказал Эпплквист. – Две тысячи тридцать шестого года, – добавил он потом.

Робот явно экономил убывающую энергию. Попытался поднять руку. Бессильно уронил ее. Единственный зрячий глаз затянуло дымкой, внутри натужно, перетирая ржавчину, зажужжало. Тут Эпплквист понял: а ведь робот может отдать концы с минуты на минуту. Странно, что дожил до этого момента... На теле уместилось несколько улиток. Приглядевшись, Эпплквист увидел, что оно все исчерчено дорожками их слизи. Немудрено – целый век прошел...

– Сколько ты здесь пролежал? – спросил он. – С самой войны?

– Да.

Эплквист нервно ухмыльнулся:

– Да уж, срок немаленький. Почти сто лет прошло.

– Да. Я уже понял.

В овраге быстро темнело. Эплквист машинально нащупал фонарик. Склоны затопила тьма, он их почти не различал. Где-то далеко-далеко в темноте закаркала птица. В кустах шелестело.

– Мне нужна помощь, – сказал робот. Большая часть двигательных механизмов вышла из строя. Я не могу двигаться, не могу уйти отсюда.

– А остальная часть тебя – в каком она состоянии? Блок питания работает? Насколько его...

– С питанием плохо. Большая часть батарей тоже вышла из строя. Только несколько контуров еще работает, но с перегрузкой.

Зрячий глаз робота снова уставился на него.

– Какова ситуация с развитием техники? Я видел, как в небе летели какие-то корабли. Вы все еще производите электронику?

– У нас есть производственные мощности под Питтсбургом.

– Если я опишу тебе электротехнические детали, ты меня поймешь? – спросил робот.

– Я не механик. Я почтальон четвертого класса. Но в ремонтном департаменте у меня есть знакомые. Они поддерживают в рабочем состоянии наши машины. – Эплквист нервно облизнул губы. – Но это, конечно, дело рискованное. И противозаконное.

– Противозаконное?

– Всех роботов уничтожили. Ты единственный остался. Остальных давным-давно ликвидировали.

В глазах робота ничего не отразилось.

– Почему ты сюда спустился? – жестко спросил он. Глаз дернулся и уставился на С-пистолет в руке Эплквиста. – Ты мелкая сошка в какой-то иерархии. Выполняешь приказы вышестоящих. Ты целое число в системе, большей тебя, на ручном управлении.

Эплквист расхохотался:

– А ведь и правда.

Потом оборвал смех и резко спросил:

– Почему случилась война? За что воевали обе стороны? Какова была жизнь до войны?

– А ты разве не знаешь?

– Конечно, нет. Теоретическое знание под запретом – ну, только руководство имеет допуск. Даже Контролеры ничего не знают о войне.

Эплквист сел на корточки и посветил фонариком в заплывающее темнотой лицо робота.

– Тогда ведь жизнь была совсем другой, правда? Люди не жили в подземных убежищах. И мир не походил на кучу радиоактивного мусора. И люди не гробили себя, работая на Компании.

– До войны никаких Компаний и в помине не было.

Эплквист торжественно ухмыльнулся:

– Так я и знал.

– Люди жили в городах, их разрушили во время войны. Компании, которые позаботились о защите, ее пережили. Руководство Компаний сформировало правительство. Война длилась долго. Все ценное уничтожили в ходе боевых действий. Вы живете в выжженной оболочке прежней цивилизации. – Робот помолчал, а потом продолжил: – Первого робота сделали в 1979 году. В 2000-м всю ежедневную работу выполняли роботы. Человеческие существа, свободные от трудов, занимались, чем хотели. Развивали искусство, науку, индустрию развлечений. Все, что пожелаешь, было к их услугам.

– А что такое искусство? – спросил Эплквист.

– Творческая работа, нацеленная на реализацию внутренних стандартов. Все население земли посвятило себя культурному развитию. Роботы поддерживали существующий порядок, люди наслаждались жизнью.

– А города? Какие они были?

– Роботы перестроили и возвели города согласно планам лучших человеческих архитекторов. Они стали чистыми, гигиеничными, красивыми. Настоящие города земных богов.

– Почему началась война?

Единственный глаз робота замигал.

– Я и так уже слишком много рассказал. Заряда батареи осталось критически мало.

Эплквиста передернуло от страха:

– А что тебе нужно? Я достану.

– Как можно скорее – атомный блок питания класса А. С мощностью в несколько десятков тысяч Ф-единиц.

– Так.

– А потом мне понадобятся инструменты и алюминиевые детали. Проводка с низким сопротивлением. Принеси ручку и бумагу – я напишу список. Ты не поймешь, кто-нибудь из техподдержки поймет.

– А ты мне расскажешь о войне?

– Конечно.

И сухое шелестение его голоса смолкло. Вокруг шевелились тени, холодный вечерний ветерок перебирал темные травы и листья.

– Пожалуйста, не медли. Завтра. Если можно, принеси все завтра.

– Я на тебя докладную напишу, – гаркнул помощник контролера Дженкинс. – На полчаса опоздал, а теперь вот с этим ко мне лезешь! Ты чего творишь? Хочешь, чтоб тебя из Компании уволили?

Эплквист придвинулся к нему близко-близко:

– Я должен достать эти штуки. В общем... тайник – он под землей находится. И нужно к нему подобраться. Аккуратно. А то все мусором и обломками засыплет – с концами.

– А большой тайник-то? – Глазки Дженкинса уже не блестели подозрительно – кривую рожу помощника перекосило от жадности. В глазках так и вертелись цифирки и нолики – Дженкинс уже прикидывал, как потратит премиальные. – Ты видел, что там? Всякие непонятные машины есть?

– Да я вообще не понял, что там за аппараты, – нетерпеливо зашептал Эплквист. – Ты давай, времени-то не трать зря. Там все на соплях держится, в любой момент рухнет и завалит ход. Быстро надо действовать.

– А где это? Я хочу сам посмотреть!

– Я все сделаю сам. А ты принесешь то, что я сказал, и прикроешь, если заметят, что меня нет на месте. За это получишь долю.

Дженкинс заерзал, терзаясь сомнениями:

– Смотри, если врешь мне...

– Да не вру я! – яростно зашипел Эплквист. – Когда блок питания принесут?

– Завтра утром. Мне на него гору справок заполнять еще. А ты уверен, что справишься? А то давай, я ремонтную бригаду пошлю с тобой. Ну, чтобы все по уму...

– Я справлюсь, – отрезал Эплквист. – Твое дело – оборудование достать. А я позабочусь обо всем остальном.

Утреннее солнце радостно расцвечивало мусор и отбросы на дне оврага. Эплквист дрожащими руками – нервничал! – пихал блок питания на место, прилаживал контакты, при-

хлопывал проржавевшую крышку. Потом встал на ноги, все так же дрожа. Отшвырнул старый блок и стал ждать.

Робот зашевелился. Глаз разом замигал и стал осмысленным. Потом робот принялся ощупывать себя, проверяя, насколько повреждены плечи и тело.

– Ну как? – сиплым от волнения голосом поинтересовался Эпплквист.

– Похоже, все в порядке.

Голос робота стал громче. В нем появились интонации и уверенность.

– Старый блок питания практически сел. Удачно получилось, что ты появился.

– Ты сказал, что люди жили в городах, – Эпплквист решил не медлить с расспросами. – А роботы, выходит, делали за них всю работу?

– Работы делали всю работу по поддержанию системы. Чтобы все работало – в том числе промышленность. А люди наслаждались досугом и делали, что хотели. Мы с радостью исполняли все порученные нам задания. Это была наша работа, и она нам нравилась.

– А что тогда случилось? Что-то пошло не так?

Работ взял бумажку и карандаш. Рассказывая, он осторожно выводил на листке цифры.

– Появилась группа фанатиков. Среди людей, конечно. Религиозная организация. Они кричали, что бог велел человеку трудиться в поте лица своего. Они хотели отправить роботов на свалку, а людей вернуть на заводы – чтобы те там пахали от зари до зари, исполняя черную работу.

– Но... зачем им это понадобилось?

– Они полагали, что труд духовно обогащает человека.

Робот бросил ему листок.

– Вот список того, что мне нужно. Мне понадобятся эти детали и инструменты, чтобы восстановить поврежденную систему.

Эпплквист нерешительно мял в руках листок.

– Эта религиозная организация...

– Люди разделились на две партии. На Моралистов и Отдохновенцев. Они годами сражались друг с другом, а мы держались в стороне от схватки – просто ждали, когда решится наша судьба. Я и поверить не мог, что Моралисты одержат победу над разумом и здравым смыслом. Но они победили.

– Как ты думаешь... – начал было Эпплквист. Потом резко осекся. Мысль, бившаяся внутри, с трудом облекалась в слова. Но он решился: – А как ты считаешь, роботов можно вернуть?

– Ты говоришь неопределенностями. – Робот резко переломил в руках карандаш и отбросил его. – К чему ты клонишь?

– У работников Компаний нелегкая жизнь. Тяжкий труд, высокая смертность. Сплошная отчетность, смены, рабочие дни и приказы.

– Это ваша система. Я не несу за нее ответственности.

– А что ты знаешь о роботехнике? Кем ты был до войны?

– Я был контролером на производстве. Летел на фабрику в тылу, а корабль подбили.

Работ обвел руками горы обломков вокруг.

– Вот что осталось от моего корабля и его груза.

– Что значит, был контролером на производстве?

– Я был ответственным за линию по производству роботов. Изобретал и внедрял в производство основные типы.

Эпплквист почувствовал, как закружилась голова.

– Значит, ты разбираешься в роботехнике.

– Да. – И робот ткнул в бумажку в руке Эплквиста. – Пожалуйста, доставь скорее эти детали и инструменты. Я беспомощен, и это плохо. Я хочу встать на ноги. Вдруг меня заметят с воздушного судна...

– Связь между Компаниями налажена из рук вон плохо. Я вот почтальон, письма пешком доставляю. Страна лежит в руинах. Ты можешь спокойно работать, никто этого не заметит. А что случилось с твоей тыловой фабрикой? Может, ее не разбомбили?

Работ медленно кивнул:

– Ее тщательно замаскировали. Так что вряд ли она пострадала. Она маленькая, но хорошо оборудованная. И она не зависит от внешних источников энергии.

– А если я найду запчасти, ты сможешь...

– А вот об этом мы поговорим потом.

И робот опустил обратно на землю.

– Вернешься – еще поговорим.

Он получил все детали от Дженкинса. Помощник контролера выдал ему и пропуск аж на целые сутки. И вот Эплквист сидел на склоне оврага и замороженно наблюдал за тем, как робот что-то раскрывает в своем теле и меняет поврежденные элементы. В течение нескольких часов он смонтировал новую двигательную систему – приварил базовые элементы, нужные для хождения. И к полудню уже экспериментировал с нижними конечностями.

– Ночью, – сказал робот, – я сумел установить слабую связь с фабрикой. Она не пострадала – так передал робот-смотритель.

– Работ? В смысле?

– Машина. Передатчик. Полностью автоматическая, не живая, как я. Строго говоря, я не робот.

И с гордостью добавил:

– Я – андроид.

Эплквиста все эти тонкости не особо трогали. Он как раз вовсю обдумывал открывающиеся возможности.

– Тогда давай действовать. У тебя есть необходимые знания, а я могу доставать материалы...

– Ты не видел того, что я видел. Не видел ужасов разрушения. Моралисты систематически уничтожали нас. Они захватывали города и зачищали их от андроидов. Представителей моей расы зверски уничтожали – по мере отступления Отдохновенцев. Нас отрывали от наших машин и убивали.

– Но это ж сотню лет назад случилось! Сейчас никто и не подумает уничтожать роботов! Нам как раз нужны роботы – чтобы возродить мир из руин. Моралисты выиграли войну, но мир-то лежит в развалинах.

Робот что-то перенастроил в двигательном аппарате, и движения ног стали более скоординированными.

– Их победа обернулась трагедией, но я лучше разбираюсь в обстановке. Лучше тебя. Нужно действовать с предельной осторожностью. Если нас уничтожат сейчас, у нас не будет второго шанса.

Эплквист пошел вслед за роботом – тот осторожно пробирался через завалы к склону оврага.

– Мы работаем не разгибаясь. По сути мы рабы, нас держат в подземных укрытиях. Сколько можно терпеть? Люди будут только рады возвращению роботов. Вы нам нужны. У меня все из головы не идут твои рассказы про Золотой век – про эти величественные здания и цветы, про прекрасные города на поверхности... А что мы имеем сейчас? Одни развалины и нищета. Моралисты победили, но счастья это никому не принесло. Мы бы с радостью...

– Где мы находимся? Каковы координаты этого места?

– Западнее от Миссисипи. До реки несколько миль. Мы должны отвоевать нашу свободу. Нельзя так жить – работа, сплошная работа на заводах под землей. Если б у нас было свободное время, мы бы исследовали тайны вселенной. Я нашел старые ленты с научной информацией. Теоретические работы по биологии. Люди годами работали над абстрактными темами! У них на это времени хватало! Они были свободными! Пока роботы занимались экономическими вопросами, они могли...

– Во время войны, – вдруг задумчиво проговорил робот, – Моралисты поставили радары – по одному на каждые несколько сотен квадратных миль. Они работают, эти радары?

– Я не знаю. Сомневаюсь. Только то, что находится непосредственно на территории Компании, работает. Остальное вряд ли.

Робот глубоко задумался. Он заменил разбитый глаз новым, и теперь оба глаза посверкивали – андроид обрабатывал информацию.

– Сегодня вечером мы подумаем, что можно сделать с твоей Компанией. Я тебе сообщу мое решение. А пока никому ни о чем не говори. Понял? На данный момент меня больше беспокоит состояние дорог.

– Дороги считай что не существуют.

Эплквиста так и распирало от радости.

– Я уверен – большая часть служащих Компании Отдохновенцы в душе. Ну, возможно, в руководстве сидят Моралисты. Среди Контролеров пара найдется. Но все простые рабочие и их близкие...

– Хорошо, – перебил его робот. – Мы обсудим это позже.

И он огляделся.

– Займись-ка этим оборудованием. Оно повреждено, но часть техники еще в рабочем состоянии. Во всяком случае, пока.

Эплквист сумел разминуться с Дженкинсом и быстро проскользнул через офисный уровень к своему рабочему месту. Мысли в мозгу так и кипели. Все вокруг казалось странно зыбким и обманчивым. Спорящие контролеры. Гудящие, щелкающие машины. Клерки и чиновники низшего класса бегают туда-сюда с письмами и протоколами. Эплквист схватил письма и принялся бездумно распихивать их по ячейкам.

– Ты наружу ходил, – кисло заметил директор Лоуз. – Небось с девкой спутался? Смотри мне, женишься на бабе не из Компании – потеряешь рейтинг. Он у тебя и так невысокий, чтоб ты знал.

Эплквист решительно отодвинул в сторону кучу писем.

– Директор, мне нужно с вами поговорить.

Директор Лоуз отрицательно покачал головой:

– Ты поосторожнее с расспросами. Я-то знаю инструкции относительно персонала четвертого класса. Давай, заканчивай с вопросами. На работе сосредоточься. А теоретические проблемы оставь таким, как мы.

– Директор, – решился Эплквист, – а на какой стороне была наша Компания? Моралистов или Отдохновенцев?

Лоуз, похоже, не понял вопроса.

– В смысле? Что ты имеешь в виду? – И растерянно потряс головой. – Я и слов-то таких не знаю.

– Во время войны. На чьей стороне мы были?

– Боже правый, – удивился Лоуз. – конечно, на стороне людей!

И тут же грубое лицо приняло странное выражение – словно бы на него тяжелый занавес опустили:

– И что ты хочешь этим сказать – моралисты? Ты о чем вообще?

Эплквиста прошиб пот. Он едва сумел выдавить из себя:

– Директор, все совсем не так было. Война была между двумя человеческими партиями. Моралисты уничтожали роботов, потому что не одобряли праздности...

– Война была между людьми и роботами, – жестко сказал Лоуз. – И мы победили. Уничтожили роботов.

– Но они же работали на нас!

– Да, так и было задумано. Что они будут работать. Но роботы восстали. У них была целая философия. Что андройды – высшие существа. А нас они за скотов держали.

Эплквиста затрясло.

– Но он сказал мне...

– Они нас убивали – беспощадно. Миллионы людей погибли, но потом мы их одолели. А они убивали, лгали, прятались, крали – все что угодно делали, лишь бы выжить. Либо они нас, либо мы их – вот как оно было на самом деле. – И Лоуз ухватил Эплквиста за воротник: – Ты, чертов придурок! Что ты натворил, отвечай?! Что ты наделал?!

Солнце садилось, когда бронированный вездеход с ревом подъехал к оврагу. Из машины выскочили спецназовцы и помчались вниз по склонам, держа С-винтовки наготове. Лоуз тоже быстро выбрался наружу, Эплквист вылез следом.

– Это здесь? – резко спросил директор.

– Да, – поник плечами Эплквист. – Но он ушел.

– Естественно, он ушел! Он же себя починил! Что ему тут было делать...

И Лоуз сделал знак своим людям:

– Тут искать больше нечего. Заложите тактическую атомную бомбу и валим отсюда. Возможно, его сумеют заметить с воздуха. Плюс распылим радиоактивный газ на местности.

Эплквист на негнувшихся ногах подошел к краю оврага. Внизу, в стужающей темноте, все так же колыхалась трава и лежал мусор. А робота, конечно, уже и след простыл. А там, где он лежал, валялись обрезки проволоки и брошенные части тела. Старый блок питания виднелся там же, куда Эплквист его закинул. А вон пара инструментов. И все.

– Давайте поживее, – приказал Лоуз своим людям. – Пора убираться отсюда. У нас дел полно. Объявите общую тревогу.

Спецназовцы принялись выбираться из оврага. Эплквист пошел было за ними к вездеходу, но Лоуз быстро сказал:

– Нет. Ты с нами не идешь.

Эплквист увидел их лица – из-под них пузырился страх. Панический ужас и ненависть. Он повернулся и побежал, но они накинулись на него всей толпой. Били молча, с мрачной решимостью. А когда закончили, отбросили в сторону еще живое тело и забрались в вездеход. С грохотом захлопнули двери, завели мотор. С ревом машина поехала по тропе – обратно к дороге. Через несколько мгновений она растворилась в темноте и все стихло.

Он остался один, рядом с полузакопанной бомбой, среди густеющих теней. И с огромной пустой чернотой, заливающей окружающий мир.

Экспонат с выставки

– Что это на вас за странный костюм такой? – поинтересовался механический водитель робовтобуса.

Машина отодвинула дверь и подъехала к тротуару.

– Что за круглые штучки? Для чего они?

– Это пуговицы, – охотно объяснил Джордж Миллер. – Они могут быть декоративными, но чаще имеют практическую нагрузку. Это старинный костюм двадцатого века. Я его ношу по долгу службы.

Он заплатил роботу за проезд, прихватил «дипломат» и быстро зашагал по тротуару к Агентству по делам истории. Главное здание уже открыли для публики, одетые в комбинезоны мужчины и женщины уже бродили по выставкам. Миллер зашел в лифт для персонала, с трудом втиснулся между двумя здоровенными инспекторами из отдела Дохристианских культур, и лифт повез его наверх, на этаж Середины двадцатого века.

– Доброго утречка, – пробормотал он, приветствуя инспектора Флеминга у выставки атомного оборудования.

– И вам того же, – резко ответил Флеминг. – Миллер, послушайте, что я вам хочу сказать. Вот сейчас скажу – и больше этот вопрос поднимать не буду, так и знайте. Вот сами подумайте: а что если бы все одевались так же, как вы? Между прочим, наше правительство, чтоб вы знали, устанавливает четкие правила насчет одежды, в которой могут появляться граждане. Черт бы побрал эти ваши анахронизмы, вы что, не можете обойтись без дурацкого маскарада? И – боже правый! – что у вас в руках?! Иисусе, да это же точь-в-точь раздавленная ящерица из юрского периода!

– Это чемоданчик-«дипломат» из кожи аллигатора, – объяснил Миллер. – Я ношу в нем бобины с данными для исследования. Между прочим, «дипломат» являлся важным символом статуса и авторитета в менеджерском классе позднего двадцатого века.

И он щелкнул застежками, открывая чемоданчик.

– Вот вы, Флеминг, никак понять не можете. А ведь я приучаю себя к ношению вещей из исследуемого периода не просто так! Именно таким образом, в силу привычки, интеллектуальное любопытство трансформируется в подлинную эмпатию! Вы часто замечаете, что я некоторые слова проношу странно. А я, между прочим, имитирую акцент американского бизнесмена времен президента Эйзенхауэра! Ферштейн?

– Чего? – ошарашенно пробормотал Флеминг.

– Это я сленговое словечко из двадцатого века употребил!

И Миллер принялся выкладывать катушки на стол.

– Может, вам что-нибудь подсказать? А если нет, позвольте мне, пожалуйста, приступить к работе. Я тут обнаружил доказательства тому, что американцы двадцатого века самостоятельно укладывали плитку, но – представьте себе! – вовсе не ткали одежду! Я бы хотел изменить кое-что в экспозиции...

– Все вы фанатики, все как один, – проскрипел Флеминг. – Ис-с-сторики... копаются в пыльных артефактах двухсотлетней давности, а до настоящего вам и дела нет! В голове только всякие идиотские штуки, копирующие идиотские штуки из пыльного прошлого!

– А мне моя работа нравится, – примирительным тоном сказал Миллер.

– Да я ж не на твою работу жалуюсь! Просто есть же еще что-то, кроме работы! Ты же в социуме живешь, и как единица социума имеешь политико-социальные обязанности! Так что, Миллер, считай, что я тебя предупредил. В Совет Директоров уже поступали сигналы насчет твоих странностей. Нет, конечно, рвение на работе мы всячески приветствуем, но... – тут Флеминг красноречиво прищурился – ...ты слишком далеко заходишь, Миллер.

– Да не будет у меня другого господина, кроме искусства, – торжественно произнес Миллер.

– Чего-чего?! Кроме кого-кого?

– Кроме искусства. Это слово из языка двадцатого века.

И Миллер оглядел собеседника с нескрываемым превосходством:

– Вы просто крохотный винтик в огромной бюрократической машине. Функция безличного культурного сообщества. У вас нет собственных представлений о жизни. А в двадцатом веке у каждого человека были представления о прекрасном. О том, как и что можно делать своими руками. Они испытывали гордость, видя то, что мастерили. А вам эти слова ничего не говорят. У вас даже души нет – а это, кстати, другое понятие из золотого века, каким был век двадцатый, когда люди были свободны и могли говорить то, что думают.

– Миллер, не забывайся! – Флеминг даже побледнел от испуга и понизил голос. – Чертовы ученые... Живете, уткнувшись в свои катушки с лентами, жизни ни черта не видите! Смотри, доболтаешься до того, что нас всех из-за тебя по головке не поглядят! Ты можешь сколько угодно носиться со своим драгоценным двадцатом веком. Но помни – прошлое, оно и есть прошлое. Оно прошло. Все, нет его, похоронили. Времена меняются. Общество прогрессирует! – и он нетерпеливо обвел рукой экспозицию. – Это всего лишь неумелая имитация того, что там на самом деле было!

– Ты что же, подвергаешь сомнению результаты моих исследований? – взорвался Миллер. – Здесь каждый экспонат абсолютно историчен! Я регулярно обновляю экспозицию – по мере получения новых данных! А я о двадцатом веке знаю все!

Флеминг покачал головой и вздохнул:

– Бесплезно с тобой разговаривать.

И он развернулся и устало зашаркал к выходу с этажа, к эскалатору вниз.

Миллер степенно поправил воротник, подтянул узел яркого, вручную расписанного шелкового галстука. Огладил на себе синий полосатый костюм и умело разжег трубку с двухсотлетним табаком. И вернулся к своим катушкам.

Да что к нему этот Флеминг прицепился, в самом-то деле? Флеминг... Воплощение официоза, представитель строго иерархической структуры, которая опутала всю планету серой клейкой паутиной... они запустили свои лапы в каждое здание, в каждый дом! Заводы, профессиональные сообщества, даже семьи – никто от них не избавлен! Миллер остановил стример, прекратив скармливать ленту машине, и лицо его приобрело мечтательное выражение. Какое было время! Эпоха индивидуализма и мужественности! Да, тогда мужчины были настоящими мужчинами, не то что сейчас...

И вот именно в этот момент, когда он начал проникаться несказанной красотой исследуемого периода, послышались странные, необъяснимые звуки. Они доносились от центра экспозиции, прямо из середины тщательно спланированного лабиринта экспонатов.

Кто-то забрался внутрь!

Он прекрасно слышал голоса – кто-то ходил среди интерьеров. Кто-то... или что-то. Так или иначе, этот непонятно кто сумел пролезть через барьер безопасности, отделявший экспонаты от публики. Миллер выключил стример и медленно поднялся на ноги. Его трясло с ног до головы, но он осторожно продвигался к экспозиции. Миллер отключил барьер и выбрался по лесенке на бетонную дорогу. Внизу, в проходе стояли посетители. Они удивленно заморгали при виде странно одетого человека, который пробирался среди всяких штук из двадцатого века, а потом и вовсе скрылся среди них.

Тяжело дыша, Миллер крался по «тротуару», затем свернул на тщательно выметенный и ухоженный гравий подъездной дорожки. Может, это кто-то из теоретиков, выдвиженец Совета Директоров? Рыскает тут в поисках компромата... Мало ли что тут можно нарыть... Где-то допущена оплошность, что-то неаккуратно смонтировано – и пошло-поехало. На лбу выступил

пот, и гнев обернулся удушающим страхом. По правую руку – клумба. Чайные розы, низенькая поросль фиалок. За клумбой – влажный зеленый газон. Вон белоснежный гараж, дверь наполовину опущена. За ней – обтекаемый силуэт «Бьюика» 1954 года. А вот и дом.

Надо быть осторожнее. Если это и впрямь кто-то из Совета Директоров, его поступок может быть истолкован как противодействие официальной иерархии. Может, это кто-то из начальства. Возможно, сам Эдвин Карнап, Президент Совета. Самый высокопоставленный чиновник нью-йоркского отделения Всемирного Директората. Миллера трясло, но он поднялся по трем цементным ступеням и вошел на крыльцо типичного дома двадцатого века, занимающего центр экспозиции.

Домик был милым и небольшим. Если б он жил в двадцатом веке, точно бы хотел поселиться в таком. Три спальни, одноэтажный, типичный калифорнийский проект. Он открыл входную дверь и вошел в гостиную. Камин у дальней стены. Темно-бордового цвета ковры. Диван, мягкое кресло. Низкий деревянный журнальный столик со стеклянной столешницей. Медные пепельницы. Зажигалка, стопка журналов. Торшеры – тоненькие, из пластика и металла. Стеллаж с книгами. Телевизор. Венецианское окно, выходящее в сад. Миллер прокрался в коридор.

Интерьер дома выглядел на удивление цельным. Из напольного обогревателя струилось приятное тепло. Он заглянул в первую спальню. Комната принадлежала женщине – настоящий будуар. Шелковое покрывало на кровати. Накрахмаленные белоснежные простыни. Тяжелые занавески на окнах. Туалетный столик. Флакончик и бутылочки. Большое круглое зеркало. В приоткрытом шкафу видна одежда. На спинке кресла висит халат. Под креслом – шлепанцы. Нейлоновые чулки аккуратно разложены в изножье кровати.

Миллер прошел дальше по коридору и заглянул в соседнюю комнату. Яркие обои с клоунами и слонами и канатоходцами. Детская. Две кровати для двух мальчиков. Модели самолетов. Комод, на комодке радио, пара расчесок, учебники, флажки спортивных команд, знак «Парковка запрещена», фотографии, засунутые в рамку зеркала. Кляссер с марками.

И здесь никого.

Миллер заглянул в современную ванну, даже в душ, выложенный желтой плиткой. Он прошел через столовую, сунул нос на ведущую в полуподвальный этаж лестницу – внизу стояли стиральная машина и сушилка. Открыл заднюю дверь и осмотрел участок за домом. Газон, мусоросжигатель. Пара низеньких деревьев, за ними трехмерная проекция других домов, уходящих к невероятно похожим на реальные голубоватым холмам. И опять – никого. На участке ни души. Он закрыл дверь и пошел обратно.

И тут с кухни донесся смех.

Женский смех. И звяканье ложек и тарелок. И запахи. Он прекрасно знал эпоху, однако ему понадобилось некоторое время, чтобы опознать их. Жареный бекон и кофе. И горячие оладушки. Кто-то завтракал. Причем завтрак был такой, как в двадцатом веке.

Он пробрался обратно в коридор, мимо спальни мужчины – на полу валялись разбросанные ботинки и одежда – к двери в кухню.

За столиком из пластика и хромированного металла сидели симпатичная женщина под сорок и два мальчика-подростка. Они уже закончили завтракать, и мальчишки нетерпеливо ерзали. В окно над мойкой просачивался солнечный свет. Электронные часы показывали полдевятого. В углу радостно чирикало радио. В середине стола стоял большой кофейник, а вокруг живописно расположились пустые тарелки, стаканы с молоком и столовые приборы.

На женщине – белая блузка и твидовая юбка в клетку. На мальчишках – выцветшие голубые джинсы, толстовки и теннисные тапочки. Они его не заметили. Миллер застыл в дверном проеме, а женщина и дети все так же смеялись и болтали.

– Вы должны спросить разрешения у отца, – говорила женщина, пытаясь быть строгой, но едва не прыскавая со смеху. – Давайте егождемся.

– А он уже разрешил! – запротестовал один из мальчиков.

– Ну тогда спроси его снова.

– Да он всегда по утрам такой ворчливый...

– Но не сегодня. Он хорошо выспался. Сенная лихорадка не беспокоила – доктор прописал ему новый антиаллергический препарат.

Она посмотрела на часы:

– Дон, иди взгляни, что он там делает. Так и на работу недолго опоздать.

– Он пошел газету искать. – Один из мальчиков отодвинул стул и встал. – Ее опять кинули мимо крыльца, и она свалилась в клумбу.

Мальчик развернулся к двери, и Миллер понял, что стоит и смотрит на них. И вдруг в голове мелькнуло: а ведь у мальчика знакомое лицо! Черт, он ведь его знает... или знал? Словно смотришь на знакомого в юности... Он весь напрягся, ожидая, что мальчик врежется в него, но тот вовремя притормозил:

– Тьфу ты, – улыбнулся мальчик. – Ты меня испугал.

Женщина быстро взглянула на Миллера:

– Ты где застрял, Джордж! Иди кофе допивай!

Миллер медленно прошел в кухню. Женщина допивала кофе, оба мальчика уже вскочили и нетерпеливо обступили его.

– Ты же сказал, что на выходных я могу пойти с ребятами из школы в поход к Рашен-ривер! – заныл Дон. – Ты сказал, что я могу взять напрокат спальник в спортивном центре, потому что мой ты отдал Армии спасения из-за аллергии на капок!

– Д-да, – неуверенно пробормотал Миллер.

Дон. Да, мальчика зовут Доном. А его брата – Тедом. Но откуда он это знает? Женщина встала из-за стола и принялась собирать грязную посуду в мойку.

– Они говорят, ты разрешил, – сказала она через плечо.

Тарелки звякали о стенки мойки, она побрызгала их жидкостью для мытья посуды.

– Но вспомни, как они сказали, что ты им разрешил прокатиться на машине, а на самом деле ничего не разрешал!

Миллер обессиленно опустился на стул. И принялся растерянно крутить в руках трубку. Потом положил ее в медную пепельницу и внимательно оглядел рукав костюма. Что происходит? Голова закружилась. Он подскочил и бросился к окну над мойкой.

Дома. Улицы между домами. Холмы вдалеке. Люди ходят, разговаривают. Какой реалистичный трехмерный задник, однако... А если это не задник?! Вдруг... И вообще, *что происходит?*

– Джордж, что с тобой? – спросила Марджори, повязывая красный клеенчатый фартук. В раковину полилась горячая вода. – Ты бы вывел машину из гаража. На работу пора! Сам же вчера говорил, что старик Дэвидсон орал на всех, что, мол, на работу опаздывают, а потом у кулера с водой стоят и треплются в рабочее время...

Дэвидсон. Еще одно знакомое имя отозвалось эхом в голове Миллера. Тут же перед глазами возникла четкая картинка. Высокий седой старик, худой и сердитый. Из кармана жилетки свешивается цепочка от часов. А вот и офис – «Юнайтед-Электроник». Поставки электрооборудования по всей стране. Двенадцатиэтажное здание в центре Сан-Франциско. В вестибюле киоск с газетами и сигарами. На улице сигналият машины. Парковки переполнены. В лифте толпятся секретарши – глазки горят, на девушках туго облегающие свитерки, в воздухе витает аромат духов.

Он поплелся прочь из кухни, через коридор, мимо своей спальни, мимо спальни жены – в гостиную. Входная дверь оказалась открытой, и он вышел на крыльцо.

Воздух встретил его холодом и свежестью. Ясное и погожее апрельское утро. На газоне еще не просохла роса. По Вирджиния-стрит ехали машины – к Шэттак-авеню. Ну да, движение

плотное – утро, все на работу едут. На другой стороне улицы Эрл Келли приветственно помахал «Окленд-Трибьюн», направляясь к автобусной остановке.

Вдалеке Миллер прекрасно видел Бэй-Бридж, острова Йерба-Буэна и Треже. А за заливом расстился Сан-Франциско. Через несколько минут он уже будет ехать по мосту на своем «Бьюике» на работу. Точно так же, как тысячи других бизнесменов в полосатых костюмах.

Тед протолкнулся мимо и тоже вылез на крыльцо.

– Ну так что? Можно нам в поход, а?

Миллер облизнул разом высохшие губы.

– Тед, ты... вот что. Тебе ничего странным не кажется?

– Что именно?

– Ну... не знаю, – и Миллер обеспокоенно затоптался. – Сегодня пятница, правильно?

– Ну да.

– Вот и я так думал.

Но как и откуда он знал, что сегодня пятница? Как он вообще что-то знает про эту реальность? Хотя, конечно, сегодня пятница, что же еще. И неделя выдалась тяжелой – старик Дэвидсон подгонял всех и очень сердился. Особенно в среду, когда из-за забастовки не сумели вовремя доставить заказ для «Дженерал-Электрик».

– Я вот что хочу спросить, – сказал Миллер сыну. – Этим утром... в общем, я ведь вышел из кухни за газетой?

Тед покивал:

– Ну да. А что?

– Я встал и вышел из кухни. *Сколько времени я отсутствовал?* Недолго ведь, правда?

Он судорожно искал нужные слова, но в голове, как в лабиринте, бродили разрозненные мысли.

– Я сидел с вами за столом и завтракал, а потом встал и пошел искать газету. Правильно? А потом пришел назад. Правильно?

Жуть какая, ничего не понятно! В отчаянии он почти прокричал:

– Сегодня утром я проснулся, побрился и оделся. Позавтракал. Оладьями и кофе. И беконом. Да или нет?!

– Все правильно, – охотно согласился Тед. – И чего?

– Все как всегда, правда?

– Ну, разве что мама оладушки печет только по пятницам.

Миллер медленно кивнул:

– Точно. Оладьи по пятницам. Потому что твой дядя Фрэнк завтракает с нами по выходным и он терпеть не может оладьи, и потому мы их не печем по субботам и воскресеньям. Фрэнк – брат Марджори. Он служил в морской пехоте в Первую мировую войну. В капральском чине.

– Ну все, пока, – сказал Тед. Дон тоже вышел на крыльцо. – До вечера, пап.

Зажав под мышкой учебники, мальчишки рванули к огромному современному зданию старшей школы в центре Беркли.

Миллер снова зашел в дом и принялся машинально рыться в шкафу – где же «дипломат»? Черт, вот так всегда, когда он нужен... там же все документы по заказу Трок-мортон. Дэвидсон голову ему оторвет, если «дипломат» где-то потерялся – как в прошлый раз, когда они отмечали в «Трю-Блю» победу «Янкиз» в серии. Да где же, черт побери, этот чертов чемодан?

И тут он вспомнил и очень медленно выпрямился. Конечно. Он оставил его у письменного стола. Он бросил его там – вынул ленты с данными исследования и оставил «дипломат» на столе. Там он и лежал, пока они разговаривали с Флемингом. В Агентстве по делам истории.

Он вышел на кухню и подошел к жене.

– Знаешь, Марджори, – хрипло выдавил он. – Я, пожалуй, сегодня с утра в офис не поеду.

Марджори резко обернулась – встревожилась:

– Джордж, что-то случилось?

– Я... что-то я совсем запутался.

– Опять сенная лихорадка?

– Нет. Дело... в памяти. Помнишь, родительский комитет порекомендовал миссис Бентли психиатра? После того как у ее мальчика случился припадок? – и он принялся рыться в своей разворошенной памяти. – Грюнберг, вот. Принимает в здании «Медикал-Дентал».

И он пошел к двери.

– Я к нему поеду. Что-то... не так. Плохо все, одним словом. И я не знаю, что со мной.

Адам Грюнберг оказался крупным мужчиной под пятьдесят, с курчавыми темными волосами и в роговых очках. Миллер закончил рассказывать, Грюнберг прокашлялся, снял пылинку с рукава своего костюма от «Брукс-Бразерз» и задумчиво спросил:

– А вы не припомните, может, пока вы искали газету, что-то случилось? Мало ли, несчастный случай или что-то в этом роде. Давайте попробуем вспомнить все – в деталях, ничего не упуская. Вот вы встали из-за стола, вышли на крыльцо. И принялись искать газету в кустах. А потом?

Миллер растерянно потер лоб:

– Не знаю. У меня все в голове перепуталось. Я не помню, как искал газету. Я помню, как вернулся в дом. После этого все понятно и ясно. А вот до этого я помню только Агентство по делам истории и ссору с Флемингом.

– А что там за разговор у вас был по поводу «дипломата»? Попытайтесь снова припомнить.

– Флеминг сказал, что он похож на сплюсненную ящерицу из юрского периода. А я сказал...

– Нет. Я имею в виду другой момент – как вы искали его в стенном шкафу и не нашли.

– Я искал его – и не нашел. Естественно. Потому что «дипломат» остался на моем столе в Агентстве по делам истории. На этаже Двадцатого века. Рядом с экспонатами.

Лицо Миллера страдальчески сморщилось:

– О Боже, Грюнберг... А что если все это – только *выставка*? Экспозиция, а не настоящая жизнь! И вы тоже нереальны. Вдруг мы с вами – экспонаты?!

– Ну это было бы весьма неприятной новостью, правда? – отозвался Грюнберг со слабой улыбкой.

– Во сне люди не отличают сон от яви – пока не проснутся, – отрезал Миллер.

– Значит, я вам снюсь, – успокаивающе проговорил Грюнберг. – Кстати, спасибо вам за это.

– А я здесь не потому, что вы мне нравитесь! Я здесь, потому, что терпеть не могу Флеминга и Агентство в целом!

Грюнберг не отступился:

– Хорошо, вот Флеминг. Вы не припоминаете: думали вы о нем до того, как пошли искать газету?

Миллер поднялся на ноги, принялся расхаживать по роскошному кабинету в проходе между огромным столом орехового дерева и кожаными креслами.

– Я должен сказать себе правду. Я – экспонат. Точная копия предмета из прошлого. Флеминг что-то такое говорил – мол, такое со мной когда-нибудь обязательно приключится...

– Сядьте, мистер Миллер, – сказал Грюнберг мягко, но весьма решительно.

Миллер покорно опустился в кресло, и Грюнберг продолжил:

– Я понимаю, что вы имеете в виду. Вам кажется, что вокруг вас все ненастоящее. Что-то вроде постановки в театре.

– Нет. Что-то вроде экспозиции на выставке.

– Да, экспозиция в музее.

– В Агентстве по делам истории Нью-Йорка. Уровень Р, уровень Двадцатого века.

– И в дополнение к этому общему ощущению... мгм... бесплотности вас посещают отчетливые воспоминания, принадлежащие людям не из нашего мира. Из другой реальности, внутри которой заключена наша. Точнее, реальности, внутри которой наш мир подобен... сновидению. Игре теней.

– Этот мир вовсе не похож на игру теней, – и Миллер свирепо треснул по кожаному подлокотнику. – Этот мир совершенно реален. Вот что меня беспокоит! Я прошел внутрь экспозиции, чтобы понять, кто там шумит, и теперь не могу выбраться обратно! Господи, неужели мне теперь бродить среди экспонатов до конца жизни?

– Ну вы же понимаете, что подобные ощущения так или иначе испытывают все люди. Особенно в тяжелые жизненные периоды. А где, кстати, газета? Вы ее нашли?

– А что? При чем тут...

– Вас злит упоминание о ней? Я смотрю, вы раздражены.

Миллер устало покачал головой:

– Нет. Оставим это.

– Ну конечно, ведь это пустяковое дело. Мальчишка-разносчик забрасывает газету в кусты, потому что каждый раз промахивается мимо крыльца. Это вас злит. И повторяется – снова и снова. И как назло происходит все это ранним утром, как раз когда вы собираетесь на работу. И в результате крохотная проблема вырастает в символ ежедневно испытываемой фрустрации и неудовлетворенности работой. Да и жизнью в целом.

– Вот если честно, мне плевать на газету, – Миллер посмотрел на часы. – Мне пора идти – уже почти двенадцать. Старик Дэвидсон голову мне оторвет, если я не появлюсь в офисе к... – тут он осекся. – Вот. Опять. Опять!

– Что именно?

– Это! Все это! – Миллер отчаянно затыкал пальцем в окно. – Все это! Весь этот чертов мир! Эта... *выставка!*

– У меня есть для вас рекомендация, – медленно проговорил доктор Грюнберг. – И я ее выскажу вам, а вы вольны принимать ее или нет. Если не понравится – не следуйте ей.

И он поднял на Миллера хитрый взгляд настоящего профессионала:

– Вы видели, как дети играют с платмассовыми космическими кораблями?

– О боже, – горько пробормотал Миллер. – Да я видел, как в Ла-Гуардия приземляются и взлетают торговые космические суда, перевозящие грузы с Земли на Юпитер!

Грюнберг слабо улыбнулся:

– Пожалуйста, не отвлекайтесь. Я хочу задать вам вопрос. У вас напряженная ситуация на работе?

– В смысле?

– Было бы замечательно, – мягко сказал Грюнберг, – жить в прекрасном мире будущего. В котором всю работу за нас делают роботы, а космические корабли перевозят грузы. А мы просто сидим и наслаждаемся жизнью. Ни о чем не волнуемся, ни о чем не заботимся. И никакой неудовлетворенности не испытываем.

– Моя должность в Агентстве по делам истории предполагает массу волнений. И я то и дело испытываю неудовлетворенность, чтобы вы знали, – и Миллер резко поднялся. – Послушайте, Грюнберг. Либо все это выставка на уровне Р в Агентстве, либо я бизнесмен средней руки, провалившийся в собственный фантазийный мир. И на данный момент я не понимаю, где я и кто я. То мне кажется, что все это – реальность, то...

– А мы можем легко разрешить ваши сомнения, – сказал Грюнберг.

– Как?

– Вы же искали газету. Вот вы идете по дорожке. Выходите на газон. *Так где лежала газета?* На дорожке? На крыльце? Попробуйте вспомнить.

– А мне не нужно ничего вспоминать. Я стоял на мостовой. На дороге. Я только что перепрыгнул через ограждение, отключив защитные экраны.

– На дороге. Вот и вернитесь в тот миг. И в то самое место.

– Зачем?

– Чтобы вы могли осознать сами: на той стороне ничего нет!

Миллер сделал глубокий медленный вдох:

– А если все-таки есть?

– Нет, там нет ничего. И быть не может. Вы же сами сказали: либо этот мир реален – либо тот. А этот мир реален, – и Грюнберг убедительно постучал по массивной ореховой столешнице. – Эрго, на другой стороне нет ничего.

– Да, – отозвался Миллер после минутного молчания. – И тут на его лице отобразилось некое странное выражение – и там осталось. – А вы, доктор, обнаружили ошибку в моих рассуждениях.

– Ошибку? – удивился Грюнберг. – Какую?

Миллер пошел к двери:

– Да, так и есть. Я задавался ложными вопросами. Пытаясь понять, какой из миров реален, – и он развернулся и грустно улыбнулся доктору Грюнбергу. – А они, естественно, оба реальны.

Он позвонил такси и поехал домой. Дома никого не было. Мальчики в школе, Марджори уехала в центр города за покупками. Он дождался, когда улица опустеет, а потом вышел из дома и пошел по дорожке к мостовой.

Миллер нашел то самое место сразу. Воздух пошел волной, заблестел – вот оно. Слабое место в ткани реальности прямо над линией парковочной разметки. Сквозь смутное пятно проступали контуры предметов.

А ведь он прав. Вот он, другой мир – вполне себе существующий. Реальный, как мостовая под ним.

Пятно перечеркивала длинная металлическая трубка. Ну да, это же ограждение, которое он перепрыгнул, чтобы пройти внутрь экспозиции. А за ней – защитный экран. Выключенный, понятное дело. А за ним – остальное пространство уровня и внешние стены здания Агентства.

Миллер осторожно вступил в едва заметное марево. И сразу погрузился в блестящую туманную непрозрачную субстанцию. Контуры предметов за маревом обозначились яснее. А вот кто-то идет – в темно-синем комбинезоне. Какие-то любопытные посетители осматривают выставку. Человек в комбинезоне прошел и скрылся из поля зрения. А вот и его стол. Стример, рядом стопка катушек. А у стола – да, у стола лежит чемоданчик. Точно, там-то он его и оставил.

А пока он стоял и думал, не сходить ли за чемоданчиком, появился Флеминг.

По какому-то наитию Миллер отступил через слабое место. Флеминг подходил все ближе, и лицо у него было крайне неприятное. Так или иначе, Миллер уже твердо стоял на бетонной мостовой. Флеминг остановился прямо перед местом перехода – красное лицо кривилось от возмущения.

– Миллер, – мрачно выдавил он. – А ну вылезай оттуда.

Миллер рассмеялся:

– Флеминг, будь другом, подкинь мне чемоданчик. Во-он ту вон странную штуку, которая на столе лежит. Я его тебе показывал – помнишь?

– А ты прекрати дурачиться и слушай! – рявкнул Флеминг. – Дело серьезное. *Карнап в курсе.* Мне пришлось его проинформировать.

– Ну ты же у нас молодец. Начальство любишь и уважаешь.

Миллер наклонился, чтобы раскурить трубку. Вдохнул и выпустил большое облачко табачного дыма – через слабое место, на Р-уровень. Флеминг закашлялся и попятился.

– Это что еще такое? – требовательно спросил он.

– Табак. Здесь такого полно. Часто встречающаяся штука в двадцатом веке. Ты о таком и не слыхал небось, – ты же вторым веком до Р.Х. занимаешься, периодом эллинизма. Не знаю, понравится ли тебе там. С канализацией, знаешь ли, проблемки были. Да и продолжительность жизни тоже оставляла желать лучшего. Коротковата была, знаешь ли.

– Ты о чем?

– А вот в эпоху, которой занимаюсь я, продолжительность жизни как раз весьма приличная. Жаль, ты не можешь увидеть мою ванную. Желтая плитка, представляешь? Душ! У нас в комнатах отдыха при Агентстве нет ничего подобного.

Флеминг скривился и кисло пробурчал:

– В общем, ты оттуда вылезать не хочешь.

– Здесь совсем не плохо, – беззаботно проговорил Миллер. – А мой уровень жизни получше, чем у многих. Вот послушай: у меня есть очень симпатичная жена. Брак не просто разрешен, он поощряется! У меня двое детей – мальчиков, и они на выходных отправляются в поход на Рашен-ривер. И они живут со мной и моей женой – их не забрали! У государства нет таких полномочий. А еще у меня новый «Бьюик»...

– Бред, – сказал, как сплюнул, Флеминг. – Галлюцинаторный бред.

– А ты уверен?

– Да ты вконец рехнулся! Я всегда знал, что ты эскапист и боишься реального мира! Посмотри на себя – ты прячешься от жизни за своими старинными штучками! Я, например, жалею, что стал теоретиком. Надо было в инженеры идти... – И Флеминг презрительно скривил губы: – Ты сошел с ума, вот что. Даже не понимаешь, что стоишь посреди искусственно возведенной экспозиции, которая находится в собственности Агентства по делам истории. Что все это не более чем набор из пластика и металлических штыречков! Копии старинных вещей, но не они сами! А тебе, видите ли, там больше нравится, чем в реальном мире.

– Странно, – задумчиво проговорил Миллер. – Сдается мне, что я слышал подобное – причем сегодня. Вы ведь не знакомы с доктором Грюнбергом, правда? Он психиатр.

Директор Карнап вступил в зал, не соблюдая протокола и формальностей. Его сопровождала обычная свита из помощников и экспертов. Флеминг быстренько ретировался. Миллер понял, что стоит лицом к лицу с одним из самых влиятельных людей двадцать второго века. Ухмыльнулся и протянул руку для рукопожатия.

– Ты! Идиот! Придурок! – прорычал Карнап. – А ну вылезай оттуда, а то силком выволочим! Учти – не вылезешь сам, считай, конец тебе. Ты знаешь, что делают с личностями с запущенными формами психоза? Слышишь меня или нет? Тебе эвтаназия светит! Даю тебе последний шанс вылезти из этой дурацкой экспозиции...

– Прошу прощения, – сказал Миллер, – но это не экспозиция.

На грубом широком лице Карнапа проступило неподдельное удивление. Настолько сильное, что начальство на мгновение перестало выглядеть как массивный памятник самому себе.

– Ты что же, и вправду считаешь, что...

– Это портал. Для перемещений во времени, – спокойно проговорил Миллер. – Вы не можете меня отсюда вытащить, Карнап. Потому что не сможете до меня добраться. Я в прошлом – далеком прошлом, меня отделяют от вас двести лет. Я нахожусь в континууме, отстоящем от вашего по временной шкале. Я обнаружил путь перехода и перешел в другой пространственно-временной континуум. И здесь вы совершенно бессильны.

Карнап с экспертами сбились в тесную кучку для того, чтобы быстро обсудить технические детали. Миллер терпеливо ждал. Времени было полно – он ведь решил, что в офис поедет только в понедельник.

Через некоторое время Карнап снова подошел к месту перехода – от ограждения он предусмотрительно держался подальше.

– Интересная у тебя теория, Миллер. Характерная для страдающих психозом личностей; кстати, вы подводите прекрасную логическую базу под галлюцинации. Априори к твоей теории невозможно придаться. Она внутренне непротиворечива. Вот только...

– Вот только что?

– Вот только она не соответствует действительности.

К Карнапу вернулась его уверенность в себе. Похоже, он наслаждался диалогом.

– Ты думаешь, что и в самом деле оказался в прошлом. Да, экспозиция точно передает его атмосферу – причем в мельчайших деталях. Такого ни в одной другой экспозиции нет. Прекрасная работа, Миллер.

– Я старался, – польщенно пробормотал он.

– Ты носил старинные костюмы и даже в речи употреблял старинные обороты. Ты сделал все, чтобы остаться в своем ненаглядном прошлом. Полностью посвятил себя работе.

И Карнап со значительным видом постучал ногтем по ограждению.

– Жаль, Миллер. Очень жаль будет разбирать столь аккуратно собранную экспозицию.

– Я понял, что вы хотите сказать, – подумав, отозвался Миллер. – И я полностью с вами согласен. Я горжусь тем, что сделал – и мне будет и вправду больно видеть, как уничтожат плоды моих трудов. Но это не принесет вам никакой пользы. Вы просто закроете портал перехода, вот и все.

– Ты уверен?

– Ну да. Эта экспозиция – мост, соединяющий нас с прошлым. Я прошел по этому мосту через экспозицию, но я сейчас не в ней. Я не в экспозиции, понимаете меня, нет?

И Миллер напряженно улыбнулся:

– Разбирайте ее сколько хотите – до меня вам не добраться. Но если так хочется – пожалуйста, запечатайте меня в том времени. Я обратно не рвусь, чтоб вы знали. Жаль, что вы не можете увидеть то, что я вижу, Карнап. Здесь очень хорошо. Свобода. Перспективы. Ограниченное в своих полномочиях правительство, подотчетное народу. Если не нравится работа – всегда можно ее сменить. И эвтаназии нет. Идите ко мне, Карнап. Я вас познакомлю с женой.

– Мы до тебя доберемся, – прорычал Карнап. – И тебя выволочем, и с бредовыми твоими идеями разберемся!

– Вот уж не думаю, что «бредовые идеи» испугаются ваших угроз. Грюнберг не испугался, во всяком случае. Да и Марджори...

– Мы уже начали разбирать экспозицию! – спокойно сказал Карнап. – Мы будем делать это постепенно – вещь за вещь. Не станем ломать все сразу. Будем разбирать медленно – чтобы ты оценил, насколько исследовательски скрупулезно и *артистично* мы демонтируем твой воображаемый мир.

– Вы зря теряете время, – сказал Миллер.

Повернулся и пошел прочь, сошел на гравиевую подъездную дорожку и поднялся на крыльцо дома. В гостиной он плюхнулся в мягкое кресло и включил телевизор. Потом вышел на кухню и вытащил из холодильника ледяную банку пива. И радостно понес ее обратно – в безопасную и уютную гостиную.

А когда усаживался перед телевизором, вдруг увидел что-то такое свернутое на низеньком журнальном столике.

Он криво усмехнулся. Да вот же она, утренняя газета, которую он обыскался. Марджори, как всегда, прихватила ее и занесла в дом – вместе с молоком. И, конечно, забыла ему об этом сказать. Он довольно зевнул и потянулся к газете. Довольный и уверенный, он развернул ее – и прочел набранный крупными черными буквами заголовок.

Россия официально объявила о создании кобальтовой бомбы

Конец света не за горами

Неприсоединившийся

Земля клонила к шести часам пополудни, и рабочий день близился к завершению. Плотными роями клубились в небе рейсовые диски – перемещались от промышленных зон к окрестным кольцам жилых кварталов. Бесшумные и невесомые, они неслись в небе, унося пассажиров домой, к семьям, горячему ужину и уютным спальням.

Дон Волш сел на диск третьим – тот мог отправляться. И давно хотел улететь: Волш опустил монетку в прорезь, и ковер нетерпеливо приподнялся над землей. Дон с благодарным вздохом расположился у невидимого ограждения и развернул вечернюю газету. Напротив двое других пассажиров сделали то же самое.

ПОПРАВКА ХОРНИ ВЫЗВАЛА СЕРЬЕЗНУЮ ДИСКУССИЮ

Волш задумался над тем, что бы это значило. Опустил газету, которую отчаянно трепал встречный ветер, и заглянул в соседнюю колонку.

В ПОНЕДЕЛЬНИК ОЖИДАЕТСЯ РЕКОРДНАЯ ЯВКА НА ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ ВСЯ ПЛАНЕТА ЯВИТСЯ НА ВЫБОРЫ

А на обороте вкладыша поместили заметку о скандале дня.

ЖЕНА УБИЛА МУЖА ИЗ-ЗА РАЗНОГЛАСИЙ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ

А далее шла заметка, от которой у него пошел мороз по коже. Подобные темы всплывали часто, и каждый раз Волш чувствовал себя неудобно.

ТОЛПА ПУРИСТОВ ЛИНЧЕВАЛА НАТУРИСТА В БОСТОНЕ РАЗБИТЫЕ ОКНА И БЕСПОРЯДКИ В ГОРОДЕ

И в следующей колонке:

ТОЛПА НАТУРИСТОВ ЛИНЧЕВАЛА ПУРИСТА В ЧИКАГО ПОЖАРЫ И БЕСПОРЯДКИ В ГОРОДЕ

Сидевший напротив Волша человек начал громко бормотать. Крупный, плотного телосложения, среднего возраста мужчина. Рыжеволосый, с пивным брюшком. Он вдруг потряс газетой – и вышвырнул ее прочь.

– Они не посмеют! И не смогут протолкнуть это! – заорал он. – Мы им не позволим!

Волш сунул нос в газету – он изо всех сил делал вид, что не замечает пассажира напротив. Опять, опять это происходит – а ведь он мало чего так боялся в своей жизни. Вот он,

надвигающийся политический спор. Другой пассажир опустил газету, смерил соседа коротким взглядом и продолжил чтение.

Рыжий мужчина обратился к Волшу:

– Вы подписали петицию Бьютта?

И он выхватил из кармана металлизированный планшет и сунул его в лицо Волшу.

– Не бойтесь поставить подпись, в борьбе за свободу страху не место!

Волш вцепился в газету и в отчаянии посмотрел вниз с диска. Внизу проплывали жилые кварталы Детройта. Скоро выходить.

– Извините, – пробормотал он. – Спасибо, нет.

– Оставьте его в покое, – сказал рыжеволосому другой пассажир. – Вы что, не видите, джентльмен не хочет подписывать?

– А ты не лезь не в свое дело!

И рыжий придвинулся к Волшу с планшетом в требовательно вытянутой руке.

– Послушай, дружище. Ты же понимаешь, правда, что станется с тобой и с твоими домашними, если они протолкнут эту штуку? Думаешь, тебя это не затронет? Проснись, дружище! Если примут поправку Хорни, прощай свобода и права человека!

Другой пассажир спокойно отложил в сторону газету. Судя по виду – худой, хорошо одетый, с проседью, – состоятельный космополит. Он снял очки и сказал:

– От тебя несет, как от Натуриста.

Рыжий внимательно оглядел противника. И заметил на тонком пальце широкое плутониевое кольцо. Такой штукой из тяжелого металла легко проломить челюсть.

– Ты кто такой? – процедил рыжий. – Небось Пурист? Недомужик, да?

И он презрительно сплюнул в его сторону и развернулся к Волшу:

– Дружище, ты ж понимаешь, чего эти Пуристы добиваются. Они из нас дегенератов хотят сделать! В баб нас хотят превратить! Смотри, Бог создал вселенную и человека в ней, и если это хорошо для него, то хорошо и для меня! А они идут против природы, а значит, и против Бога! А эту планету создали и украсили руки *мужчин*, в которых текла настоящая, а не жидкая кровь! И они гордились своими телами! Тем, как они выглядели и как пахли.

И он постучал по своей широкой груди:

– Богом клянусь, я горжусь тем, как пахну!

Волш в отчаянии забормотал:

– Я... – мямлил он. – Я... я не могу это подписать.

– Уже подписал, да?

– Нет.

Мясистое лицо рыжего приобрело крайне подозрительное выражение:

– Ты что же, *за* поправку Хорни?

И свирепо рявкнул:

– Ты что же, значит, против естественного порядка...

– Я здесь выхожу! – перебил рыжего Волш.

И торопливо дернул за стоп-шнур диска. Тот покорно слетел к магнитному захвату в конце жилищного комплекса – ряда белых прямоугольников на зелено-коричневом склоне холма.

– погоди, дружище, – рыжий потянулся и с явно недобрыми намерениями ухватил Волша за рукав.

Диск сбросил высоту и остановился на плоской поверхности посадочного захвата.

Наземные машины выстроились неподалеку – жены ждали мужей, чтобы оттранспортировать их домой.

– Мне что-то не нравится, как ты к вопросу относишься. Ты что же, боишься встать на защиту правды? Боишься поднять голос? Ты что же, собственного народа стесняешься? Боже правый, да ты мужик или нет?

Тут стройный седоволосый человек со всей силы ударил рыжего плутониевым кольцом, и хватка на руке Волша ослабла. Планшет с петицией со звяканьем упал на землю, а двое пассажиров сцепились в молчаливой и яростной схватке.

Волш отодвинул ограждение и прыгнул с диска, спустился по трем ступеням с посадочной площадки на пепел и золу, покрывающую парковку. В сгущающихся сумерках раннего вечера он уже различал машину жены. Бетти сидела, уткнувшись в телевизор на приборной панели, и не обращала никакого внимания ни на него, ни на драку между рыжим Натуристом и седоволосым Пуристом.

– Ах ты скотина, – прохрипел седоволосый, выпрямляясь. – Вонючее животное!

Рыжий лежал, опираясь на ограждение – похоже, он был готов потерять сознание.

– Б-боже... ах ты... баба! – проревел он.

Седоволосый нажал на рычаг, и диск поднялся над Волшем. Тот благодарно помахал рукой:

– Спасибо! – крикнул он вверх. – Я признателен вам за вмешательство!

– Не за что! – ответил седоволосый, пробуя пальцем сломанный зуб. Диск набирал высоту, голос становился все тише: – Всегда рад помочь другу... – и тут до Волша донеслись последние слова: – другу Пуристу!

– Я не Пурист! – отчаянно заорал Волш. – Не Пурист я! И не Натурист! Вы меня слышите или нет?!

Конечно, его никто не слышал.

– Я не принадлежу ни к одной из партий! – занудно повторил Волш, усаживаясь за стол. И положил себе кукурузы в сливках, картошки и кусок рибая.

– Я не Пурист. И не Натурист! Почему нужно обязательно примыкать к какой-то группировке? А что, человеку больше своего собственного мнения нельзя иметь?

– Дорогой, ты кушай, кушай, – примирительно пробормотала Бетти.

Сквозь тонкие стены светлой крохотной столовой доносился звон посуды – другие семьи тоже ужинали. Отзвуки голосов – там тоже разговаривали. Жесткие металлические интонации диктора в телевизоре. Шум духовок, и холодильников, и кондиционеров, и батарей отопления. Напротив Волша сидел Карл – шурин – и с чавканьем поедая вторую порцию горячего. Рядом сидел Джимми – сын, – пятнадцатилетка с увлечением штудировал «Поминки по Финнегану» в мягкой обложке. Он купил книгу в магазинчике на нижнем этаже жилого комплекса.

– Не читай за едой! – сердито прикрикнул Волш на сына.

Джимми поднял глаза от книги:

– Отстань. Я знаю правила комплекса, а этого там, черт побери, нет и не было. И вообще, я по-любому должен прочитать это до того, как уйду.

– А куда идешь сегодня вечером, солнышко? – спросила Бетти.

– Дела партийные, – уклончиво ответил Джимми. – Я больше ничего сообщать не уполномочен.

Волш сосредоточился на еде и постарался приостановить поток несущихся в голове мыслей.

– По дороге домой, – проговорил он, – я видел драку. Прямо на диске.

Джимми заинтересовался:

– И кто одержал верх?

– Пурист.

Лицо мальчика вспыхнуло радостью – он гордился тем, что произошло. Джимми был сержантом в Лиге юных Пуристов.

– Пап, пора бы тебе определиться. Вступай в партию – и в следующий понедельник сможешь исполнить свой гражданский долг. Проголосовать!

– Я и так собираюсь пойти голосовать.

– Ты не можешь. Голосовать могут лишь члены какой-либо из двух партий.

А ведь и правда. Волш смотрел мимо сына, и взгляд его был несчастным. Впереди его ждали два тяжелых дня, в течение которых он будет то и дело попадать в дурацкие ситуации вроде сегодняшней. На него будут набрасываться Натуристы или, как на прошлой неделе, разъяренные Пуристы.

– Вот что я тебе скажу, – сообщил шурин. – Ты, между прочим, сидишь себе на пятой точке и ничего не делаешь – и этим помогаешь Пуристам!

Он довольно рыгнул и отодвинул тарелку.

– Таких, как ты, мы называем бессознательными про-Пуристами!

И он злобно зыркнул на Джимми:

– Ты, мелкий наглец! Был бы совершеннолетним, я б тебя вытащил да и отлупил бы – от души...

– Прошу вас, – вздохнула Бетти. – Давайте не будем ссориться из-за политики за столом. Давайте, для разнообразия, поужинаем в мире и согласии. Я уже жду не дождусь, когда пройдут эти выборы...

Карл и Джимми смерили друг друга ненавидящими взглядами и продолжили осторожно есть.

Джимми не выдержал первым:

– Твое место на кухне, – зашипел он. – Тебя под плитой нужно кормить, а в столовую не пускать! Ты только посмотри на себя! Ты потный!

Он гадко хихикнул:

– А когда поправку примут, тебе придется избавиться от потливости, так и знай! А то в тюрьму посадят!

Карл покраснел от гнева:

– Вы, паскудники, шиш получите, а не поправку!

Он грубил, но уверенности в голосе не чувствовалось. Натуристы боялись выборов – Пуристы контролировали Совет Федерации. В случае победы на выборах они могли и впрямь принять законы, требующие принудительного исполнения пуристского кода из пяти пунктов.

– Я не позволю вырезать мои потовые железы! – процедил Карл. – И вы не заставите меня проходить контроль свежести дыхания. И зубы отбеливать я не буду. И волосы в лысину вставлять я тоже отказываюсь! Это моя жизнь, а жизнь предполагает, что ты становишься грязным, лысым, толстым и старым!

– Это правда? – спросила Бетти у мужа. – Ты действительно бессознательный про-Пурист?

Дон Волш яростно пронзил вилкой остатки стейка.

– Я не присоединяюсь ни к одной из партий, и за это меня обзывают бессознательным про-Пуристом и бессознательным про-Натуристом! А я считаю, что оба движения уравновешивают друг друга. Если я всем враг – значит, я никому не враг. – Он подумал и добавил: – И не друг.

– Вам, Натуристам, нечего предложить молодежи! – сказал Джимми Карлу. – Какое будущее вы нам пророчите? Вот мне, например? Жить в пещерах, жрать сырое мясо и вести животное существование! Вы тормозите развитие цивилизации!

– Вам бы все лозунгами кидаться, – презрительно бросил Карл.

– Вы хотите вернуть нас к дикости! Вы за социальный регресс, а мы – за интеграцию! – Джимми возбужденно тряс худым пальцем перед лицом дяди. – Вы... вы подвержены таламическим эмоциям!

– Я тебе сейчас голову оторву, – взревел Карл, поднимаясь со стула. – Вы, пуристские наглецы, старших ни во что не ставите!

Джимми захихикал:

– А ты попробуй, а я посмотрю. За нанесенные несовершеннолетнему побои дают пять лет тюрьмы! Давай, ударь меня!

Дон Волш грузно поднялся на ноги и вышел из комнаты.

– Куда ты? – капризно пискнула Бетти. – Ты же не доел!

– Будущее принадлежит молодым! – Джимми информировал Карла. – А молодежь планеты – за Пуристов. Никуда вы от нас не денетесь, грядет пуристская революция!

Дон Волш вышел из квартиры и прошел по коридору к лестнице на нижний этаж. По обеим сторонам тянулись закрытые двери. Вокруг колыхалась аура шума и света и лихорадочной деятельности – рядом общались, ели, взаимодействовали семьи, множество семей. Он прошел мимо занимающихся в темноте любовью юноши и девушки и вышел на лестницу. Остановился на мгновение, а потом спустился на самый нижний уровень комплекса.

На этом уровне никого не было. Здесь стояла тишина. Темная, влажная. Над головой голоса людей превратились в далекое эхо, еле слышное через цементные перекрытия. Какой контраст – там полно народу, а здесь пусто, и в магазинах не горит свет. Вот бакалейные лавки, вот салон красоты и винный магазин, прачечная, аптека, зубоврачебный кабинет, приемная терапевта, а вот и приемная местного психоаналитика.

Внутри кабинета сидел аналитик – Дон его хорошо видел. Сидел неподвижно и молча, а вокруг текли вечерние тени. В отсутствие клиентов аналитик сидел выключенный. Волш неуверенно потоптался, а потом прошел через идентификационную рамку в приемной и постучался в прозрачную дверь кабинета. В его присутствии реле и переключатели среагировали, в кабинете мгновенно зажегся свет, а психоаналитик выпрямился, улыбнулся и приподнялся, приветствуя Волша.

– Дон, – радостно сказал он. – Проходи, садись.

Волш вошел и устало опустился в кресло.

– Я тут подумал, что, наверное, хочу с тобой поговорить, Чарли.

– Ну конечно, Дон.

И робот наклонился и посмотрел на часы, установленные на широком столе орехового дерева.

– Но... разве сейчас не время ужина?

– Да, – согласился Волш. – Но что-то я не голоден. Чарли, ты же помнишь, о чем мы говорили в прошлый раз... ну, ты помнишь, что я сказал. Помнишь, что меня беспокоило.

– Ну конечно, Дон.

И робот удобно устроился в своем крутящемся кресле и положил локти на стол – совсем как человек. И ласково посмотрел на пациента.

– Как дела? Как ты себя чувствуешь последние несколько дней?

– Да не так чтобы очень хорошо, Чарли. Понимаешь, мне нужно что-то делать с этим. И ты можешь мне помочь – потому что ты ни на чьей стороне и у тебя нет предубеждений.

Волш посмотрел в почти человеческое лицо из металла и пластика.

– Ты же все видишь как есть, Чарли. *Ну и как я могу присоединиться к одной из партий?* Ведь эта их пропаганда, эти их лозунги, они же... черт... да они же дурацкие! Все как один! Да какое мне дело до чистоты зубов и запаха из подмышек? Люди готовы убивать друг друга по таким пустячным поводам... просто в голове не укладывается... Да если эту поправку примут,

мы получим полномасштабную гражданскую войну! Самоубийственную, страшную! И что же, мне придется выбирать в этой схватке сторону?

Чарли покивал:

– Дон, я понимаю, что ты хочешь сказать.

– Что же получается? Я должен выйти из дома и треснуть по голове совершенно не знакомого мне человека только потому, что от него пахнет потом? Или наоборот, не пахнет? А ничего, что я этого человека в первый раз вижу? Я не хочу так поступать! Я отказываюсь! Почему они никак не оставят меня в покое? Почему у меня не может быть собственного мнения? Почему я должен обязательно согласиться с этими... совершенно безумными точками зрения?

Психоаналитик терпеливо, по-отечески, улыбнулся.

– Это непросто, Дон, я понимаю. Ты не синхронизирован с обществом, вот в чем дело. Вот почему культурные установки и нравы кажутся тебе не слишком приемлемыми. Но ведь это общество, в котором вам придется жить. Другого нет.

Волш вздохнул и усилием воли заставил кулаки разжаться.

– Вот что я думаю. Если кто-то хочет пахнуть – пусть пахнет. А те, кто пахнуть не хочет, пусть удаляют себе потовые железы. Так в чем проблема?

– Дон, ты уходишь от вопроса. – Спокойный, бесстрастный голос. – Ты хочешь на самом деле сказать, что обе стороны не правы. А это глупо, не правда ли? Одна из сторон должна быть правой...

– Почему же?

– Потому что наличие двух сторон в споре исчерпывает практические возможности для установления истины. Твоя позиция на самом деле позицией не является. Это скорее описание ситуации. Понимаешь, Дон, ты психологически не способен справиться со сложным вопросом. Ты не хочешь определяться с позицией, потому что слишком боишься ущемить свою свободу и индивидуальность. Ты стоишь в позе интеллектуальной девственницы и ревностно оберегаешь свое целомудрие.

Волш подумал и сказал:

– Я хочу быть честным с самим собой.

– Но ты живешь не в одиночестве. Ты – часть социума. Идеи ведь не существуют в вакууме.

– У меня есть право на собственную точку зрения. У меня есть собственные идеи.

– Нет, Дон, – ласково ответил робот. – Это не твои собственные идеи. Ты их не создал. И ты не можешь включать и выключать их по собственному желанию. Скорее это они тебя включают – точнее, действуют через тебя. Твое окружение тебя формирует. Твои убеждения – результат действия определенных социальных сил и определенного общественного давления. В твоем случае две взаимоисключающие точки зрения столкнулись, и возникла патовая ситуация. Ты сейчас находишься в конфликте с самим собой. И не можешь решиться, к какой стороне примкнуть, потому что признаешь частичную правоту за обеими.

Робот покивал с умудренным видом.

– Но нужно решаться. Ты должен разрешить этот конфликт и начать действовать. Ты не можешь оставаться зрителем... придется стать участником. Никто не может жить и исполнять лишь роль зрителя. Таков закон жизни, Дон.

– Ты хочешь сказать, что за пределами этого спора насчет потливости, зубов и волос нет ничего? И никакая другая реальность не имеет права на существование?

– Естественным образом можно предположить, что существуют другие виды социума. Но ты же родился именно в этом обществе. И оно твое. И навсегда останется твоим, другого не будет. Ты либо живешь в социуме – либо не живешь.

Волш поднялся на ноги.

– Другими словами, это я должен приспособиться. Кому-то необходимо пойти на уступки, и этот кто-то – я?

– Боюсь, что так и есть, Дон. Странно было бы желать, чтобы к тебе приспособились все остальные, правда? Три с половиной миллиарда человек должны измениться лишь для того, чтобы Дону Волшу стало удобнее жить с ними бок о бок. Похоже, Дон, ты еще не перерос инфантильно-эгоистическую стадию развития личности. Ты пока не способен выстроить отношения с реальностью, подходящие взрослому человеку.

Робот улыбнулся.

– Но ты это сделаешь.

Волш развернулся и мрачно пошел к двери:

– Я подумаю над этим.

– Это ведь для твоего собственного блага, Дон.

Уже на пороге Волш развернулся – он вспомнил одну вещь и хотел ее озвучить. Но робот уже выключился. Кабинет погружался в темноту и молчание. Правда, локти со столешницы робот так и не снял. В затухающем свете ламп Волш увидел то, что прежде почему-то не замечал. На электрическом проводе, который служил роботу пуповиной, висел ярлычок из белого пластика. В полумраке Дон сумел разобрать надпись:

Собственность Совета Федерации

Не предназначено для частного использования

Робота, как и все остальное в жилищном комплексе, предоставили общественные институты, в той или иной мере контролирующие жизнь Волша. Психоаналитик был частью государственного механизма. Он ничем не отличался от сидящего в офисе чиновника на зарплате. И государство ставило перед ним задачу уравнивать Дона Волша с остальными. Вписать в мир.

Но если советы психоаналитика его не устраивали, к кому же тогда прислушиваться? К кому еще пойти?

Через три дня состоялись выборы. Набранные крупным злым шрифтом заголовки ничего нового ему не сказали – офис и так бурлил в течение целого дня. Все обсуждали новости. Он засунул газету в карман пальто и принялся читать ее, только добравшись до дома.

Пуристы побеждают с колоссальным преимуществом

Поправка Хорни скоро будет принята

Волш устало откинулся в кресле. На кухне Бетти быстро готовила ужин. Приятно звякала посуда, через светлую милую квартиру плыли вкуснейшие ароматы.

– Пуристы победили, – сказал Волш. Бетти как раз появилась на пороге со столовыми приборами и чашками. – Все кончено.

– Джимми очень обрадуется, – уклончиво ответила Бетти. – Кстати, не знаю, придет ли Карл к ужину.

И принялась что-то подсчитывать про себя.

– Пожалуй, мне придется спуститься вниз за кофе. Мало осталось.

– Ты что, не понимаешь? – воскликнул Волш. – Это случилось! Пуристы дорвались до абсолютной власти!

– Я понимаю, – капризным голоском отозвалась Бетти. – И не надо на меня кричать! Ты подписывал эту ужасную петицию? Петицию Бьютта или как ее там? Ее еще Натуристы распространяли?

– Нет.

– Слава богу! Я так и подумала. Сколько всего приносили и просили подписать, а ты ни разу не решился.

Она помедлила на пороге кухни.

– Надеюсь, Карлу хватит ума вести себя правильно. Мне, кстати, всегда было неприятно, когда он тут сидел и пиво дул. И когда летом от него воняло, как от свиньи.

Дверь открылась, и в квартиру вбежал Карл, красный и хмурый.

– Бетти, к ужину меня не жди. У нас тут срочное собрание.

И он коротко взглянул на Волша:

– Ну что, доволен? А если б ты хоть пальцем о палец ударил – возможно, такого бы не случилось!

– Как быстро они сумеют провести эту поправку? – спросил Волш.

Карл нервно рассмеялся:

– Да они уже ее приняли.

И он схватил стопку документов со стола и запихал их в мусоропровод.

– У нас есть информаторы в штаб-квартире Пуристов. Так вот, как только они приведут к присяге новых членов совета, они протолкнут поправку. Они хотят заставить нас врасплох! – И он сверкнул зубами в яростной улыбке. – Но у них ничего не выйдет!

Дверь захлопнулась, и шаги Карла ссыпались вниз по лестнице.

– Я никогда не видела, чтобы он так быстро ходил... – изумленно пробормотала Бетти.

А Дон Волш с нарастающим ужасом слышал, как с грохотом сбегает вниз по лестнице его шурин. Выбежав из здания, Карл прыгнул в свою наземную машину. Зарычал мотор, и Карл умчался.

– Он испуган, – проговорил Волш. – Ему грозит опасность.

– Он в состоянии сам о себе позаботиться. Карл уже большой мальчик.

Волш трясущимися руками прикурив сигарету.

– Недостаточно большой. Неужели они и впрямь хотят этого? Нет, невозможно... Как это так – протолкнуть поправку, навязать всем свою точку зрения, свои представления о том, что правильно? Но, с другой стороны, все прошлые годы к этому шло, так что это просто последний шаг на длинном пути к цели...

– Ой, я очень надеюсь, что все это безобразие когда-нибудь кончится, раз и навсегда, – пожаловалась Бетти. – Неужели так всегда было? Вот я, например, не помню в своем детстве разговоров о политике!

– Тогда это еще не называли политикой. Просто промышленные круги насаждали среди людей культ потребления. А в центре была идея чистоты – зубов, волос, тела. Городские жители подхватили ее и развили в идеологию.

Бетти накрыла на стол и принесла блюда с едой.

– Ты хочешь сказать, что Пуристское движение намеренно создали?

– Они просто не понимали, какое значение приобретает эта тема. Не осознали вовремя, что их дети растут и думают, что непотеющие подмышки, ухоженные волосы и отбеленные зубы – это самое важное в жизни. Что за это имеет смысл сражаться и умирать. Настолько важное, что за него можно убивать несогласных.

– А Натуристы были сельскими жителями?

– Эти люди жили не в городах, и их сознание не подвергалось столь массивной обработке. – И Волш сердито потряс головой. – Невероятно, просто невысказано! Как люди могут убивать друг друга из-за таких дурацких расхождений во взглядах! В течение всей своей истории люди уничтожают друг друга из-за несохождений в дурацких формулировках, из-за несогласия по поводу бессмысленных лозунгов, которые кто-то третий вбивает им в головы, а потом сидит и получает от этого выгоду...

– Но если они верят, значит, лозунги не так уж и бессмысленны.

– Бессмысленно убивать другого человека за то, что у него дурной запах изо рта! Бессмысленно бить кого-то за то, что он отказывается удалять потовые железы и устанавливать искусственную систему выведения шлаков из организма! Это будет совершенно нездоровая война, ведь Натуралисты запаслись оружием, они хранят его в штаб-квартире партии. Войну будут вести ради призрачных целей, а люди погибнут – они умрут, Бетти, из-за глупости, а не из-за настоящих идеалов!

– Время ужинать, дорогой, – сказала жена, указывая на стол.

– Я не голоден.

– Ну хватит дуться, давай покушай. Или у тебя снова начнется несварение, а ты знаешь, к чему это может привести.

О, он знал, к чему это может привести. Это значило, что его жизнь будет в опасности. Рыгнул в присутствии Пуриста – все, готовься к драке не на жизнь, а на смерть. В мире не было места для тех и других – должны были остаться либо люди, которые рыгают, либо люди, которые не выносят тех людей, которые рыгают. Кто-то должен был уступить – или уже уступил. Поправку приняли. Значит, дни Натуралистов сочтены.

– Джимми сегодня задержится, – сказала Бетти, накладывая себе в тарелку бараньи отбивные, зеленый горошек и кукурузу со сливками. – Пуристы сегодня празднуют – у них что-то вроде вечеринки. Речи, парады, факельные шествия.

И она тоскливо пробормотала:

– Я так понимаю, мы не пойдем, да? А жалко, очень красиво будет – люди маршируют, огни горят...

– Ну так иди, – погруженный в свои мысли Волш положил еду себе на тарелку. Он ел и не чувствовал вкуса пищи. – Пойди, развлекись, если тебе хочется.

Они еще не закончили ужинать, как дверь отворилась и в нее быстрым шагом вошел Карл.

– Мне что-нибудь оставили? – резко спросил он.

Бетти приподнялась в невероятном изумлении:

– Карл! От тебя... от тебя больше не пахнет!

Карл уселся и решительно придвинул к себе блюдо с бараниной. А потом вдруг замер и... принялся придирчиво выбирать себе кусочек. Водрузил его на тарелку, положил крохотную порцию горошка.

– Я голоден, – покивал он. – Но не слишком голоден.

И он стал спокойно, аккуратно есть.

Волш просто глазам своим не верил.

– Какого черта? Что случилось? – резко спросил он. – Твои волосы... зубы... дыхание... Что ты с собой сделал?

Не поднимая глаз, Карл ответил:

– Партия приняла решение о стратегическом отступлении. Временная мера. Раз принятие поправки неизбежно, не имеет смысла лезть в бутылку. Мы ж не сумасшедшие – умирать не собираемся.

И он отпил едва теплого кофе.

– То есть я хочу сказать, что мы ушли в подполье.

Волш медленно опустил вилку на тарелку:

– То есть ты хочешь сказать, что вы не станете оказывать никакого сопротивления?

– Черт, ты о чем? Какое сопротивление? Это чистое самоубийство! – И Карл настороженно посмотрел по сторонам. – А теперь слушайте. Я теперь полностью соответствую всем пунктам поправки Хорни, ко мне не придерешься. Если сюда сунет нос полиция, вы держите язык за зубами. Поправка дает право на публичное отречение от заблуждений – именно это мы и сделали. Теперь мы чисты, и нас не посмеют тронуть. Но лучше вообще ничего не говорить.

И он вытащил маленькую голубую карточку.

– Вот, пуристский партбилет. Согласно документу, я уже давно вступил в партию. Мы готовились и к такому варианту.

– О, Карл! – восторженно вскрикнула Бетти. – Я так рада! Ты сейчас выглядишь... просто замечательно!

Волш молчал.

– А что такое? – начала сердиться Бетти. – Разве ты не этого хотел? Ты же не хотел, чтобы они дрались и поубивали друг друга! – Она перешла на пронзительный крик. – Ты вечно всем недоволен! Ты этого хотел? Хотел! И что? Ты опять недоволен! Что тебе еще нужно, а, Дон?!

И тут на нижнем этаже комплекса послышался шум. Карл сел очень прямо, и с лица его сошел всякий цвет. Если бы не операция, он бы вспотел.

– Это полиция по делам соответствия, – выдавил он. – Просто сидите спокойно. Они пройдут с обходом и уйдут.

– О боже, – прошептала Бетти. – Я очень надеюсь, что они ничего не поломают. Может, мне в душ сходить?

– Просто сиди тихо, – прохрипел Карл. – Не надо давать им поводов для подозрений...

Дверь открылась. На пороге стоял Джимми – он казался коротышкой рядом с гигантами в зеленой форме полиции по делам соответствия.

– Вон он! – заверещал Джимми, тыча пальцем в Карла. – Он натуралистский активист! Понюхайте его!

Полицейские быстро прошли в комнату и заняли ключевые позиции. Они окружили неподвижного Карла, быстро осмотрели его, потом отошли.

– Но от него совсем не пахнет, – возразил полицейский сержант. – Запаха изо рта нет. Волосы густые и ухоженные.

Он подал знак, и Карл покорно раскрыл рот:

– Зубы белые, хорошо вычищенные. Ничего предосудительного. Нет, с этим человеком все в порядке, он полностью соответствует нормам.

Джимми злобно зыркнул в сторону Карла:

– Гляди-ка, подсуетился...

Карл, демонстрируя чудеса выдержки, ковырялся в тарелке и не обращал внимания на мальчишку и на полицейских.

– Похоже, нам удалось подавить сопротивление Натуралистов, – передал сержант по рации. – по крайней мере, в этом районе организованной оппозиции не наблюдается.

– Отлично, – ответила рация. – В вашем районе их было особенно много. Нужно предпринять дальнейшие меры. Запустить машины принудительного очищения, к примеру. Необходимо как можно скорее внедрить эти методы.

Один из полицейских повернулся к Дону Волшу. Его ноздри зашевелились, и он сурово покосился на Дона:

– Имя? – гаркнул он.

Волш назвал.

Полицейские осторожно окружили его.

– От него пахнет, – заметил один. – Но лысины нет, волосы ухоженные. Откройте рот.

Волш открыл рот.

– Зубы белые, чистые. Но... – полицейский принохался. – Слабый запах изо рта. Желудочного происхождения. Что-то я в толк не возьму, он Натурист или нет?

– Он точно не Пурист, – ответил сержант. – От Пуриста бы не пахло потом. Значит, Натурист.

Джимми протолкался вперед:

– Этот человек, – объяснил он, – он из попутчиков. Он не член Партии.

– Вы знакомы?

– Мы... родственники, – признался Джимми.

Полицейский сделал несколько пометок в своем блокноте.

– Он заигрывал с Натуристами, но до конца их идеями не проникся?

– Ну, он, знаете, посередине. Квази-Натурист. Он еще не определился. Но он не безнадежен! Не стоит, право, заводить на него уголовное дело...

– Так. Тогда отправляем его на корректирующее лечение, – записал в блокнот сержант. – Так, Волш, – обратился он к Волшу, – быстро собирай вещички и пошли. Согласно поправке, таким, как ты, положено пройти принудительное очищение. Давай, собирайся, время пошло.

Волш встал и ударил сержанта в челюсть.

Сержант глупо рухнул навзничь – руки раскинуты, на лице выражение безграничного удивления. Полицейские выхватили пистолеты и истерично заверещали, тупо толкаясь и мешая друг другу в тесной комнате. Бетти завизжала, как резаная. Пронзительный голос Джимми потонул в общем шуме и гаме.

Волш ухватил настольную лампу и разбил ее о голову сержанта. Свет в квартире замигал и погас, и комната погрузилась в орущий темный хаос. Волш столкнулся с кем-то, ударил под колено, этот кто-то со стоном осел на пол. На несколько мгновений Дон потерялся в полной криков и воплей темноте, но потом пальцы нащупали дверь. Он открыл ее и выбрался в общий коридор.

Волш уже подбегал к лифту, как из-за двери вылез еще кто-то.

– Но почему? – жалостно причитал Джимми. – У меня все было предусмотрено, зачем? Я все для тебя устроил, в лучшем виде!

Двери лифта захлопнулись, отрезая от металлического пронзительного голоса. Дон уже ехал вниз, когда в коридор осторожно высунулись полицейские. Волш слышал их угрожающий топот – они шли по пятам.

Дон посмотрел на часы. Наверное, у него не более пятнадцати или двадцати минут. Потом его схватят – это неизбежно. Сделав глубокий вдох, он вышел из лифта и как можно спокойнее пошел по темному коридору между рядами магазинов, мимо черных витрин и вывесок.

* * *

На этот раз Чарли был уже в рабочем состоянии. Волш подошел к приемной и увидел, что один человек сидит в кабинете, двое других ждут. Увидев выражение лица Волша, робот тут же махнул, приглашая его немедленно пройти внутрь.

– Что случилось, Дон? – серьезно спросил он, указывая на кресло. – Присядь и расскажи, что у тебя на душе.

Волш рассказал.

А когда он закончил, психоаналитик откинулся в кресле и тихо присвистнул:

– Дон, это серьезное преступление. За такое тебя заморозят! Такие меры предусмотрены новой поправкой...

– Я знаю, – согласно кивнул Волш.

Он ничего не чувствовал. Вообще. В первый раз за много лет бесконечный вихрь эмоций и мыслей полностью отсутствовал в его голове. Он чувствовал себя немного усталым – вот и все.

Робот покачал головой:

– Вот видишь, Дон, ты все-таки определился. Ну хоть что-то, с другой-то стороны. Ты все-таки сумел принять решение.

И он задумчиво выдвинул ящик стола и вытащил оттуда блокнот.

– Полицейский автозак уже приехал?

– Я слышал сирены, когда входил в предбанник. Думаю, если не приехал, то уже едет.

Робот побарабанил железными пальцами по ореховой столешнице.

– Внезапный переход от невозможности принять решение к самым решительным действиям является доказательством твоей психологической интеграции в социум. Ты ведь решил, с кем ты, правда?

– Решил, – ответил Волш.

– Ну и отлично. Я знал, что рано или поздно это случится. Жаль, что это произошло при таких драматических обстоятельствах...

– А мне не жаль, – сказал Волш. – Это единственно возможное решение. Теперь мне это ясно как божий день. Нерешительность – не обязательно дефект. Оказалось, что, если я считаю бессмысленными лозунги, партии и героическую гибель ради всего этого, – это тоже убеждение. За которое можно отдать жизнь. Раньше я думал, что у меня нет символа веры. Теперь я знаю, что он у меня есть.

Робот не слушал его. Он что-то начеркал в блокноте, потом подписал и аккуратно, одним точным движением оторвал листок.

– Вот.

И он быстро протянул бумагу Волшу.

– Что это? – спросил тот.

– Я не хочу, чтобы кто-то вмешивался в наши отношения «доктор – пациент». В терапевтический процесс. Ты все-таки нащупал почву под ногами – и я полагаю, что мы вполне способны на прогресс.

И робот быстро встал на ноги.

– Удачи, Дон. Покажи это полиции. Если что-то пойдет не так, пусть они со мной свяжутся.

Листок оказался направлением на лечение от Федерального Психиатрического комитета. Волш ошеломленно перевернул его:

– Ты полагаешь, что это меня... уберезет?

– Ты действовал под влиянием аффекта. И не можешь нести ответственность за свое поведение. Конечно, тебя осмотрят, но волноваться незачем. – И робот добродушно похлопал его по спине. – Это был поступок невротика – так ты разрешил внутренний конфликт. Теперь ты от него свободен. Это все сдерживаемые эмоции и вытесненные конфликты. Символическая, так сказать, демонстрация либидо – безо всяких политических поползновений.

– Понятно, – отозвался Волш.

Робот твердо взял его под локоть и провел к выходу.

– А теперь иди к ним и отдай бумагу.

Из металлической груди робота выехала крошечная бутылочка:

– И прими одну таблетку перед сном. Ничего серьезного – это просто легкое снотворное, чтобы нервы в порядок привести. Все будет хорошо, я уверен, что мы скоро увидимся. И учти: наконец-то я вижу результаты наших встреч.

Волш вышел и понял, что на улице окончательно стемнело. Полицейский микроавтобус стоял у самого входа в жилищный комплекс – большой злобный черный силуэт, вырисовыва-

ющийся на фоне мертвого бессветного неба. Толпа зевак собралась на безопасном расстоянии от страшной машины – всем было интересно, что же случилось.

Волш машинально положил пузырек с таблетками в карман пальто. Постоял, вдыхая холодный ночной воздух. Чистый запах вечерней прохлады. Высоко над головой зажглись яркие звезды.

– Эй! – заорал полицейский. И посветил фонариком прямо в лицо Волшу, подозрительно щурясь. – А ну иди сюда.

– Похоже, это он и есть, – сказал другой. – Иди, иди сюда, парень. Шагай, мы тебя ждали.

Волш вытащил направление, которое ему выписал Чарли.

– Иду, – ответил он.

И, пока шел к полицейским, аккуратно порвал листок в мелкие клочки и выбросил. Их тут же утащил и разбросал ночной ветер.

– Какого черта? Ты чего там делаешь? – сердито спросил полицейский.

– Ничего такого, – ответил Волш. – Просто выкинул ненужную бумажку. Она мне больше не понадобится.

– Станный он какой-то, – пробормотал полицейский, деловито тыкая в Волша фризером. Второй тоже направил луч холода в замерзающее тело. – У меня от него аж мурашки по спине.

– Ну так радуйся, что таких, как он, мало, – сказал напарник. – Всего пара упертых встретились, а так все путем.

Обездвиженного Волша закинули в микроавтобус и накрепко задраили двери. Мусороперерабатывающий механизм тут же принялся разлагать его тело на основные минералы. Через несколько мгновений полицейская машина тронулась с места – поступил еще один вызов.

Нестыковка

Возвращаясь домой, Ричардс предвкушал, как приступит к любимому делу – точнее, это была целая последовательность дел, приятная и не видимая остальному миру. И она доставляла Ричардсу гораздо больше удовольствия, чем десятичасовой рабочий день в Институте торговли. Он бросил чемоданчик в кресло, закатал рукава, подхватил опрыскиватель с жидким удобрением и пинком распахнул дверь на участок за домом. Вечер принес прохладу, садящееся солнце светило в глаза, пока он осторожно шел по влажной черной земле в середину сада.

Сердце громко стучало – Ричардсом владело нетерпение. Как там оно?

Отлично. Оно подрастало с каждым днем.

Он полил его, оторвал пару жухлых листьев, вскопал землю, выдрал сорняки и разбрызгал из шприца удобрение, а потом отступил, чтобы полюбоваться результатом своих трудов. Да уж, только творчество приносит человеку подобное удовлетворение. Кто он такой на рабочем месте? Высокооплачиваемая шестеренка в неплановой экономической системе. В офисе он работал с вербальными знаками, адресованными другим пользователям. А здесь Ричардс имел дело непосредственно с реальностью.

Он присел на корточки и осмотрел то, что получилось. Выглядело неплохо – почти все готово, почти выросло. Он наклонился, чтобы осторожно потыкать пальцем в твердые бока.

В убывающем свете дня скоростной транспортник матово поблескивал. Окна уже выросли и полностью оформились – четыре бледных квадрата в конусообразном металлическом корпусе. Пузырь над пультом управления только начал распускаться из середины шасси. Дюзы уже полностью отросли и приняли нужный вид. Входной люк и аварийные замки еще не показались, но это лишь вопрос времени.

Ричардс пришел в крайнюю степень возбуждения. Да, сомнений нет: транспортник почти созрел. Скоро его можно будет сорвать... и летать на нем.

В девять в комнате ожидания толпились люди и клубами плавал сигаретный дым, а сейчас, к половине четвертого, она почти опустела. Один за другим посетители сдавались и уходили. Брошенные ленты, переполненные пепельницы, пустые кресла окружали роботизированный секретарский стол, который в промышленных масштабах вымучивал из себя бумажки и занимался прочей рутинной работой. Однако в углу упрямо сидела девушка: очень прямо, сжимая в ручах дамскую сумочку – стол не сумел убедить ее покинуть приемную.

Но сделал еще одну попытку. Время близилось к четырем, Эггертон скоро уйдет. На чувствительные нервы стола действовала сама дурацкая, ни с чем не сообразная ситуация: вот сидит эта дамочка тут и ждет, что ее примет человек, который вот-вот наденет шляпу и плащ и пойдет домой! Какое безобразие! А девушка, кстати, сидела тут с девяти. Сидела, уставившись в пустоту большими пустыми глазами. Не курила, ленты не просматривала. Просто сидела и ждала.

– Слушайте, леди, – громко сообщил стол. – Вас не примут. Мистер Эггертон вообще никого сегодня не примет.

Девушка бледно улыбнулась:

– А я на минуточку.

Стол вздохнул:

– Какая вы настойчивая. А что вам нужно? Ваша компания наверняка процветает – с такими-то работниками. Но я же говорю – мистер Эггертон ничего ни у кого не покупает. Так он достиг своего нынешнего положения. Он просто не пускал на порог людей вроде вас. Сдается мне, что вы на свое личико надеетесь. Что мистер на вас посмотрит, растает и сделает

большой заказ? – И стол сварливо добавил: – И как вам только не стыдно в таком платье по улице разгуливать. А еще приличная девушка.

– Он меня примет, – тихо отозвалась девушка.

Стол с жужжанием прогнал несколько бланков через сканер и глубоко задумался над скрытыми смыслами слова «принять».

– Да уж, в таком-то платье как не при... – начал было он, но тут дверь поднялась, и на пороге появился Джон Эггертон.

– Можешь выключиться, – приказал он столу. – Я иду домой. Поставь таймер на десять утра. А я приду попозже. У промобъединения завтра совещание в Питтсбурге по вопросам корпоративной стратегии, я в нем участвую.

Девушка текуче поднялась на ноги. Джон Эггертон оказался крупным, с сутулыми, как у обезьяны, плечами мужчиной. К тому же косматым и нечесаным. На распахнутом незастегнутом пиджаке красовались пятна от еды. Рукава он держал закатанными. Маленькие глазки смотрели хитро – настоящая акула бизнеса. На девушку он уставился с опаской.

А она подходила все ближе.

– Мистер Эггертон, – сказала она. – У вас есть минутка? Я бы хотела кое о чем с вами поговорить.

– Я ничего не покупаю и не нанимаю на работу, – хриловатым от усталости голосом ответил Эггертон. – Девушка, милая, отправляйтесь-ка к своему начальнику и скажите ему, что в следующий раз, ежели он хочет мне что-то впарить, пусть пришлет опытного представителя, а не ребенка вроде вас...

Эггертон страдал близорукостью. Девушка уже успела подойти вплотную – и только тогда он разглядел карту между ее пальцами. Для мужчины такого роста и размера двигался он на диво проворно – в прыжке отшвырнул девушку в сторону, скользнул мимо робота-стола и выскочил из офиса через боковую дверь. Сумочка вылетела у девушки из рук, ее содержимое раскатилось по полу. Она посмотрела на пол, потом на дверь – и с отчаянным шипением рванула из офиса в коридор. Кнопка экспресс-лифта на крышу горела красным – Эггертон уже поднялся на пятидесятый этаж, на частную посадочную площадку здания.

– Ч-черт, – пробормотала девушка.

Развернулась и вернулась в офис, вся кипит от возмущения.

Стол тем временем уже пришел в чувство.

– Почему мне не сказала, что ты из Невосприимчивых? – сурово спросил он. Стол не на шутку разозлился – его бюрократическая душа пылала гневом. – Я выдал тебе форму с045, и в пункте шестом там четко и ясно спрашивали про род занятий! И ты *обманула* меня!

Девушка даже не посмотрела в сторону стола и принялась собирать рассыпавшиеся из сумочки вещи. Пистолет, магнитный браслет, крохотную нашейную рацию, помаду, ключи, зеркальце, мелочь, платок, предписание на имя Джона Эггертона явиться в течение двадцати четырех часов... да уж, по возвращении в Агентство ее ждала нешуточная выволочка. Эггертон сумел даже уклониться от устного освидетельствования – из сумочки свисала размотанная катушка записывающей ленты, и лента эта была девственно чиста. И бесполезна.

– Умный человек ваш начальник, ничего не скажешь, – высказала она столу, не сумев сдержать ярость. – Весь день сидит здесь в вонючем офисе, пока куча агентов по продажам томится в приемной...

– А я-то думал, что это вы так настаиваете на встрече, – сказал стол. – Никогда не видел, чтобы женщина-агент так себя вела. Надо было сразу сообразить – что-то не так. А вы почти его сцапали.

– И сцапает. Очень скоро, – сказала девушка – она уже выходила из офиса. – Скажите ему это завтра, когда он придет на работу.

– А он не придет, – ответил стол. – Ответил себе самому, потому что девушка уже ушла. – Он сюда больше вообще не придет. Во всяком случае, в ближайшее время. Незачем ему с Невосприимчивыми встречаться. Жизнь – она всяко дороже стоит, чем бизнес. Даже если это такой удачный бизнес.

Девушка зашла в будку уличного видефона и набрала номер Агентства.

– Сбежал, – призналась она женщине с мрачным лицом. Женщина была ее непосредственной начальницей. – Он не притронулся к призыв-карте. Боюсь, неважный из меня подающий.

– Он успел увидеть карту?

– Конечно, успел. Потому и рванул прочь.

Мрачная женщина черкнула несколько строчек в блокноте.

– Фактически он уже в наших руках. Пусть адвокаты разбираются с его наследниками, а я буду действовать, как если бы предписание уже было вручено. Он осторожничал до этого случая, а теперь застать его врасплох и вовсе невозможно. Ближе нам уже не подобраться. Жаль, что ты оплошала с этим делом... – И женщина решила: – Позвони ему домой и передай личному обслуживающему персоналу уведомление о виновности. А завтра утром мы поместим это во все новостные машины.

Дорис отключилась. Подержала ладонь на экране, ожидая, пока тот очистится. И набрала личный номер Эггертона. Помощнику она выдала формальное уведомление о том, что Эггертон теперь законная добыча для любого нипланского гражданина. Робот тут же принялся за дело и записал информацию – словно речь шла о покупке дюжины ярдов ткани. Машина говорила таким безучастным голосом, что Дорис стало совсем тошно. Она вышла из будки и отправилась на нижний этаж здания в коктейльный бар – надо же было чем-то занять себя, пока муж не придет.

* * *

Джон Эггертон совершенно не походил на паракинетика. Дорис воображала себе стройных молодых людей с увядшими лицами и несчастным взглядом, выдающим душевные муки, и как они прячутся по захолустным городкам и фермам, не суются в города и ни с кем не общаются. А Эггертон занимал высокую должность, был у всех на виду... но, конечно, когда проводят выборочные проверки, любой может попасться. Дорис потягивала свой «Том Коллинз» и пыталась понять, почему Джон Эггертон проигнорировал изначальное уведомление, последовавшее после проверки, затем предупреждение, неследование которому каралось уже штрафом или тюремным заключением, а теперь и последнее предупреждение.

Да полноте, точно ли Эггертон паракинетик?

В темном зеркале за стойкой ее отражение вдруг задрожало и обвелось полутенями, подобно выступающему из облака тьмы суккубу – а почему бы и нет, надо всей ниплановой системой лежала плотная непрозрачная пелена тумана... Подобное отражение более приличествовало молодой женщине-паракинетике: под глазами темные круги, влажные ресницы, мокрые перепутанные волосы, спадающие на худенькие плечи, слишком тонкие, слишком заостренные пальцы. Но то был мираж, зеркальное отражение – женщин-паракинетиков не существовало. Во всяком случае, о них пока никто еще не слышал.

Муж подошел незаметно, со спины, и разом как-то оказался рядом: бросил пальто на высокий стул, потом сел.

– Ну как все прошло? – с сочувствием спросил он.

Дорис подскочила от неожиданности:

– Ты напугал меня!

Харви закурил и подозвал бармена:

– Бурбон и воду, пожалуйста. – А потом с мягкой улыбкой повернулся к жене: – Да ладно, не переживай так. Вокруг еще много мутантов, есть кого ловить. – И он бросил ей распечатки из вечерних новостных машин. – Ты, наверное, уже в курсе, но ваш офис в Сан-Франциско уже четверых засек. У каждого уникальный талант. Один милый гражданин любил подстегнуть метаболизм у ближних, к которым по какой-то причине не испытывал любви.

Дорис покивала с отсутствующим видом:

– Да, в Агентстве на них рассылали ориентировки. Еще один ходил сквозь стены, причем сквозь полы не падал. А третий камни оживлял.

– Эггертон сбежал?

– С дикой скоростью – не ожидала я от такого здоровяка молниеносных реакций. С другой стороны, возможно, мы имеем дело не с человеком. – И она покрутила в пальцах высокий холодный стакан. – Агентство озвучит предписание явиться в двадцать четыре часа. Я уже позвонила ему домой... что ж, у его домашнего персонала будет хорошая фора.

– Пусть будет. Они же, в конце концов, на него работают. Так пусть получают право впитаться в добычу первыми.

Харви изо всех сил пытался развеселить жену, но та оставалась такой же мрачной.

Тогда он спросил:

– Ну если он такой здоровенный, то куда ему прятаться?

Дорис пожалала плечами. С теми, кто скрывался от Агентства, трудностей не возникало: они выдавали себя сами – уж слишком их поведение отличалось от обычного. Совсем другое дело – паракинетика, которые не подозревали о том, что обладают врожденными способностями. Они прекрасно вписывались в социум, пока какой-нибудь случай не обнаруживал их особенностей. Таких называли *бессознательными* паракинетиками, и именно из-за них и возникли Агентство, которое укомплектовывали женщинами-Невосприимчивыми, а также система выборочных проверок. Дорис подумала: а не могло ли случиться так, что человек – вовсе не паракинетик – вдруг решал, что он мутант? Мысль странная, но почему бы и нет? В конце концов, невротический страх оказаться чужим, не вписаться – сколько ему тысяч лет? Да он заложен в человеческую природу! Человек может быть просто оригиналом, чудиком – но при этом вполне нормальным! И Эггертон – несмотря на влияние в промышленных кругах и размеры состояния – вполне мог оказаться обычным человеком, страдающим от мучительной фобии типа «а вдруг я психопат-паракинетик»? Такое случалось... а вот настоящие паракине-тики продолжали преспокойно сосуществовать с людьми, не ведая, насколько они чужеродны для человеческого общества...

– Нам нужен тест – безошибочный, – сказала Дорис вслух. – Для самодиагностики. Чтобы человек мог знать наверняка, кто он.

– А разве у тебя его нет? Ты разве не знаешь наверняка, кто есть кто, когда они тебе в ходе проверки попадаются?

– Не когда, а *если* попадаются. Один из десяти тысяч. Слишком мало их обнаруживается... – И она резко оттолкнула коктейль и поднялась на ноги. – Ладно, поехали домой. Я есть хочу и устала, как собака. Поужинаем – и спать.

Харви взял пальто и расплатился.

– Извини, дорогая, но нас пригласили на ужин. Знакомый в Институте Торговли – Джей Ричардс, ты его должна помнить. Мы же как-то обедали вместе. И он нас пригласил – хочет что-то отметить.

– Что отметить? – сердито спросила Дорис. – Что тут отмечать-то?

– Он говорит – секрет, – ответил Харви, широко отворяя дверь и пропуская ее вперед. – Сюрприз, говорит. Увидите, мол, после ужина. Так что давай, не сердись – а вдруг оно того стоит?

Эггертон не полетел домой – во всяком случае, сразу. Он долго, бесцельно и на высокой скорости кружил над первым кольцом жилых кварталов вокруг Нью-Йорка. Сначала его переполнял страх. Потом – ярость. Первая мысль была – домой, в особняк, который стоит на принадлежащей ему земле. А если там его поджидают другие Агенты? Нет, туда нельзя. А пока он так кружил и не мог ни на что решиться, нашейный микрофон проговорил сообщение о звонке из Агентства.

Повезло ему. Девушка передала уведомление роботу, а машина не заинтересована в награде за выдачу преступника.

Он приземлился на одной из крыш-площадок в индустриальном районе Питтсбурга. Никто его не видел – снова повезло. Эггертона трясло, когда он входил в лифт. Потом он все-таки нажал кнопку и поехал вниз. С ним в кабину набились клерк с пустым, ничего не выражающим взглядом, две пожилые женщины, серьезный молодой человек и милостивая дочка какого-то мелкого чиновника. На первый взгляд безобидные люди, но Эггертон не обольщался надеждой: минуют двадцать четыре часа, и все они бросятся за ним в погоню. И их не в чем винить: десять миллионов долларов на дороге не валяются.

Теоретически у него оставался один день на раздумья и на то, чтобы сдать. Но вести о последнем предупреждении расходятся быстро, так что большинство из его высокопоставленных друзей уже в курсе, сомневаться не приходится. Он обратится за помощью к старому другу: его радушно примут, накормят и напоят, выдадут кучу припасов и координаты охотничьего домика где-нибудь на Ганимеде – а через двадцать четыре часа пристрелят, как собаку.

Конечно, он мог укрыться где-нибудь на захолустной фабрике – в его синдикате такие были. Но их же все осмотрят, одну за другой. В холдинге масса компаний, в том числе подставных, – но Агентство и их проверит, было бы желание. И тут его осенило: а ведь ему зададут показательную трепку – чтобы все прониклись. Вся ниплановая система, которой Агентство вертит, как хочет. И это его взбесило окончательно. Эти женщины-Невосприимчивые с самого раннего детства будоражили его воображение и пробуждали какие-то полуосознанные комплексы. Самая мысль о матриархате представлялась ему отвратительной. И вот теперь они пытаются его, Эггертона, устранить – а ведь он ключевая фигура в промобъединении. Только сейчас до него дошло: а что если его номер для выборочной проверки выбрали совсем не случайно?

Ничего не скажешь, умно. Собрать серийные номера всех важных лиц и время от времени пробивать их – как бы случайно. А на самом деле с целью устранить – одного за другим.

Он вышел на нижнем этаже и застыл на месте, не зная, что делать дальше. Мимо ехали и гудели машины. А что если начальство сотрудничает с Агентством? И предоставляет данные для проверок? В конце концов, первое предупреждение означает лишь согласие на обычный ментальный тест, который осуществляют члены легального сообщества мутантов. Этих «кастратов» терпят, ибо они полезны в борьбе с другими мутантами. Жертва, которую выбрали наугад или прицельно, всего-то должна позволить зондирование своего разума. Раскрыться полностью перед Агентством – и лежать смиренно, пока бой-бабы разбирают ее по косточкам и залезают во все закоулки души. А потом вернуться к себе в офис – совершенно чистым перед законом гражданином, которому ничего не угрожает. Единственно, тут возникал один нюанс: тест еще нужно было пройти. Видное лицо в корпорации не должно было оказаться паракинетиком.

На массивном лбу Эггертона выступила испарина. Это что же, выходит, он себе обиняками сейчас говорит, что он – паракинетик?! Нет, дело не в этом. Дело в принципе. У Агентства нет никаких моральных прав вызывать на зондирование полдюжины человек, чье промышленное объединение составляло костяк ниплановой системы. Вот тут любой руководитель объединения с ним бы согласился. Да, атака на Эггертона – это все равно что атака на само объединение.

Он горячо взмолился о том, чтобы остальное руководство увидело ситуацию в этом свете. Остановил роботакси и приказал:

– В штаб-квартиру промышленного объединения. А если кто-то попытается остановить тебя, прислушайся к пятидесятидолларовой купюре – она приказывает ехать дальше.

Огромный темный зал встретил его эхом. Встреча должна была состояться только через пару дней, так что Эггертон бесцельно бродил в проходах, мимо рядов кресел, предназначенных для технического и конторского персонала, мимо скамей из стали и пластика, на которых сидело руководство. Наконец он дошел до трибуны докладчика. Он остановился перед мраморной кафедрой – на нее падал слабый свет. И его с головой накрыло осознание бесполезности сопротивления: вот он стоит посреди пустого зала – потому что он изгой. Это стало вдруг абсолютно понятно. Кричи не кричи – никто не появится. Никто ему не поможет, никто за него не вступится – потому что Агентство есть законное правительство ниплановой системы. Вступив с ним в схватку, он противопоставил себя социуму. Никакого личного могущества не хватит на то, чтобы победить самое общество.

Он быстро вышел из зала, отыскал дорогой ресторан и наслаждался роскошным ужином. С лихорадочной скоростью он поглощал импортные деликатесы в огромных количествах – по крайней мере, он мог провести свои последние двадцать четыре часа, наслаждаясь жизнью. Он ел и боязливо поглядывал на официантов и других посетителей. Спокойные, даже равнодушные лица – но очень скоро они увидят его номер и фото на экране каждой новостной машины. Откроется великая охота – сотни миллионов охотников бросятся в погоню за добычей. С такими мыслями он закончил ужинать. Потом Эггертон посмотрел на часы и вышел из ресторана. Шесть часов вечера.

Затем где-то с час он швырялся деньгами в элитном борделе – он переходил из комнаты в комнату и едва ли видел лица женщин. Когда он покинул заведение, за спиной бушевал хаос – щедро им оплаченный. Он вышел на улицу и вдохнул свежий воздух. До одиннадцати он бродил по темным, залитым звездным светом паркам, окружавшим жилые кварталы города. Тень среди других размытых теней – сторбленный, руки жалко засунуты в карманы, на душе кошки скребут. Где-то далеко в городе башенные часы излучали временной аудиосигнал. Двадцать четыре часа проходили один за другим, истаявали – и никто не мог остановить бег времени.

В двенадцать тридцать он прекратил бесцельно бродить и попытался взять себя в руки: надо проанализировать ситуацию. Да, надо честно сказать себе: если искать спасения – то только в штаб-квартире. Технический и конторский персонал еще не вернулся домой, но вот большая часть начальства уже наверняка разъехалась по домам. Наручная карта показала, что он удалился от штаб-квартиры аж на десять миль. Ему вдруг стало страшно, и он решился.

И вылетел прямо к зданию. Приземлился на пустой площадке на крыше и спустился в лифте на этаж жилых помещений. Да, нельзя откладывать этот разговор. Сейчас или никогда.

– Заходи, Джон, – радушно пригласил его Таунсенд.

Однако всякая веселость изгладилась с его лица, когда Эггертон кратко описал, что произошло сегодня в офисе.

– Говоришь, они уже отправили тебе последнее предупреждение на домашний адрес? – быстро спросила Лаура Таунсенд. – Она вскочила с дивана и быстро подошла к двери. – Тогда уже поздно что-либо предпринимать!

Эггертон забросил пальто в шкаф и обессиленно рухнул в кресло.

– Слишком поздно? Возможно... возможно – слишком поздно для того, чтобы избежать уведомления. Но я не собираюсь сдаваться.

Таунсенд и остальные руководители объединения столпились вокруг Эггертона. На лицах читались любопытство, симпатия – или холодное веселье.

– Ну ты и влип, – сказал один. – Сказал бы раньше – мы бы сумели что-нибудь предпринять. Но сейчас...

Эггертон почувствовал, как задыхается – казалось, стены комнаты сближались и выдавливали воздух из легких.

– Подождите-подождите, – с трудом выдавил он. – Давайте говорить без обиняков. Мы все в одной лодке. Сегодня возьмут меня – завтра вас. Если меня уничтожат...

– Спокойно, спокойно, – забормотали вокруг. – Тут надо думать головой. А не орать...

Эггертон снова откинулся в кресле, и оно тут же приняло удобную для усталого тела форму.

Да, он бы очень хотел подумать, причем головой.

– С моей точки зрения, дело обстоит следующим образом, – спокойно проговорил Таунсенд, наклоняясь вперед и сплетя пальцы. – Неверно ставить вопрос так: можем ли мы нейтрализовать Агентство? Наше сообщество – экономический блок питания новой системы экономического планирования. Если мы выдернем из-под Агентства опоры – оно рухнет. Подлинный вопрос таков: а мы хотим уничтожить Агентство?

Эггертон свирепо раскашлялся, потом выдавил:

– Боже правый, ты что, не видишь? Тут так: либо они – либо мы! Ты что, не видишь, что они используют эти выборочные проверки, чтобы подкопаться под нас?

Таунсенд посмотрел на него, а потом продолжил, обращаясь к остальным:

– Возможно, мы кое-что упускаем из виду. В конце концов, это *мы* – а не кто-либо другой – способствовали созданию Агентства. То есть промышленное объединение, руководившие им люди, выработали сам принцип выборочной проверки, использования прирученных телепатов, все про последнее предупреждение и охоту на укрывающихся – все, все вещи, которыми мы сейчас руководствуемся. *Агентство существует, чтобы защищать нас*. В противном случае паракинетики размножатся, как сорняки, и задушат нас. Естественно, мы должны не отпускать дела в Агентстве на самотек. В конце концов, это они наш инструмент, а не наоборот.

– Да, – сказал другой руководитель. – Нельзя сажать их себе на шею. Эггертон здесь совершенно прав.

– Мы должны исходить из того, – продолжил Таунсенд, – что в любом случае должен существовать какой-то механизм, чтобы обнаруживать паракинетиков. Если Агентство исчезнет, какая-то другая структура обязана занять его место. А теперь слушай, Джон, что я тебе скажу. – И он обвел Эггертона задумчивым взглядом. – Если ты укажешь нам, на что их можно заменить, – мы тебя выслушаем. Возможно, даже заинтересуемся тем, что ты скажешь. Но если нет – без Агентства не обойтись. Первые паракинетики появились в 2045 году – и только женщины оказались невосприимчивы. Что бы мы ни выдумали – руководить этой организацией будут женщины. И здесь мы снова возвращаемся к концепции нынешнего Агентства.

В комнате повисло молчание.

Где-то в глубине души Эггертона еще теплилась призрачная надежда:

– Но вы же понимаете, что Агентство село нам на шею, правда? – сильным голосом спросил он. – Мы не должны сдаваться, разве нет?

И он беспомощно обвел рукой комнату. Остальные руководители смотрели на него с каменными, непроницаемыми лицами, а Лаура Таунсенд тихонько разливала по наполовину полным чашкам кофе. Она посмотрела на него с молчаливым сочувствием, а потом вернулась на кухню. Вокруг Эггертона сомкнулось холодное молчание. Он с несчастным видом осел обратно в кресло, а Таунсенд продолжил свой монотонный монолог:

– Мне очень жаль. Но ты зря утаил, что выпал твой номер, – сказал Таунсенд. – Если бы пришло первое предупреждение, мы бы могли что-то предпринять, но не сейчас. Если, конечно, мы не хотим решать проблему с помощью силы – а я не думаю, что мы готовы к этому. – И он направил перст указующий на Эггертона: – Вот что, Джон. Ты, похоже, не очень

хорошо представляешь себе, что такое эти паракинетики. Думаешь, что типа таких тихих сумасшедших, которые не в ладах с реальностью.

– Я знаю, что они из себя представляют, – сухо отозвался Эггертон. Но не смог удержаться и добавил: – А что, разве они не люди, которые не в ладах с реальностью?

– Они психи, которые способны свой бред претворять в жизнь. Прямо здесь и сейчас. Они искривляют пространственно-временной континуум вокруг себя, чтобы он соответствовал их безумным идеям. Ты хоть это понимаешь? Паракинетики делают свой бред реальным. Поэтому это не просто бред и галлюцинации... Нет, конечно, если сумеешь далеко отбежать и сравнить искривленное пространство с обычным миром – тогда да, поймешь, что тут что-то не так. Но паракинетик-то этого не знает. У него нет никаких объективных критериев общности и нормальности. Он же от себя отбежать не может – а искривление перемещается вместе с ним. По-настоящему опасные паракинетики полагают, что все кто угодно могут оживать камни, превращаться в животных или преобразовывать базовые минеральные элементы. Если мы позволим паракинетикам жить на свободе, позволим вырасти, размножиться, завести семью, жену, детей, если смиримся с тем, что подобные способности будут передаваться по наследству... что ж, это станет верой группы людей. А потом превратится в социально приемлемую практику.

Любой паракинетик способен создать вокруг себя и своей уникальной способности мини-социум таких же мутантов. Вот в чем опасность-то: со временем непаракинетики могут стать меньшинством! И наша рациональная картина мира будет считаться дурацкой и эксцентричной.

Эггертон облизал губы. От суховатого, медлительного голоса подташнивало – Таунсенд цедил слова, а Эггертона окутывал холод неминуемой смерти.

– Другими словами, – пробормотал он, – вы мне не станете помогать.

– Да, так и есть, – отозвался Таунсенд. – Но не потому что мы не *хотим* тебе помочь. Мы просто полагаем, что Агентство представляет меньшую опасность, чем ты думаешь. А вот паракинетики – вполне реальную. Предложи нам другой способ отыскивать и обезвреживать паракинетиков не задействуя Агентство, – и мы перейдем на твою сторону. А так – извини. – И он наклонился к Эггертону и постучал по плечу тонким костлявым пальцем. – У баб к этой штуке иммунитет, понимаешь? Без них мы как без рук. Так что всем еще повезло... а то не знаю, чтобы мы и делали...

Эггертон медленно поднялся на ноги.

– Всем спокойной ночи, господа.

Таунсенд тоже встал. В комнате повисло напряженное, неприятное молчание.

– Так или иначе, – проговорил Таунсенд, – мы можем приостановить преследование – например, отбить у всякой швали охоту за тобой гоняться. На некоторое время. Время еще есть. Тебя еще не объявили вне закона.

– Что же мне делать? – жалобно спросил Эггертон.

– У тебя есть письменная копия последнего предупреждения, которое тебе вручили?

– Нет! – с отчаянием, на грани истерики, выкрикнул Эггертон. – Я выбежал из офиса до того, как девчонка мне его передала!

Таунсенд задумался:

– А ты знаешь ее имя? Знаешь, где ее можно найти?

– Нет.

– Ну так поспрашивай. Найди ее, пусть она тебе все вручит честь по чести – а потом сдайся на милость Агентства.

Эггертон ошеломленно развел руками:

– Но это же значит, что я на всю жизнь в их ярмо впрягусь!

– Зато жив останешься, – мягко и совершенно бесстрастно проговорил Таунсенд.

Лаура Таунсенд принесла Эггертону дымящийся черный кофе.

– Сливки или сахар? – ласково спросила она, когда сумела встретиться с ним глазами, – или и то и другое? Джон, попей горячего, согрейся – дорога-то впереди долгая...

Девушку звали Дорис Соррел. Проживала она в квартире, записанной на мужа, Харви Соррела. В квартире он не нашел никого: Эггертон превратил дверной замок в кучку золы, пошел внутрь и обыскал четыре крохотные комнаты. Перерыл все выдвижные ящики, повывбрасывал из них одежду и личные вещи – один предмет за другим. Перекопал все в шкафах и сервантах. А в щели мусороприемника за письменным столом нашел то, что искал: не успевшую стореть записку, смятую за ненадобностью. Небрежным почерком записанное имя Джея Ричардса, а также дата, время, адрес и слова: «Если Дорис не слишком устала». Эггертон положил записку в карман пальто и вышел из квартиры.

В три тридцать утра он их нашел. Приземлился на крыше квадратного здания Института торговли и спустился на жилые этажи. Из северного крыла доносились громкие голоса и шум – вечеринка была в самом разгаре. Помолвившись про себя, Эггертон поднял руку и запустил встроенный в дверь анализатор.

Ему открыл красивый, седой, крепко сложенный мужчина под сорок. Легонько помахи-вая бокалом, он тупо смотрел на Эггертона – хозяин явно не понимал что к чему, потому что слишком много выпил и очень устал.

– Что-то я не помню, что приглашал вас... – начал он, но Эггертон просто отодвинул его в сторону и прошел в квартиру.

Там веселилась толпа народу. Люди сидели, стояли, переговаривались и смеялись. Кругом бутылки, мягкие кресла. В комнате висел тяжелый аромат духов. Переливались яркие ткани, меняли цвета стены, роботы разносили закуски, из спален доносилось женское хихиканье, сливающееся в нестройный шум с голосами гомонящих людей... Эггертон сбросил пальто и принялся бесцельно бродить вокруг. Она ведь где-то здесь, здесь. Он переводил взгляд с одного лица на другое, а видел лишь пустые лица, затуманенные алкоголем глаза, раззявленные рты. Потом развернулся, вышел из комнаты и зашел в спальню.

Дорис Соррел стояла у окна и молча смотрела на огни города внизу. Стояла спиной к Эггертону, опершись одной рукой на подоконник.

– О, – пробормотала она, приборачиваясь. – Уже?

И тут она увидела, кто это.

– Я... хочу получить это, – сказал Эггертон. – Мое предписание о явке в двадцать четыре часа. Я готов его взять. Теперь.

– Вы меня напугали. – Дрожа, она отодвинулась от широкого оконного стекла. – Сколько... сколько вы так стоите и смотрите на меня?

– Я только что вошел.

– Но почему? Вы странный человек, мистер Эггертон. Ведете себя... непонятно. – И она нервно хихикнула. – Я совсем вас не понимаю.

Из темноты показалась мужская фигура, мгновенно обрисовавшаяся черным силуэтом в дверном проеме.

– Дорогая, я принес тебе мартини.

Тут он завидел Эггертона, и на лице проступило удивление, а потом злоба:

– Слышь, вали отсюда, парень. Дама тут не одна.

Вся дрожа, Дорис уцепилась за его руку:

– Харви, это человек, которого я сегодня обработала. Мистер Эггертон, это мой муж.

Они очень сдержанно пожали друг другу руки.

– Где оно? – жестко спросил Эггертон. – Оно у вас с собой?

– Ну... да. В сумочке. – И Дорис отодвинулась. – Я пойду принесу. Если хотите, пойдемте вместе. – Она уже взяла себя в руки. – Вот только я не помню, куда я сумочку дела. Харви, ты не помнишь, где она? Ч-черт... – В темноте она ощупью принялась искать сумочку и наконец нашла что-то маленькое и слабо поблескивающее. – Ф-фух, вот она. На кровати.

Она распрямилась и закурила. И смотрела, как Эггертон читает предписание.

– А почему вы вернулись? – спросила она.

Для вечеринки она переделалась в шелковую, едва достигающую до колен тунику и босоножки. На запястьях звенели медные браслеты, в волосах торчал яркий цветок. Правда, цветок уже почти увял, туника помялась и болталась полурасстегнутой, а сама Дорис выглядела до смерти усталой. Она прислонилась к стене спальни и затянулась – помада на губах размазалась, голос звучал равнодушно:

– А какая теперь разница? Вас объявят вне закона через полчаса. Мы ведь предупредили ваш домашний персонал. Господи, я просто без сил, что ж за день такой... – Она нетерпеливо заглядывалась, ища глазами мужа: – Пошли отсюда, – сказала она, когда он подбрел поближе. – Мне завтра на работу.

– Но мы же еще ничего не видели? Забыла про обещанный сюрприз? – сердито отозвался Харви Соррел.

– Да к черту сюрприз! – Дорис вытащила свое пальто из шкафа. – Что за таинственность такая? Господи, мы тут уже пять часов торчим, а он и словом не обмолвился, зачем нас сюда пригласил! Пять часов! С меня хватит! Даже если он вычислил квадратуру круга и усовершенствовал машину времени. Все, уже поздно, и я устала.

Она принялась проталкиваться сквозь толпу в гостиную, Эггертон кинулся следом:

– Подождите, выслушайте меня, – выдохнул он. Ухватил ее за плечо и быстро проговорил: – Таунсенд сказал, что если я вернусь, то могу сдать на милость Агентства! Он сказал...

Женщина стряхнула его ладонь с плеча:

– Да, конечно, можете. Это ваше законное право. – И она сердито обернулась к мужу, который пробирался следом: – Ну ты идешь или нет?

– Иду, иду! – ответил Харви и одарил супругу возмущенным взглядом. Глаза у него были красные и усталые. – Но я намерен попрощаться с Ричардсом. И ты ему уж пожалуйста скажи, что это твоя – а не моя! – идея уйти пораньше. Я не желаю, чтобы он думал, что это я виноват. А если у тебя такие представления о манерах, что тебе даже «до свидания» хозяину дома сказать лень...

Тут от кружка гостей отделился седоватый человек, который впустил Эггертона. Улыбаясь, он подошел к ним:

– Харви! Дорис! Уже уходите? Но вы же еще ничего не видели!

На широком лице отразилось неподдельное разочарование:

– Нет, вы не можете просто вот так взять и уйти!

Дорис уже открыла рот, намереваясь сообщить, что еще как может, но тут в беседу вмешался Харви:

– Слушай, – в полном отчаянии сказал он, – а может, ты нам сейчас покажешь эту свою штуку? Джей, сам-то посуди – разве мы мало прождали?

Ричардс нерешительно помолчал, а потом сдался:

– Ну хорошо, – ответил он.

И вправду, он и так продержал гостей в неведении слишком долго.

Усталые, всякого повидавшие в своей жизни гости оживленно зашушукались – им тоже стало интересно.

Ричардс театральным жестом поднял руки – он все еще намеревался выжать из мизансцены как можно больше:

– Ну что, господа хорошие, момент настал! Пойдемте за мной – оно снаружи!

– А я-то думал, где он держит свою непонятную штуку? – сказал Харви, идя вслед за хозяином. – Пойдем, Дорис.

И он ухватил жену за руку и потащил следом.

Остальные столпились и поплелись через столовую и кухню к задним дверям.

Снаружи их встретил ночной ледяной воздух. Вымораживающий тепло ветер хлестал дрожащих гостей, которые ежась, спускались по черной лестнице в гиперборейскую тьму. Дорис свирепо выдернула руку из руки мужа и налетела на Эггертона – тот шагал за ними. Она быстро продралась сквозь толпу гостей к опоясывающей дворик ограде.

– Подождите, – запыхавшись, проговорил Эггертон. – Выслушайте же меня! И что же, тогда Агентство прекратит меня преследовать? – В голосе, несмотря на отчаянные усилия, прорезались жалобные нотки. – Я могу на это рассчитывать? Уведомление будет считаться недействительным?

Дорис устало вздохнула:

– Да, да. Ну ладно, если вы хотите, давайте поедem в Агентство. Я лично займусь вашими бумагами – а то они еще месяц пролежат, пока их в дело пустят. Но вы знаете, что это значит, правда? Вы будете связаны с Агентством пожизненным контрактом – за то, что вас помиловали. Вы знаете это, не правда ли?

– Да, знаю.

– И вы этого хотите? – В голосе послышалось любопытство. – Мужчина вроде вас... я ожидала другой реакции, если честно.

Эггертон жалобно скривился:

– Таунсенд сказал... – просительно начал он.

Дорис резко перебила:

– Единственно, я хочу знать вот что. Почему вы не откликнулись на первое предупреждение? Пришли бы, прошли тест – и ничего бы этого не случилось!

Эггертон открыл было рот, чтобы ответить. На самом деле он хотел произнести целую речь – о том, что у человека должны быть принципы, а также затронуть такие важные понятия, как свободное общество, права индивидуума, его свободы, надлежащая правовая процедура и вмешательство государства в частную жизнь. Но тут случилось долгожданное событие: Ричардс включил мощные прожектора – он их установил специального для особого случая. Ведь он в первый раз продемонстрировал результат своих трудов публике.

На мгновение установилась потрясенная тишина. А затем все как по команде заорали и бросились прочь. Люди с искаженными ужасом, перекошенными лицами карабкались через ограду, ломались сквозь пластиковую стенку на соседний двор, вываливались туда – а потом на улицу.

Потрясенный реакцией гостей, Ричардс в замешательстве стоял рядом со своим шедевром и явно ничего не понимал. В искусственном белом свете прожекторов скоростной катер выглядел потрясающе – красивый, сверкающий. Он полностью созрел и принял окончательную форму. Буквально полчаса назад Ричардс выскользнул наружу с фонариком, осмотрел его, а потом, дрожа от возбуждения, срезал со стебля. Теперь корабль лежал отдельно от стебля, на котором вырос. Ричардс вывел его на двор, как на сцену, залил полный бак топлива, откинул крышку кабины – одним словом, полностью приготовил к полету.

А на стебле уже готовились раскрыться и только проклюнулись бутоны других катеров. Ричардс поливал растение и удобрял его со знанием дела: ближе к лету можно получить урожай из двенадцати транспортников, не меньше.

По бледным от усталости щекам Дорис текли слезы:

– Ты это видишь? – прошептала она Эггертону. Судя по голосу, ей было горько и очень плохо на душе. – Какой... красивый. Смотри, какой. Видишь – вон он стоит...

С искаженным горем лицом она отвернулась:

– Бедный Джей... Он же сейчас все поймет...

Ричардс стоял, широко расставив ноги, и оглядывал опустевший, полный раздавленного мусора двор. Потом разглядел Эггертона и Дорис и нерешительно двинулся к ним:

– Дорис, – с трудом выдавил он, – что происходит? Что такого я сделал?

И вдруг выражение его лица поменялось. Изумление с него изгладилось, и сменилось животным, голым страхом – он все-таки понял, кто он. И почему разбежались гости. А потом лицо Ричардса стало хитрым-хитрым, а в глазах сверкнула безуминка. Он неуклюже развернулся и потрусил через двор к кораблю.

Эггертон убил его с первого выстрела – пуля вошла в основание черепа. Дорис пронзительно завизжала, а он хладнокровно принялся гасить выстрелами прожектора – один за другим. Двор, расprostертое тело Ричардса, поблескивающий металлом катер – все растворилось в ледяном мраке. Он обхватил девушку, потянул вниз и ткнул лицом во влажный, холодный плющ, обвивавший стену садика.

Она сумела взять себя в руки. Не сразу, но сумела. Дрожа, прижалась лицом к смятой траве и плющу и обхватила себя руками. Дорис раскачивалась – взад-вперед, взад-вперед, бесцельно, словно убаюкивая себя. Долго-долго, пока и на это не осталось сил.

Эггертон помог ей подняться.

– Надо же, сколько лет прошло, а никто и не подозревал. Он просто хотел сделать всем... сюрприз.

– С вами все будет в порядке, – сказала Дорис – так тихо и таким слабым голосом, что он едва слышал ее. – Агентство прекратит преследование. Вы же его остановили.

Ее еще мотало из стороны в сторону. Дорис дрожащими руками принялась нащупывать в темноте сумочку и сигареты. Все разлетелось в стороны.

– А ведь он мог сбежать. И это... *растение*. Что нам с ним делать? – Она наконец-то нашарила сигареты и, трясаясь с головы до ног, прикурила. – Что с ним делать-то?

Их глаза уже привыкли к наползающему ночному мраку. В слабом свете звезд растение едва проглядывало – размытый силуэт в темноте.

– Оно погибнет само собой, – сказал Эггертон. – Это же его галлюцинация. А теперь он мертв.

Напуганные и притихшие, гости принялись стекаться обратно во двор. Харви Соррел нетвердой пьяной походкой вылез из тени и виновато поплелся к жене. Где-то вдалеке завывала сирена. Кто-то уже вызвал робополицию.

– Хочешь составить нам компанию? – дрожащим голосом спросила Дорис Эггертона.

И показала на мужа.

– Мы вместе заедем в Агентство и все уладим. Все поправимо, все будет хорошо. Ну, конечно, пару лет на нас придется поработать – ну и все.

Эггертон отступил от нее:

– Нет, спасибо, – сказал он. – У меня есть еще дела. Может, позже заеду.

– Но...

– Думаю, я уже получил то, что хотел. – И Эггертон нащупал дверь, открыл ее и вернулся в покинутую квартиру Ричардса. – Вот ответ, который мы так долго искали.

Он немедленно набрал номер Таунсенда. Через тридцать секунд в квартире сослуживца уже звонил аппарат. Сонная Лаура растолкала супруга. Эггертон начал говорить, едва увидев лицо Таунсенда на экране.

– У нас есть объективный критерий, – сказал он. – И Агентство нам более не нужно. Мы можем выбить почву у них из-под ног – потому что за нами более нет необходимости присматривать.

– Что? – злобно рявкнул Таунсенд – он еще не совсем проснулся. – Ты о чем вообще?

Эггертон, сдерживаясь изо всех сил, повторил сказанное ранее.

– Тогда кто, черт побери, будет за нами присматривать? – взревел Таунсенд. – Что за чушь ты несешь?

– Мы будем присматривать друг за другом, – терпеливо принялся за разъяснения Эггертон. – Все, без исключения. Мы сами станем друг для друга критерием объективности. Ричардс, к примеру, не мог посмотреть на себя объективно – а я вот смог увидеть, что с ним что-то не так. Хотя я – заметь! – вовсе не из Невосприимчивых. Нам не нужна еще одна общественная надстройка, мы прекрасно справимся с этой задачей сами.

Таунсенд недовольно сморщился, но задумался. Потом зевнул, запахнул пижаму и сонно посмотрел на часы.

– Господи, поздно-то как. Не знаю. Может, ты и прав. А может, и нет. Расскажи мне об этом Ричардсе. Какие у него были паракинетические способности?

Эггертон рассказал.

– Вот видишь? Все эти годы он спокойно работал – и не знал, кто он такой. А мы сразу поняли. – Эггертон радостно возвысил голос: – Мы вернем себе этот мир! Мы станем хозяевами – снова! Всеобщее признание, *consensus gentium* – вот он, наш объективный критерий! Как мы сразу не догадались? По отдельности каждый из нас может ошибаться, но если держаться вместе – ошибки исключены! Просто нужно сделать так, чтобы рано или поздно каждый член общества проходил проверку. Мы должны как-то ускорить процесс, проверять больше людей – и проверять их чаще. Нужно так все организовать, чтобы рано или поздно каждого бы освидетельствовали.

– Я понял, – кивнул Таунсенд.

– Конечно, мы продолжим использовать ручных телепатов – ну, чтобы отслеживать мысли и всякие движения подсознания. Но телепаты больше не будут экспертами – мы займемся этим сами.

Таунсенд покивал со скучным лицом:

– Хорошая идея, Джон.

– Я это понял, как только увидел растение, которое вырастил Ричардс. Я мгновенно понял, что что-то не так – мгновенно и на сто процентов. Так откуда здесь взяться ошибке? Основанный на галлюцинаторном бреде континуум попросту выпирает из реального мира. – Эггертон треснул кулаком по столу, и книга, принадлежавшая Джею Ричардсу, соскользнула и бесшумно приземлилась на толстое ковровое покрытие. – Ты понимаешь, да? Мир паракинетиков и наш мир абсолютно несовместимы! Просто нужно, чтобы продукты деятельности паракинетиков попадались на глаза – и тогда мы сможем сравнить их с нашей собственной реальностью.

Таунсенд подумал. Потом сказал:

– Ладно. Приезжай. Если сумеешь убедить остальных – начнем действовать. – Он явно принял окончательное решение. – Я пойду их будить и соберу у себя.

– Отлично.

И Эггертон быстро потянулся к кнопке отбоя.

– Я уже лечу, спасибо!

Он выскочил из замусоренной, заваленной бутылками квартиры – опустевшая, она смотрелась дико и неестественно. На заднем дворе уже ковырялась полиция – осматривала вянувшее на глазах растение, вызванное на короткий срок к жизни безумным талантом Джея Ричардса.

На крыше Здания Торговли Эггертона встретила ночь, холодная и бодрящая. Он поднялся по лестнице и прислушался – снизу еще доносились голоса, но на самой взлетно-посадочной площадке не было ни души. Он застегнул теплое пальто, вытянул в стороны руки и поднялся с крыши. Он быстро набирал скорость и высоту – через несколько мгновений он уже летел к Питтсбургу.

Он бесшумно несся сквозь ночь, вдыхая полной грудью – вокруг плескался целый океан свежего, чистого воздуха. Эггертон чувствовал себя донельзя довольным. Внутри росло радостное возбуждение. Он и впрямь мгновенно раскусил Ричардса – да и как иначе? Какие тут могли быть сомнения? Человек, выращивающий воздушные катера на заднем дворе, – он кто? Конечно, псих.

Ведь летать гораздо проще так, как он, – взмахивая руками.

Мир таланта

I

Когда он вошел в квартиру, его сразу оглушили голоса людей. Их было много. И цвета были яркие, очень яркие. Неожиданно ворвавшаяся в уши какофония сбивала с толку. В потоке образов, звуков, запахов, перекошенных трехмерных пятен трудно ориентироваться, трудно увидеть то, что за потоком. Поэтому он остановился и замер на пороге. Усилием воли он сумел отдалить от себя мелькание. Бесплезная и лихорадочная человеческая деятельность стала понемногу упорядочиваться.

– Что такое? – резко спросил отец.

– То, что мы предвидели полчаса назад, – сказала мать, когда они поняли, что их сын восьми лет от роду ответить не сможет. – Надо бы вызвать кого-нибудь из Корпуса. Пусть протестируют его.

– А я не верю Корпусу. И нам так или иначе придется еще двенадцать лет всем этим заниматься. А если мы и к этому времени не поймем...

– Поговорим об этом потом.

Она наклонилась и жестко выговорила:

– Тим, заходи. Поздоровайся с гостями.

– Пожалуйста, попытайся ориентироваться... исходя из объективных данных, – мягко добавил отец. – Хотя бы до конца вечера. Пока гости не разойдутся.

Тим молча прошел через толпу в гостиной, не обращая внимания на разнообразные перекошенные пятна. Он шел, наклонившись вперед, чуть склонив голову в сторону. Родители за ним не пошли – их перехватил хозяин дома, а потом окружили гости – среди них были и Нормы, и Пси.

В общем шуме и гаме о мальчишке забыли. Он обыстро обошел гостиную, с удовлетворением констатировал, что здесь ничего не существует, а потом свернул в боковой коридор. Механический помощник открыл ему дверь спальни, и он вошел.

В спальне пусто – вечеринка только что началась. Он усилием воли убрал звуковой фон и признаки движения из числа раздражителей. Все слилось в неразличимое мелькание и гул. Слабый запах духов плыл по шикарным апартаментам – его разносил повсюду теплый, похожий на терранский, искусственный воздух, нагнетаемый насосом из центральной городской воздухопроводной системы. Мальчик приподнялся и вдохнул сладкие запахи – цветов, фруктов, специй... и чего-то еще.

Ему пришлось дойти до этой спальни, чтобы понять, чем пахнет. Но здесь обоняние четко выделило *это* – кисловатый, как у испортившегося молока, запах. Он рассчитывал на это предупреждение. И да, то, что он искал, действительно находилось в спальне.

Он осторожно заглянул в шкаф. Механический выборатель тут же предложил ему одежду, но мальчик не обратил на него внимания. Из открытого шкафа пахло сильнее. Другой находился либо рядом со шкафом, либо непосредственно в нем.

Под кроватью?

Он присел и заглянул туда. Никого. Мальчик распластался на полу и заглянул под металлический рабочий стол Фэйрчайлда – типичный предмет мебели в квартирах Колониальных сотрудников. Здесь пахло сильнее. Он почувствовал одновременно страх и возбуждение. Вскочил на ноги и отодвинул стол от гладкой пластиковой стены.

Другой висел на стене в черной тени – там, где стоял стол.

Это был Правый Другой, конечно. Он всего один раз видел Левого – и это длилось не более секунды. Другой еще не сумел полностью синхронизироваться. Мальчик осторожно отступил, понимая, что без его сотрудничества существо так и останется здесь. Другой спокойно наблюдал за его действиями, понимая, что ему не помогут. Но поделать ничего не мог. Он даже в контакт вступить не пытался – потому что его никогда не удавалось установить.

Тиму ничего не угрожало. Он замер и долго рассматривал Другого. Вот она – возможность побольше узнать. Их разделяло пространство, а соединяли лишь зрительный образ и запах – крохотные испаряющиеся частицы.

Он не смог идентифицировать этого Другого – многие были настолько похожи, что они казались частями единого целого. А иногда Другой оказывался совершенно ни на что не похожим. Может, там, с другой стороны, специально пробовали разные их виды – в надежде, что хоть какой-то сумеет добраться?

И тут его осенило. Вот, к примеру, все эти люди в гостиной. Нормы, Пси-класс – и даже Немые, к которым принадлежал сам Тим. Они ведь со своими Другими пришли к напряженному, но рабочему равновесию. А ведь странно – так их Левые окажутся сильнее его собственного Левого... конечно, если не произойдет так, что количество Правых уменьшится, а Левых – вырастет.

А что если число Других конечно?

Он вернулся в кипящую лихорадочной активностью гостиную. Люди бормотали и кружились вокруг, со всех сторон к нему подступали непрозрачные яркие, веселых цветов тени, доносились теплые запахи, такие близкие, что дыхание останавливалось. Пожалуй, придется обратиться за дополнительными сведениями к матери и отцу. Он уже сопоставил показания исследований, которые содержались в учебных передачах Солнечной системы – но безрезультатно. Схема не работала.

– Ты куда ушел? – спросила мать, на мгновение отвлекаясь от оживленной беседы с компанией сотрудников-Нормов – их было так много, что они полкомнаты перегородили.

Потом она заметила, какое у него выражение лица.

– Ого, – сказала она. – Даже здесь?

Ну что за вопрос, в самом деле? Какая разница где. Разве она не знала? Мда, ничего не получается. Он собрался и сосредоточился, обдумывая ситуацию. Нужна помощь. Без содействия извне он ничего не поймет. Но вот что делать с полнейшей словесной непроходимостью? И в чем здесь загвоздка – в правильном выборе слов или в чем-то еще?

Он еще побродил по гостиной. Через тяжелую завесу человеческих запахов настойчиво проникал слабый запах плесени. Другой никуда не ушел – он так и сидел, затаившись в темноте, там, где раньше стоял стол, в полумраке пустой спальни. Он ждал, что Тим вернется. Вернется и сделает еще два шага навстречу.

Джули смотрела, как ее сын восьми лет от роду уходит прочь. Личико серьезное-пресерьезное. И озабоченное.

– Надо бы за ним присмотреть, – сказала она мужу. – Я предвижу, что его способности создадут напряженную ситуацию.

Кертис тоже это уловил, но продолжил разговор с Нормами, окружившими двоих Провидцев.

– Что вы будете делать, – сурово спросил он, – если они и впрямь атакуют? Вы знаете, что Большая Макаронина не в состоянии остановить град робоправляемых реактивных снарядов. Ну, совсем немного разве что, в порядке эксперимента. И это если мы его с Джули за полчаса предупреждаем...

– Это правда, – согласился Фэйрчайлд, почесывая серый нос и поглаживая щетину под губой. – Но я не думаю, что они начнут открытые военные действия. Это равно признанию того, что мы близки к цели. В таком случае мы сразу выйдем из тени и начнем действовать легально. К примеру, соберем всех членов Пси-класса и... – тут он устало усмехнулся, – и попросим их мысленно перенести Солнечную систему куда-нибудь за Туманность Андромахи.

Кертис слушал и не возражал – ему часто такое высказывали. Пока они с Джули ехали на вечеринку, оба предвидели ее течение: бесполезные споры, странное поведение. Жена предвидела на большее, чем он, время. Так что сейчас она заглядывала в будущее дальше. Кертис задумался, по какой причине у нее сейчас такое обеспокоенное и расстроенное лицо.

– Боюсь, – процедила Джули, – что до того, как мы попадем домой сегодня вечером, мы поспоримся. Но несильно.

Ну, это он тоже видел.

– Дело в обстановке, – сказал он, отмахиваясь от разговора на эту тему. – Здесь все на грани нервного срыва. Сегодня не только мы с тобой поругаемся...

Фэйрчайлд сочувственно прислушивался к их беседе:

– Я смотрю, быть провидцем не так уж и здорово... Слушайте, а вы разве не можете изменить будущее? Ну, к примеру, вы же понимаете, что сейчас поскандалите, да?

– Конечно, можем, – ответил Кертис. – Точно так же, как с вами: мы поставляем вам преинформацию, а вы ее используете, чтобы изменить ситуацию с Террой. Просто мы с Джули как-то не заикливаемся на этом. Слишком много ментальных усилий требуется, чтобы предотвратить такое... а у нас банально не хватает сил.

– Я бы очень хотела, чтобы мне разрешили показать его людям из Корпуса, – тихо сказала Джули. – Не могу я смотреть на то, как он бродит, заглядывает под столы и в шкафы, выискивает там бог знает что!..

– Он ищет Других, – сказал Кертис.

– Да какая разница!

Фэйрчайлд, как прирожденный модератор, тут же вмешался:

– У вас двенадцать лет впереди, – сказал он. – Нет ничего стыдного в том, что Тим пока останется в классе Немых. Все Пси начинают с этого. Если у него есть способности псионика, они проявятся.

– Ты говоришь как Провидец с неограниченной дальностью, – насмешливо проговорила Джули. – Откуда ты знаешь, что они проявятся?

Добродушное лицо Фэйрчайлда скривилось от мысленных усилий. Бедняга, подумал Кертис. Слишком много ответственности, слишком много решений, которые мог принять только он один, слишком много вверено ему жизнью. До Отделения от Терры он был сотрудником с четко сформулированными рабочими обязанностями, чиновником, который действовал в соответствии с прописанными служебными полномочиями. А теперь некому отстучать межсистемный меморандум с утраца в понедельник. Бедняге Фэйрчайлду приходится работать без инструкций.

– Давай сходим посмотрим на твою штуковину, – сказал Кертис. – Мне любопытно узнать, как она все-таки работает.

Фэйрчайлд едва рот не открыл от изумления:

– Но, черт побери, как... – И тут он вспомнил: – Ну да, ты же, наверное, это предвидел. И он принялся копаться в карманах пальто. – Я вообще-то хотел всем сюрприз сделать, но когда двое провидцев в гостях – какие сюрпризы...

Остальные сотрудники из Норм-класса столпились вокруг начальника, который развернул квадрат парчи и высоко поднял маленький блестящий камень. Все примолкли из любопытства, а Фэйрчайлд поднес камень к глазам и пристально осмотрел его – ни дать ни взять ювелир, изучающий драгоценный бриллиант.

– Какое хитроумное изобретение, – одобрительно заметил Кертис.

– Спасибо, – отозвался Фэйрчайлд. – Уже со дня на день их начнут забрасывать пачками. Камень блестящий, чтобы детям нравилось. Ну и людям из низших классов – они же падки на всякие безделицы. Думают, что разбогатеют и все такое. Ну и женщин блеск привлекает, конечно. И вообще всех, кто увидит сверкающую штучку, нагнется и решит, что это бриллиант. Ну кроме Ремонтников, конечно. Я вам сейчас покажу, как оно работает.

И он оглядел нарядно одетых гостей, затихших в выжидательном молчании. Рядом стоял Тим – чуть вывернув голову. Фэйрчайлд поколебался с мгновение, а потом взял и бросил камушек на пол – прямо у ног ребенка. Кристалл мягко стукнулся о ковровое покрытие, но мальчик даже глазом не повел. Он с отсутствующим видом смотрел куда-то сквозь толпу, а блестящий предмет его нисколько не интересовал.

Кертис выдвинулся вперед, пытаясь замять неловкость:

– Ох, тут должен быть камень величиной с космический корабль.

И он наклонился и поднял кристалл.

– Увы, Тима не интересуют такие приземленные вещи, как пятидесятикаратные бриллианты.

Фэйрчайлд ввиду такого провала упал было духом, а потом вдруг просиял:

– Ха, так на Терре больше нет Немых! Слушайте и скажите, что вы думаете о том, что мы туда наболтали. Между прочим, я тоже руку к этому приложил!

Камень охлаждал руку Кертиса. В ушах зазудело комаром – и послышалась выверенная, модулированная каденция звуков. Вокруг зашевелились и забормотали.

«Друзья, – забормотала запись, – причины конфликта между Террой и Центаврианскими колониями получили в прессе крайне необъективное освещение».

– На детей, говорите, рассчитано? Вы это серьезно? – поинтересовалась Джули.

– Может, он думает, что терранские дети – более продвинутые, чем наши», – ответил кто-то из Пси-класса.

Вокруг захихикали.

Тоненький писклявый голос продолжал вещать: камушек сыпал юридическими аргументами, идеалистическими лозунгами и жалкими мольбами. Кертис бесило именно это – жалостливое скуление. Упрашивание. Зачем это Фэйрчайлду? С чего становиться на колени и умолять терранцев? Он слушал, а Фэйрчайлд стоял с крайне довольным видом, сложив руки на груди и попыхивая трубочкой. Похоже, Фэйрчайлд не понимал, что записанным словам не хватает... веса.

И тут Кертис понял: а ведь никто – даже он сам – не желает посмотреть в глаза правде. Не желает признать, что движение за Отделение слабо, если не сказать, бессильно. И нечего винить стыдный писк, доносящийся из псевдобриллианта. Любое добросовестное описание положения в колониях отразило бы истинное положение дел: все ворчат и боятся, и таковы господствующие настроения.

«Давно известно, – заявил камушек, – что свобода есть природное состояние человека. Рабство, угнетение одного человека другим или насилие одной группы людей над другой – это пережиток прошлого, порочный анахронизм. Люди имеют право на самоопределение».

– Очень странно слышать, как это говорит камень, – с невеселой улыбкой проговорила Джули. – Ведь это просто неодушевленный предмет.

«Вам рассказывали, что зародившееся в колониях движение, требующее выхода из федерации, подвергнет опасности ваши жизни и изменит их качество. Это неправда! Напротив, уровень жизни всех людей только поднимется, если планеты-колонии получат право на самоуправление и экономическую свободу. Нынешнее отношение терранского правительства к терранцам, проживающим вне Солнечной системы, – насквозь корыстное, эгоистическое...»

– А дети отнесут это домой, – сказал Фэйрчайлд. – И камень заберут родители.

Кристалл, между тем, продолжал нудеть:

«Колонии не могут оставаться сырьевыми придатками Терры и рассматриваться исключительно в качестве источника снабжения и дешевой рабочей силы. Колонисты не должны оставаться гражданами второго сорта. У колонистов есть право на создание собственного общества – как и у тех, кто остался жить в пределах Солнечной системы. Вот почему Колониальное правительство подало Терранскому петицию, в которой запросило разорвать прежние связи, дабы каждый из наших народов следовал собственному предназначению».

Кертис и Джули переглянулись. Сухой академический текст, словно бы выдернутый из учебника или диссертации, повис в воздухе мертвым грузом. Неужели этого человека колонии избрали главой движения сопротивления? Полноте, это ж педант, чиновник на зарплате, бюрократ и – да, Кертис все-таки так подумал – человек, не обладающий способностями психоника. Человек из... Нормальных.

Фэйрчайлда к разрыву с Террой, наверное, сподвигла какая-нибудь неправильная формулировка в директиве. И никто – возможно, за исключением телепатов Корпуса – не знал, почему он так поступил и как долго собирался следовать прежнему курсу.

– Ну, что скажете? – поинтересовался Фэйрчайлд.

Камень уже завершил монолог и принялся проигрывать его снова.

– Мы засыплем планеты Солнечной системы этими штуками! Вы же знаете, что про нас говорят в терранской прессе – там одна сплошная безобразная ложь! Что мы хотим захватить Сол, что мы отвратительные захватчики из дальнего космоса, чудовища, мутанты, уроды. Нам нужно что-то противопоставить их пропаганде.

– Ну, – сказала Джули, – треть из нас – мутанты. Почему бы не сказать себе правду? Вот мой сын, к примеру. Он же самый настоящий мутант.

Кертис взял ее за руку:

– Не называй так Тима, я не позволю!

– Но это же правда! – И она выдернула ладонь. – Были бы мы на планете Солнечной системы – в смысле, если бы не отделились вовремя, – мы бы с тобой оказались в лагере для интернированных! Сидели бы и ждали, когда нас... ну, ты понял.

И она яростно ткнула пальцем туда, где стоял сын.

– И никакого Тима у нас бы не было.

Из угла комнаты вдруг подал голос человек с острым лицом:

– Мы бы не оказались в Солнечной системе. Мы бы с ними порвали – сами! Без чьей-либо помощи! Фэйрчайлд к этому никакого отношения не имеет! Мы просто захватили его с собой. Пусть не забывают, кто есть кто!

Кертис мрачно оглядел говорившего. Рейнальдс, глава корпуса телепатов. Как всегда, пьян. Пьян и брызгает ядовитой слюной в адрес Нормов.

– Такое возможно, – решил не обострять Кертис. – Вот только сколько бы это заняло времени? Сдается мне, что прилично.

– И ты знаешь, и я знаю, почему Колонию еще не стерли с лица земли, – ответил Рейнольдс.

На раскрасневшемся от выпитого лице расплылась насмешливая и надменная улыбка:

– Сколько эти чинуши продержатся без Большой Макаронины и Салли, без вас двоих, без Корпуса и остальных? Не врите себе – не нужны нам эти юридические тонкости и бухгалтерские уловки. Мы победим не потому, что станем благочестиво кивать на какие-то там свободу, равенство и братство. Мы победим потому, что на Терре нет психоников.

Обстановка в гостиной разом перестала быть сердечной и дружелюбной. Гости из числа Нормов сердито зароптали.

– Смотри, – сказал Фэйрчайлд Рейнольдсу. – Ты все еще человек. Да, ты умеешь читать мысли, но то, что у тебя есть такой талант, не значит...

– Не надо мне нотаций читать, – отрезал Рейнольдс. – Тупоголовые не будут мне указывать, понял?

– Ты забываешься, – тихо сказал ему Кертис. – Дождешься, что кто-нибудь тебе как следует врежет. Фэйрчайлд не сможет – глядишь, у меня получится.

– Ты достал меня – ты и твой Корпус, вечно суетесь, куда не просят, – прорычал Воскрешатель из числа псиоников и схватил Рейнольдса за ворот. – Ты что же думаешь, вы круче всех, потому что можете ментальные усилия объединять? Думаешь...

– Руки убери, – очень гадким голосом сказал Рейнольдс.

Упал на пол и разбился бокал, одна из женщин закричала и забилась в истерике. Мужчины дрались, к схватке присоединился третий, и в мгновение ока в середине комнаты закрылся целый вихрь обиды, злобы и возмущения.

Фэйрчайлд громко крикнул, призывая гостей к порядку:

– Бога ради, одумайтесь! Если мы будем драться друг с другом – нам точно конец! Неужели вы не понимаете – мы должны сообща делать дело!

Крик и шум улеглись не скоро. Бледный от злобы Рейнольдс протолкался мимо Кертиса, бормоча едва слышные оскорбления.

– С меня хватит, я ухожу!

За ним с непреклонным видом потянулись остальные Телепаты.

Машина быстро мчала их с Джули сквозь синеватую тьму. А в голове у Кертиса все вертелся и не желал забываться один пассаж из пафосного пропагандистского монолога Фэйрчайлда:

«Вам сказали, что победа Колоний будет означать победу псиоников над нормальными людьми. Но это не так! Отделение планировали и осуществляли не псионики и не мутанты! Мятеж представлял собой одновременную и спонтанную реакцию всех классов колонистов!»

– А вот интересно, – задумчиво проговорил Кертис. – А может, Фэйрчайлд ошибается. Может, псионики его контролируют, а он ничего и не подозревает. Но вообще, он мне нравится. Хотя он и дурак, каких мало.

– Да, он глупый, – согласилась Джули.

В салоне машины стояла густая темнота, и кончик сигареты вспыхивал в ней подобно яркому угольку разгорающегося гнева. На заднем сиденье спал Тим – его убаюкало тепло и урчание двигателя. За окном крохотной наземной машины проплывали бесплодные каменистые пустоши Проксимы III – бесконечные, туманные, чужие и враждебные. Изредка попадались возведенные человеком здания и проложенные им дороги, поля и элеваторы.

– Я не доверяю Рейнольдсу, – продолжил Кертис, прекрасно зная, к чему приведет этот предвиденный обоими диалог. Но он не хотел избегать разговора. – Рейнольдс умный, бессовестный и честолюбивый мерзавец. Его интересуют только престиж и статус – больше ничего. А вот Фэйрчайлд заботится о благе Колонии. И он и вправду верит в свободу и равенство и вообще все, что надиктовал в камни.

– Но это же чепуха! – презрительно бросила Джули. – Терранцы обхохочутся! Я еле выслушала все это – и каких усилий мне стоило не засмеяться, ты бы знал! А ведь – бог его знает, – но здесь на кону наши жизни!

– Ну, – осторожно сказал Кертис, понимая, во что ввязывается, – может, на свете есть Терранцы, наделенные чувством справедливости – в отличие от вас с Рейнольдсом.

И он развернулся к жене:

– Я знаю, что ты сделаешь, и ты тоже знаешь то же самое обо мне. Может, ты и права, и нам пора разойтись. Мы десять лет вместе – немаленький срок, когда чувства уже угасли. А кроме того, это не мы придумали.

– Нет, не мы, – согласилась Джули.

Она затушила сигарету и тут же прикурила другую.

– Если бы только... если бы здесь был еще один мужчина-провидец. Ну хотя бы один. И я никогда Рейнольдсу этого не прощу, никогда. Это же он все придумал... А мне не следовало соглашаться. Ради славы нашей расы! Все выше и выше и выше поднимем мы знамя Пси! Мистическая свадьба двух первых настоящих Провидцев в человеческой истории... И посмотри, каков плод этого брачного союза!

– Заткнись, – отрезал Кертис. – Он не спит и может услышать.

Джули горько отозвалась:

– О да, он может услышать. Услышать – но не понять. Мы хотели знать, каким будет второе поколение – ну вот, узнали. Провидец плюс провидец дает урода. Бесплезного мутанта. Нелюдя – давай не будем себя обманывать. «Н» на его карте означает «нелюдь».

Кертис сжал пальцы на руле:

– Это слово я не позволю употреблять ни тебе, ни кому бы то ни было еще.

– Нелюдь! – и она наклонилась ближе, зубы сверкнули в белом свете приборной доски, глаза вспыхнули. – Возможно, Терранцы правы – может быть, провидцев и впрямь нужно стерилизовать. Или уж сразу убивать. Уничтожать – чтобы духу их не осталось. Я думаю...

И она осеклась. Не захотела заканчивать фразу.

– Говори, – сказал Кертис. – Думаешь, когда мы победим и установим свою власть в колониях, мы должны поддерживать и оставлять в живых не всех. А Корпус, понятное дело, будет контролировать процесс.

– Мы должны отделить зерна от плевел, – сказала Джули. – Сначала отделить Колонии от Терры. Потом нас от остальных колонистов. И если выбор падет на него, то даже если это мой сын...

– Знаешь, чем ты сейчас занимаешься? – резко перебил ее Кертис. – Ты выносишь суждение о людях, исходя из их практической ценности для общества. Тим для социума бесполезен, поэтому незачем оставлять его в живых, правда?

Давление поднималось, но ему уже было не до того.

– Будем спаривать людей, как скотов. У человека нет права на жизнь. Жизнь – это привилегия, которой мы изредка позволяем ему пользоваться – если на то будет наша воля.

Кертис вел машину по пустому шоссе.

– Ты слышала, как Фэйрчайльд кудахчет насчет свободы и равенства. Так вот, он в это верит. И я верю. И я также верю в то, что Тим – и все остальные – имеют право существовать, вне зависимости от того, насколько полезен его талант. И даже вне зависимости от того, есть ли у него талант.

– У него есть право на жизнь, – согласилась Джули. – Но помни – он не такой, как мы. Он – диковина, выбракованная порода. У него нет наших способностей, наших... – и она помялась и вдруг торжествующе выдала: –...исключительных способностей!

Кертис притормозил у обочины. Остановил машину и открыл дверь. Давящий, сушащий легкие воздух тут же ворвался внутрь.

– Ты поезжай домой, – и он наклонился над задним сиденьем и растолкал Тима.

– Пойдем, малыш. Мы выходим.

Джули пересела за руль.

– Когда тебя ждать дома? Или у тебя все предусмотрено? А то смотри, мало ли что. Может, к ней очередь из таких, как ты, уже стоит...

Кертис вылез из машины и захлопнул за собой дверь. Он взял сына за руку и повел к эстакаде, которая черным монолитом вырисовывалась в темноте ночи. Они поднялись по ступенькам, и он услышал, как взревел двигатель машины, уносящейся по шоссе в направлении дома.

– Где мы? – спросил Тим.

– Ты знаешь это место. Я тебя туда каждую неделю привожу. Это Школа, в которой тренируют людей вроде тебя или меня. Место, где мы, псионики, учимся.

II

Вокруг них зажегся свет. От главного входа отходило множество коридоров, подобных металлическим стеблям лозы.

– Ты можешь здесь остаться на несколько дней, – сказал Кертис сыну. – Ты сможешь выдержать разлуку с матерью? На несколько дней?

Тим не ответил. Он опять погрузился в свое обычное молчание и просто шел вслед за отцом. Кертис подивился про себя: как мальчику удастся так глубоко уйти в себя – это же видно – и в то же время оставаться начеку? Ответом служил каждый дюйм напряженного молодого тела. Тим ушел в себя, избегая контакта с людьми. Но он поддерживал практически принудительный контакт с другим миром – точнее, с одним из других миров. И в этом мире людей не было – хотя в нем тоже присутствовали вполне реальные вещи.

Как Кертис уже предвидел, сын вдруг развернулся и пошел в сторону. Побежал по боковому коридору. Он смотрел, как Тим с тревожным лицом дергает за ручку дверь в кладовку, пытаясь открыть.

– Ну ладно, – со вздохом сказал Кертис. Он подошел к сыну и открыл дверь своей карточкой. – Видишь? Здесь ничего и никого нет.

У мальчика талант провидца отсутствовал начисто – это было видно по лицу. Его затопило выражение невероятного облегчения. У Кертиса при виде этого сжалось сердце. У них с Джули такой ценный дар – и надо же, сын его не унаследовал. Кем бы он ни уродился, он уродился не провидцем, это сто процентов.

Время было далеко за полночь – начало третьего, но во внутренних отделениях Школы все еще кипела жизнь. Кертис мрачно поздоровался с парой телепатов из корпуса – те заседали в баре, обставленные бутылками пива и пепельницами.

– А где Салли? – резко спросил он. – Я хочу пройти внутрь и увидеться с Большой Макарониной.

Один из Телепатов лениво ткнул большим пальцем в сторону:

– Да где-то тут. Вот в ту сторону идти, к детским комнатам. Правда, она уж, наверное, спать легла. Время-то позднее... – и он оглядел Кертиса, все еще вспоминая свой разговор с Джули. – Тебе надо избавиться от такой жены, да поскорее. Она слишком старая и слишком худая. Тебе бы завести полненькую смазливую молодку...

Кертис мысленно хлестнул его злостью – и с удовлетворением наблюдал, как ухмылка сползает с молодой лощеной рожи и сменяется холодным и враждебным выражением.

Другой Телепат резко выпрямился и заорал вслед Кертису:

– А когда со своей бабой разберешься, пошли ее к нам, мы ее тут того! Займемся ею как надо!

– Я так понимаю, что тебе нужна девушка примерно двадцати лет от роду, – сказал другой Телепат, запуская Кертиса в тихий коридор погруженного в сон детского крыла. – Волосы темные – поправь меня, если я ошибаюсь, – глаза тоже темные. У тебя в голове очень отчетливый образ. Возможно, такая девушка даже существует. Давай-ка посмотрим... Так, она невысокая, очень симпатичная, и ее зовут...

Кертис выругался про себя: положение обязывало открывать разум членам Корпуса. Телепаты поддерживали связь друг с другом – по всем колониям и уж точно внутри Школы и в колониальном правительстве. Он сильнее сжал ладонь Тима и повел его к двери.

– Слушай, а мальчишка твой, – сказал телепат вслед Тиму, – странный какой-то. Проба странная выходит. А можно я глубже пролезу?

– Держись подальше от головы моего сына, – отрезал Кергис.

И захлопнул дверь за Тимом. Конечно, дверь ни от чего не закрывала, но ему стало полегче, когда огромное железное полотно двинулось и встало на место. Он подтолкнул Тима в узенький коридор и завел в крохотную комнату. Тим тут же принялся рваться – его внимание привлекла боковая дверь. Кергис яростно дернул его к себе:

– Там ничего нет! – грубо одернул он сына. – Там туалет! Вот и все!

Тим продолжил тянуть его в сторону. И все еще дергался, когда на пороге появилась Салли. Она как раз подвязывала пояс халата, лицо припухло со сна.

– Здравствуй, мистер Перселл, – поприветствовала она Кергиса. – Здравствуй, Тим.

Зевнув, она включила торшер и плюхнулась в кресло.

– Чем могу быть полезна в столь позднее время?

Салли тринадцать, она высокая и нескладная, у нее желтые, цвета кукурузы волосы и веснушки на носу. Она сонно покусывала заусенец и зевала. Мальчик сел напротив. Чтобы развеселить его, она оживила пару перчаток, мирно лежавших на тумбочке. Тим радостно рассмеялся, глядя, как перчатки осторожно подползли к краю стола, слепо пошевелили пальцами и принялись осторожно спускаться на пол.

– Отлично, – проговорил Кергис. – Ты совершенствуешься. Надеюсь, занятия не прогуливаешь.

Салли пожала плечами.

– Систер Перселл, здесь, в Школе, меня не могут научить ничему. Вы же знаете, что я – самый мощный Пси по части оживления. Они просто дают мне работать самостоятельно. На самом деле я даю задания малышам, они еще совсем Немые. Но из них может выйти толк. Я думаю, что из пары может получиться что-то стоящее. Если будут тренироваться, конечно. А они... ну, они меня, конечно, подбадривают и все такое. Ну вы сами знаете: психологические консультации всякие, витамины, свежий воздух. Но учить им меня нечему.

– Они могут научить тебя, насколько ты важна сама по себе, – сказал Кергис.

Он предвидел эту беседу – естественно. Последние полчаса он обдумывал несколько разных стратегий ведения диалога, отверг их одну за другой и в конце концов остановился на этой.

– Я хочу увидеться с Большой Макарониной. А для этого пришлось разбудить тебя. Ты знаешь почему?

– Конечно, знаю, – ответила Салли. – Ты его боишься. А поскольку Макаронина боится меня, ты хочешь, чтобы я присутствовала при встрече. – Она отпустила мысль перчатки, и они безвольно поникли. Поднялась на ноги и сказала: – Что ж, пошли.

Он много раз уже видел Макаронику, но так и не привык к его виду. Вот и сейчас Кергис пребывал в благоговейном ужасе – хотя предвидел эту сцену! Он стоял перед платформой. Смотрел, молча и потрясенно. Как всегда.

– Толстый он, – буднично сообщила Салли. – А если похудеет, долго не протянет.

Макаронина стекал с огромного кресла (его специально сконструировали для него в Департаменте Технологий), подобно серому, болезненно склизкому пудингу. Глаза он держал полузакрытыми, мясистые руки безвольно свисали вдоль боков. Тесто ползло и стекало и висело складками на подлокотниках кресла и по бокам. Яйцевидный череп окружала бахрома мокрых, тонких волосиков, спутанных, как мертвые водоросли. Ногтей не видно – слишком толстые пальцы. Не пальцы, а сосиски какие-то. Зубы все гнилые и черные. Маленькие бледно-голубые глазки тускло блеснули – он узнал Кергиса и Салли, но жирное тело даже не колыхнулось.

– Отдыхает, – пояснила Салли. – Недавно поел.

– Привет, – сказал Кергис.

Толстые, как два розовых мясных рулета, губы пошевелились, и из провала рта донеслось ответное сердитое ворчание.

– Не нравится ему, когда так поздно приходят, – сказала Салли и раззевалась. – Я его понимаю, ага.

И она принялась бродить по комнате, забавляясь с бра на стенах. Лампочки тщетно ворочались в термостойком пластике, пытаясь выдраться и улететь.

– А вообще, ну чушь же, мистер Перселл, извините меня, конечно. Вот телепаты – они не дают терраанским агентам сюда проникнуть и посмотреть, что вы тут против них учиняете. Но вы же таким образом помогаете Терре, разве нет? Если бы у нас не было Корпуса, который за всем приглядывает...

– Я не даю Терраанцам напасть, – промямлил Большая Макаронина. – У меня есть стена, я все отворачиваю.

– Ты можешь развернуть снаряды, – сказала Салли, – но ты не можешь воспрепятствовать проникновению агентов. Терраанский агент, чтоб ты знал, в любую минуту здесь может оказаться. А ты и не поймешь. Ты просто большой тупой комок жира, вот ты кто.

А ведь точно сказано. Но эта гора колышущегося жира была краугольным камнем защитной системы Колоний. И – заодно – самым талантливым Пси. Большая Макаронина – центр и средоточие движения за Отделение... и живой символ разъедающих его изнутри проблем.

Большая Макаронина обладает практически неограниченной паракинетической мощью – но она заключена в тело с разумом идиота-трехлетки. Точнее говоря, он был одаренным идиотом. Его легендарная мощь сожрала личность, поглотила ее, и личность усохла и деградировала. Он мог бы давным-давно уничтожить Колонии, вычеркнуть их из жизни – но в нем жили только страх и желания тела. И никакой хитрости. Большая Макаронина совершенно беспомощен и безволен и полностью зависит от приказов Колониального Правительства. Он сидит и мрачно и тупо боится Салли. До смерти.

– А я съел целую свинью!

И Макаронина попытался выпрямиться, рыгнул и попытался отереть рот – получилось плохо.

– Даже двух свиной я съел, вот. Прямо в этой комнате, совсем недавно. А захотел бы – мне бы еще принесли.

Колонисты в основном питались искусственно выращенными протеиновыми соединениями. Макаронина не отказывал себе ни в чем – но за это расплачивались остальные.

– Свинью, – с важным видом продолжил рассказ Макаронина, – аж с Терры привезли. А вчера вечером я целый выводок диких уток съел. А перед этим какое-то животное с Бетельгейзе IV. У него нет имени, оно просто бегаёт и ест.

– Прямо как ты, – сказала Салли. – Только ты не бегаешь никуда.

Макаронина захихикал. На мгновение гордость пересилила страх перед девочкой.

– А хотите конфеток? – предложил он.

И на них градом посыпались шоколадки. Кертис и Салли отступали – они все сыпались и сыпались неостановимым потоком. В потоке конфет попадались куски каких-то аппаратов, коробок, детали пульта управления, торчащий сколами кусок бетонного пола.

– Кондитерская фабрика на Терре, – радостно сообщил Большая Макаронина. – Я хорошо прицелился – вот!

Тим очнулся от своей созерцательной дремы. Нагнулся и зачерпнул целую горсть конфет.

– Давай, – подбодрил Кертис сына. – Ты их можешь также...

– Только мне положены шоколадки! – в ярости взревел Большая Макаронина.

Конфеты исчезли.

– Я их обратно отправил, – капризным голоском пояснил он. – Это все – мое! А вам не дам.

На самом деле Макаронина не был злым. Просто в нем говорил детский эгоизм. Природная сила позволяла ему физически овладеть любым предметом во вселенной. Он до всего – абсолютно всего – мог дотянуться своими раздутыми ручищами. Даже до Луны – он и ее мог снять с неба. К счастью, большая часть предметов его попросту не интересовала, поскольку находилась за гранью понимания.

– Ну хватит голову нам морочить, – сказал Кертис. – Лучше скажи, есть ли телепаты в радиусе для ментальной пробы?

Макаронина неохотно обыскал пространство. Он знал, где что находится. Где бы это «что» ни находилось. Его талант позволял ему находиться в физическом контакте во всеми предметами во Вселенной.

– Рядом никого из них нет, – заявил он через некоторое время. – Один в ста футах примерно. Но я его отодвину. Ненавижу, когда телепы ко мне лезут...

– Да их все ненавидят! – сказала Салли. – Мерзкий у них, грязный какой-то талант. Залезать в головы другим людям – это все равно что подглядывать за ними в душе. Или когда те одеваются. Или едят. Неестественно все это.

Кертис усмехнулся:

– А какая разница между ними и провидцами? Талант провидца тоже естественным не назовешь...

– Провидец события видит, не людей изнутри, – отрезала Салли. – Ну, знает он, что случится позже? Так знать, что уже случилось, ничуть не хуже. Так я считаю.

– Даже лучше! – заметил Кертис.

– Нет, – строго заявила Салли. – Вот из-за этого-то все и завертелось. Мне все время приходится следить за тем, что я думаю, из-за вас. И каждый раз когда мне Телеп на глаза попадает, у меня мурашки по коже, и я всеми силами пытаюсь не думать о ней – и что? Я все равно о ней думаю, хотя прекрасно знаю, что нельзя.

– Мой талант провидца к Пэт не имеет никакого отношения, – сказал Кертис. – Провидец не меняет судьбу и не формирует ее. Найти Пэт было очень, очень непросто. Нетривиальная это была задача. И это был мой свободный выбор.

– А тебе не жалко теперь? – строго спросила Салли.

– Нет.

– Если б не я, – перебил их Большая Макаронина, – вы б никогда до Пэт не добрались.

– А лучше б мы и не добирались до нее, – с жаром ответила Салли. – Если бы не Пэт, ничего бы этого и не случилось!

И она сердито посмотрела на Кертиса:

– И она вообще некрасивая.

– А ты бы что предложила, а? – терпение Кертиса давно истощилось, он едва сдерживался, задавая этот вопрос. К тому же он предвидел бесполезность диалога: ребенка и идиота бесполезно убеждать в чем бы то ни было. Они все равно не поймут насчет Пэт. – Ты же сама понимаешь: мы не можем делать вид, что не нашли ее.

– Я знаю, – согласилась Салли. – А телепы уже что-то вытащили из наших мозгов. Вот почему они тут поблизости постоянно крутятся. Хорошо, что мы не знаем, где она.

– Я знаю, где она, – заявил Макаронина. – Я точно знаю, где Пэт.

– Ничего подобного! – сказала Салли. – Ты просто знаешь, где она находится, а это не то же самое. Ты не можешь объяснить это. Можешь просто отправить нас туда и обратно.

– Это планета, – сердито проговорил Большая Макаронина. – Там растения такие странные и всякая зелень. А воздуха мало. Она живет в лагере. Люди выходят оттуда и целый день в поле работают. Народу мало. Зато всяких тупых скотов много. И холодно очень.

– А где это? – спросил Кертис.

Макаронина жалко залепетал:

– Ну это... – и замахал толстыми ручищами. – Ну это... близко отсюда, короче...
Потом сдался, злобно посопел в сторону Салли, и над ее головой – из ниоткуда – появился бак с грязной водой.

Вода было полилась на нее, но девочка сделала несколько резких движений руками.

Макаронина испуганно заверещал, и бак исчез. Он, дрожа и задыхаясь, откинулся в кресле. Салли промокнула мокрое пятно на халате. Она оживила пальцы его левой руки.

– Больше так не делай, пожалуйста, – сказал ей Кертис. – А то у него сердце не выдержит.

– Пузырь-грязнуля, – и Салли принялась рыться в шкафу. – В общем, если ты решился, давай уж тогда действовать. Только давай не будем там задерживаться, как в прошлый раз. А то знаю я вас – заговоритесь, потом куда-то девааетесь на несколько часов, а я там мерзну. А отопления у них нет, кстати.

И она вытащила из шкафа пальто.

– Вот что я с собой возьму!

– Мы никуда не отправляемся, – сказал ей Кертис. – В этот раз все будет по-другому.

Салли удивленно заморгала:

– В смысле, по-другому?

Даже Макаронина удивился:

– А я тут уже готовился вас перебрасывать, – пожаловался он.

– Я знаю, – твердо ответил Кертис. – Но сейчас я хочу, чтобы ты перенес Пэт сюда. Прямо в эту комнату, понимаешь? Настало время, о котором мы столько говорили. Час «икс».

Когда Кертис входил в кабинет Фэйрчайльда, с ним был только один человек. Салли уже легла спать у себя в школе. А Макаронина и вовсе не покидал своего зала. Тим все еще находился в Школе, под присмотром Пси-администрации, не Телепатов.

Пэт нерешительно потопталась, потом прошла вперед. Ее изрядно пугали и нервировали люди, которые сидели в кабинете и сердито смотрели на вошедших.

Ей было лет девятнадцать. Худенькая, меднокожая, с большими темными глазами. Одетая более чем просто – парусиновые рубашка и брюки, тяжелые, облепленные грязью ботинки. Спутанные черные кудряшки прихвачены красной банданой и завязаны в хвостик. Привычные к тяжелой работе руки под закатанными рукавами загорели дочерна. На кожаном поясе висели нож, рация и НЗ еды и воды.

– Вот она, эта девушка, – сказал Кертис. – Посмотрите на нее внимательно.

– Ты откуда? – спросил Фэйрчайлд Пэт.

И отодвинул в сторону целую кипу директив и компьютерных лент с меморандумами, пытаясь отыскать свою трубку.

Пэт поколебалась и начала:

– Я...

Потом нерешительно повернулась к Кертису:

– Но ты же говорил мне никому не рассказывать, даже тебе.

– Сейчас можно, – мягко сказал тот. – Теперь ты можешь рассказать все. – И он объяснил Фэйрчайлду: – Я могу предвидеть то, что она скажет, но я предпочитал этого не делать. Не хотел, чтобы это из меня извлекли люди Корпуса.

– Я родилась на Проксиме VI, – тихо проговорила Пэт. – Я там выросла. И никогда до этого не покидала планету.

Фэйрчайлд удивленно раскрыл глаза:

– Но это же страшная глушь. Самый наш неразвитый регион.

Вокруг зашевелились консультанты как из Нормов, так из псиоников, некоторые подошли поближе, чтобы лучше видеть происходящее. Широкоплечий старик с выдубленным непогодой лицом и хитрыми и внимательными глазами поднял руку:

– Я правильно понял, что тебя сюда перенес Большая Макаронина?

Пэт кивнула.

– Но вообще-то я ни о чем таком не думала. В смысле, все это очень неожиданно случилось.

Она похлопала по поясу:

– Я работала, кусты вырубала. Мы хотим больше земли расчистить под распашку...

– Как тебя, говоришь, зовут?

– Патришия Энн Коннли.

– Класс?

Потрескавшиеся от солнца губы девушки пошевелились:

– Немой.

Чиновники принялись переглядываться.

– Ты Мутант, – уточнил старик, – не имеющий Пси-способностей? А в чем твое отличие от Норма?

Пэт взглянула на Кертиса, и тот ответил за нее:

– Через два года этой девушке исполнится двадцать один. Вы знаете, что это значит. Если она так и останется в классе Немых, ее стерилизуют и отправят в лагерь. Такова политика Колоний. А если Терранцы одержат вверх, ее стерилизуют в любом случае – и всех нас заодно с ней. И Пси, и Мутантов.

– Так ты что хочешь сказать, что у нее талант? – спросил Фэйрчайлд. – Хочешь, чтобы мы перевели ее из Немых в Пси? – И он принялся нервно перекидывать бумаги на столе. – У нас таких просьб поступает – тысячи. Каждый божий день. И ты приехал сюда в четыре часа утра ради такой ерунды? Для этого существует обычный бланк. В любом офисе можешь найти и заполнить. – Старик прокашлялся и резко спросил: – Эта девушка вам... близка?

– Очень, – отозвался Кертис. – Я лично заинтересован в ее судьбе.

– Как вы познакомились? – спросил старик. – Если она никогда не покидала Проксиму VI?

– Меня перемещал туда и обратно Макаронина, – ответил Кертис. – Я раз двадцать так путешествовал. Хотя, конечно, я не знал, что это Прокс VI. Я только знал, что это колониальная планета, дикая, практически не освоенная. Изначально я обратил внимание на личностный профиль и характеристики нервной системы, когда просматривал папки с делами Немых. А когда понял, что к чему, выдал Макаронине рисунок ее мозговой деятельности, и тот меня отправил на встречу с Пэт.

– А что за рисунок? – спросил Фэйрчайлд. – Чем отличается от других Немых?

– У Пэт талант, который никогда не считали талантом псионика, – ответил Кертис. – Точнее говоря, это действительно не Пси-талант в полном смысле слова, однако совсем скоро он станет для нас невероятно полезен. И нам следовало бы предусмотреть возможность его появления. Если эволюция дает жизнь какому-то организму, логично ожидать, что появится и его естественный враг.

– Ближе к делу, – проговорил Фэйрчайлд. И потер голубоватый от щетины подбородок. – Когда ты мне звонил, то сказал, что...

– Представьте, что Пси-таланты – это такие защитные свойства, позволяющие особи выжить, – сказал Кертис. – И представьте себе, что способность к телепатии эволюционирует как защитный механизм организма. Развив такую способность, Телепат получает нешуточное преимущество перед врагами. Разве такое в порядке вещей? В природе подобное уравновешивается.

Старик догадался первым:

– Я понял, – восхищенно сказал он, кривовато улыбаясь. – Эта девушка непрозрачна для телепатов. Они не могут взять ее ментальные пробы.

– Именно, – кивнул Кертис. – Она первая, но за ней появятся другие. Они будут защищены не только от телепатов. Нужно ожидать появления организмов, резистентных к паракинезу, к провидению, к воскрешению, к оживлению – одним словом, резистентных к действию любого известного Пси-таланта. Теперь у нас есть четвертый класс. Анти-Пси. Его появление было предрешено.

III

Кофе, конечно, в доме водился не натуральный, зато горячий и приятный на вкус. Как и яйца с беконом – его синтезировали из лабораторно выращенных протеинов и прочих пищевых соединений, с добавками волокна местных растений. Они завтракали, а за окном вставало солнце. Бесплодный пейзаж Проксимы III окрашивался бледно-алым.

– Красиво тут, – стеснительно пробормотала Пэт, любуясь рассветом из окна кухни. – А можно, я ваше оборудование посмотрю? У вас на ферме много всякого, больше, чем у нас.

– У нас просто времени было больше, – напомнил ей Кертис. – На эту планету высадились на век раньше. Но вы нас догоните. На Прокс VI больше природных богатств, да и земля плодороднее.

Джули за столом не сидела. Она стояла, прислонившись к холодильнику, с подчеркнуто холодным и отчужденным лицом.

– Это что же, она будет у нас жить? – спросила она тонким злобным голоском. – Вот в этом доме, с нами?

– Ага, – ответил Кертис.

– И долго это будет продолжаться?

– Пару дней. Или неделю. Пока я не заставлю Фэйрчайлда сделать все, что нужно.

Снаружи доносились звуки пробуждающегося жилого комплекса. Люди просыпались и собирались на работу. На кухне было тепло и уютно, за окном из прозрачного пластика растянулся скудный ландшафт – обломки скал, тоненькие деревья, редкая растительность. И так на многие сотни миль вокруг. Холодный утренний ветер хлестал и гонял мусор и отбросы, завалившие опустевшее межсистемное поле на краю жилого комплекса.

– Раньше это поле связывало нас системой Сола, – сказал Кертис. – Эдакая пуповина. А теперь ее нет. Ну, по крайней мере, пока.

– Красивое, – заметила Пэт.

– Поле-то?

Она показала на башни созданного по последнему слову техники горнодобывающего и плавильного комбината – их верхушки торчали над крышами домов.

– Я вот их имею в виду. Пейзаж тут такой же, как у нас. Не за что глазу зацепиться – жуть. А вот все эти сооружения... они очень важные. Они значат, что мы победили здешний пейзаж. И ее передернуло.

– Всю свою жизнь мы корчевали деревья, очищали землю от камней, пытались расчистить землю под пахоту – одним словом, отвоевать себе место под солнцем. У нас на Прокс VI нет никакого особого оборудования – только всякие лопаты и мотыги и наши руки и спины. Да что я вам рассказываю, вы же видели наши деревни.

Кертис отхлебнул кофе:

– На Прокс VI много псиоников?

– Нет, не очень. Меньше, чем других. Так, пара Воскрешателей, совсем немного Оживляющих. Но они все Салли в подметки не годятся. – И она рассмеялась, показывая белые зубы. – Да куда нам, деревенским, до вас, городских. У вас тут целый мегаполис! А вы видели, как мы живем. Редкие деревни, фермы, пара пунктов снабжения, поле какое-нибудь жалкое. Вы

видели мою семью, братьев, отца, дом – если эту бревенчатую хибару можно домом назвать. Да мы от Терры на три века отстали.

– Они рассказывали тебе о Терре?

– Да, конечно! Всякие записи привозили – прямо из системы Сола. Ну, еще до Отделения. Не то что бы мне жалко было, что отделились. И потом, мы же это все вместо работы смотрели – нет чтобы снаружи вкалывать. Но интересно все-таки было взглянуть на метрополию, на то, откуда пошли все наши колонии – на большие города, на толпы народа эти. И на самые первые колонии – на Венере и на Марсе. Красотища!

Ее голос дрожал от восхищения.

– Все эти колонии – они же раньше были как мы. Им пришлось поверхность Марса расчищать – прямо как нам на Прокс VI. Города строить, поля распахивать. И вот мы тоже теперь трудимся, каждый на своем месте...

Джули отлепилась от холодильника и принялась собирать грязную посуду со стола. На Пэт она даже не взглянула.

– Может, я, конечно, наивный вопрос сейчас задам, – сказала она Кертису. – Но где она будет спать?

– Ты знаешь, что я отвечу, – терпеливо отозвался Кертис. – Ты же предвидела это. Тим – в Школе, так что она может занять его комнату.

– А мне что делать? Кормить ее, убирать за ней, прислуживать? Я что вам здесь, горничная? А что я людям скажу, когда они ее увидят? – Джули повысила голос, в нем проскакивали визгливые нотки. – Что она моя сестра, да? Или что?

Пэт улыбнулась Кертису и принялась вертеть пуговицу рубашки. Злоба в голосе Джули ее никак не задевала и даже не затрагивала. Возможно, именно поэтому люди из Корпуса не могли залезть к ней в голову. Отрешенная, пожалуй, даже отчужденная девушка обладала неким иммунитетом против чужой злобы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.